



ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 228

Н. А. ЛОПУЛЕНКО

**«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ» (1990-2011):
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Москва

2012

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 228

Н.А. Лопуленко

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»
(1990–2011):
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Москва
ИЭА РАН
2012

ББК 63.5+63.3(2)64-36+66.0
УДК 323.1(470+571)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Л-77 Лопуленко Н.А.
«Исследования по прикладной и неотложной этнологии» 1990–
2011: Аналитический обзор / Исследования по прикладной и не-
отложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2012. – Вып. 228. –170 с.
ISBN 978-5-4211-0058-4

Доклад посвящен анализу неперiodического издания ИЭА РАН за 1990–
2011 годы. В нем рассмотрены история развития прикладных исследований
на Западе и в России, основные направления прикладных исследований в
России, выделены и проанализированы основные проблемы, которые освещались в этом издании. Автор, обращает внимание на зависимость проблематики от конкретной этносоциальной и политической ситуации в стране и регионах, на взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований.

© ИЭА РАН – 2012 г.
© Н.А. Лопуленко – 2012 г.

Н.А. Лопуленко

**«Исследования по прикладной и неотложной
этнологии» (1990–2011 гг.):
Аналитический обзор**

Resume

«RESEARCHES ON APPLIED AND URGENT ETHNOLOGY» (1990–2011):
THE ANALYTICAL REVUE

This report is devoted to analysis of non-periodical edition of IEA RAS for 1990–2011. In the report history of development of applied researches in the West and in Russia, the main trends of applied researches in Russia has been considered, the basic problems which were highlighted in that edition are outlined and analysed. The author, pays attention to problems dependence from concrete ethnosocial and political situations in the country and regions, the relationship of fundamental and applied researches.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ [4]	Регионы России 101
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (краткий очерк) [7]	Страны Балтии.....105
Конец XIX – 20-е гг. XX в. 9	Крым (Украина).....105
1930–1940-е гг. 12	МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ106
Середина XX в. 14	Северный Кавказ108
Конец XX – начало XXI в. 20	Другие регионы РФ 110
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ [27]	СНГ112
Советский период.....27	Балканы113
Постсоветский период 30	Ближний Восток115
Прикладные исследования в ИЭА РАН..... 32	ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ 116
«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ» [39]	Европейская часть России117
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА (ЭТНОПОЛИТИКА) 46	Крайний Север 119
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ 51	Южная Сибирь.....126
Северный Кавказ 51	Северный Кавказ 127
Поволжье 61	СНГ 127
Республики Сибири 66	Страны Балтии.....129
Другие регионы России..... 71	Зарубежный Север130
СНГ75	ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ130
Зарубежная Европа 80	Религиозный ренессанс в России131
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ 80	Ислам 132
Европейская часть России81	Неорелигиозные движения 135
Народы Севера и Сибири 83	Православная церковь на Украине 136
Кавказ..... 89	ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 137
Страны Балтии90	Переписи населения 137
Зарубежный опыт (США и Канада)91	Демографическая ситуация в России . 137
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 92	Этнические миграции из-за рубежа....138
Московский регион 93	Этнические миграции за рубежом 139
Другие регионы России..... 95	ЭТНОС И ПРАВО140
СНГ 98	ДИАСПОРЫ И ЭТНОСОСЛОВНЫЕ ГРУППЫ142
Зарубежная Европа 100	Русские диаспоры 142
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ 101	Казачество 147
	Немцы 148
	Евреи 149
	Поляки 150
	Другие диаспоры в России151
	Западная Европа..... 154
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ [155]
	Перечень работ, опубликованных в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» [159]

ВВЕДЕНИЕ

Прикладная этнология – это научное направление, вызванное к жизни не только значимостью объектов исследования, но и осмыслением социальной роли науки. В нее включается применение фундаментальных этнографических знаний и разработка своих специфических методов для решения практических задач. В числе прикладных аспектов этнологии на первом месте стоит задача управления этническими процессами. Кроме того, в прикладной этнологии разрабатываются такие актуальные для нашего времени проблемы, как право наций на самоопределение и различные способы его реализации, этно-территориальные споры, национально-освободительные движения, национализм, воспитание межэтнической толерантности и сотрудничества, защита и содействие малочисленным этносам и т.д.

Основная задача предлагаемой работы – рассмотреть основные проблемы исследований прикладной этнологии и их результаты, отраженные в многолетнем издании Института этнологии и антропологии РАН «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», а также кратко обрисовать основные исследовательские направления и особенности прикладной антропологии за рубежом.

Располагая высококвалифицированным коллективом ученых и уникальным опытом исследования этносов России и за рубежом, Институт этнологии и антропологии РАН с 1990 г. начал работу по программе «Прикладная и неотложная этнология». Тогда это было фактически новое направление в российской этнологии. В нем были тесно переплетены и взаимосвязаны фундаментальные проблемы науки и практическое использование результатов этих исследований. Ориентированная на наиболее актуальные для того времени проблемы этнонационального развития страны (межэтнические отношения в России и ближнем зарубежье, национальная политика, автономии и регионализм в Российской Федерации, этнокультурные изменения постсоветского пространства и т.п.) программа предназначалась для практического использования результатов научных исследований – почти каждый выпуск содержал рекомендации для органов управления, касающиеся решения конкретных проблем, либо знакомил с опытом решения таких проблем в других государствах. Серия начала свое существование в виде препринтных докладов, а со временем стала полноценным научным изданием, представляя собой, по сути, один из первых опытов сплава оперативной научно-исследовательской и информационно-издательской работы в этой области научного знания.

В начале состав редколлегии серии не был стабильным. В разные годы в нее входили Ю.Д. Анчабадзе (1990–1991), И.Г. Косиков (1993–1995), Н.А. Лопуленко (с 1990 по наст. вр.), М.Ю. Мартынова (с 1991 по наст. вр.), С.С. Савоскул (1992–1993), В.А. Тишков (с 1990 по наст. вр.), Д.А. Функ (1995–1998), С.В. Чешко (1990–1993). С 1998 г. ее состав стабилизировался, и по сей день в нее входят трое – акад. РАН В.А. Тишков, д.и.н. М.Ю. Мартынова и к.и.н. Н.А. Лопуленко.

Первоначально редколлегия ставила перед собой задачу делать основной упор на исследованиях межнациональных отношений в СССР и за рубежом. В связи с этим в 1991–1992 гг. выпускалось две серии издания: А – исследования текущей ситуации в СССР, позже – в странах СНГ, и Б – та же тематика в зарубежных странах. Впоследствии стало очевидным, что такое разделение нецелесообразно. Со временем в поле зрения редколлегии попали не менее животрепещущие проблемы – этноконфликтные ситуации, положение национальных меньшинств, этнических групп и малочисленных народов, национальная политика, проблемы автономий и регионализма и т.п. Редколлегия старалась объективно подходить к отбору материала и отказ в публикации (крайне редкий) никогда не определялся несогласием с авторской концепцией. Фактически в работе редколлегии превалировало два принципа: минимальная редакторская обработка и максимально точная передача авторского видения проблемы.

С 1990 по 2011 гг. вышли в свет 227 номеров этого продолжающегося издания, причем в процессе работы формировался современный облик издания, включающего в себя, кроме доклада на определенную тему, сведения об авторе и резюме на русском и английском языках и в качестве приложения – полный список изданных в серии работ.

В кратком предисловии к сотому выпуску (1996 г.), подводившему промежуточные итоги программы, серия оценивалась как примечательное явление в российской этнологической науке и в деятельности ИЭА РАН. «Через это издание, – писал В.А. Тишков, – проявилась одна из значительных перемен последнего периода, а именно – более активное обращение исследователей к современной тематике, усиление интереса к наиболее общественно значимым проблемам и расширение поля воздействия науки на политический процесс. Усилиями исследователей ИЭА РАН, а также ряда других научных центров России в изданных работах были проанализированы вопросы этнического состава, миграций и новых диаспор, этнополитическая ситуация в республиках и регионах России и ряде других государств бывшего СССР, этнонациональные движения и конфликты, современные этнокультурные процессы»¹.

Проблемы в серии представлены в максимально конкретизированной форме по локальным ситуациям с использованием авторских материалов вклю-

ченного наблюдения, а также официальных документов и статистических данных. Эти публикации нашли широкое признание среди ученых и политиков в нашей стране и за рубежом, прежде всего благодаря добротности и точности этнологического анализа и прогнозов.

Из 181 автора этого издания 85 – настоящие или бывшие сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, включая аспирантов и стажеров. 96 чел. – не сотрудники Института, главным образом специалисты из регионов, владевшие на тот момент самой оперативной информацией по изучаемым проблемам. Отдельные актуальные проблемы были проанализированы специалистами самого высокого класса. Среди авторов серии – исследователи из стран дальнего зарубежья (8 чел.) (Израиль, Канада, США, Польша). В настоящее время ведется работа по размещению электронных вариантов докладов на сайте Института (<http://www.iea.ras.ru/>).

Результаты исследований имеют большое значение для прогнозирования межнациональных отношений и профилактики конфликтов, корректировки национальной и этнорегиональной политики. Материалами издания пользуются политологи и политики, обществоведы и экономисты, культурологи и журналисты, органы законодательной и исполнительной власти.

Прежде чем перейти к анализу издания представляется целесообразным кратко рассмотреть историю развития прикладного направления в социальной/культурной антропологии за рубежом и в этнологии России.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Историческое развитие прикладной антропологии в западных странах хорошо представлено в европейской и северо-американской научной литературе².

Традиционно западная антропология включает в себя четыре крупных раздела или субполя: культурную/социальную антропологию, археологию, биологическую/физическую антропологию, и лингвистику³, а практическое применение любого из этих разделов определяется как «прикладная антропология» [Applied Anthropology] или «антропология действия» [Action Anthropology]. В то же время некоторые практические проблемы могут быть решены с помощью совокупности двух и более разделов антропологии. Например, для реализации индейской программы общественного развития в США потребовалось привлечение разных отраслей антропологии: археологических исследований – для определения законности требований права на пользование водой, этнографических – для оценки современных и исторических культурных особенностей этих сообществ, лингвистических – для восстановления языковой компетентности среди жителей индейских общин, медицинской антропологии – для определения причинной связи между рационом питания и заболеваемостью и т.д.

Таким образом, традиционная антропология сосредотачивалась на исследованиях племен, исчезнувших или исчезающих народах и культурах. А в прикладной антропологии главное – изучение изменений в человеческом поведении под влиянием современных социальных, экономических и культурных процессов. Их анализ способствует пониманию последствий взаимодействия традиционных и современных культур. Методы исследования в прикладной антропологии определяются ее целями и задачами. Важнейшие инструменты исследования в прикладной антропологии – этнографическое изучение и включенное наблюдение. Используются также эмпирические методы, включая анализ документов и научных трудов.

Независимо от различных программ изменения и развития, вторгающихся в жизнь местных жителей, прикладной антрополог, основываясь на обычаях, традициях и предпочтениях конкретного населения, чьи интересы могут быть ущемлены этими программами, прогнозирует перспективы их реализации. Давая им объективную оценку, прикладные антропологи могут серьезно повлиять на характер планируемых изменений и трансформировать их. Цель

таких исследований в том, чтобы не допустить отрицательного воздействия индустриальной культуры на жизнь местного населения. В этом – одно из важнейших отличий прикладной антропологии от классической социокультурной антропологии, которая занимается созданием теоретических моделей в соответствии с ее аналитическими подразделами⁴.

Таким образом, суть прикладной антропологии сводится к практическому применению антропологических данных, теорий, методов и накопленных знаний для исследования социальной области человечества – роста и развития общества, оценки и решения широкого спектра социальных проблем, для выявления и решения практических вопросов, касающихся различных аспектов человеческого существования и деятельности. Общество прикладной антропологии [Society for Applied Anthropology] дополняет это определение, характеризуя прикладную антропологию как «научное исследование принципов, контролирующих отношения между людьми, и широко применяющее эти принципы к практическим проблемам»⁵.

В разных странах прикладная этнология/антропология или «антропология действия» развивалась под влиянием своих, присущих этим странам условий исторического, социального, политического, культурного развития, иногда выделяя эту отрасль в особую прикладную науку, но чаще так и оставаясь в рамках социальной/культурной антропологии.

Прикладная антропология порой недооценивается некоторыми учеными, считающими, что как дисциплина она не выдвигает собственных теорий. Кроме этого, слабой стороной этого направления может стать ненадежность данных прикладного антрополога из-за давления, оказываемого заказчиком на его заключения с целью получения необходимых ему выводов и рекомендаций. Советники-антропологи могут также вступить в конфликт либо со своими работодателями по поводу изучаемой группы, либо с самой этой группой под воздействием нанимателя. Как пример, исследование японских концлагерей в США в период Второй мировой войны, когда интересы заказчика и потребности группы находились в противоречии, а исследование прикладных антропологов использовалось не столько с научной точки зрения, сколько для удовлетворения требований правительства. Поэтому для прикладного антрополога чрезвычайно важно умение балансировать между интересами заказчика и изучаемой группы, которые могут быть противоположными, и зачастую заставляют антрополога выбирать позицию компромисса⁶.

Существуют и другие сложности в прикладных антропологических исследованиях. Многие в них зависят от того, насколько глубоко вовлечен антрополог в свою тему, насколько полно он владеет материалом. Кроме того, антропологические данные могут быть «загрязнены» влиянием социологических исследований изучаемой культуры, что ведет к искажению собранной информации. Еще одна слабость этого направления антропологии в том, что за-

частую антрополог не использует синхронного и диахронного методов при анализе информации, не проводит сравнительные исследования разных групп людей во времени и пространстве, доверяя уже существующим выводам.

Конец XIX – 20-е гг. XX в.

В **Великобритании** применили опыт прикладной антропологии в конце XIX в. для колониального контроля и покорения «дикарей» с целью получения сырьевых ресурсов богатейших территорий Африки и Америки. Как писал английский антрополог А. Купер [Adam Kuper], «...с первых дней своего существования британская антропология представляла себя как наука, которая может быть полезной для колониальной администрации. Причины этого очевидны. Колониальное управление и колониальные интересы были лучшим обоснованием финансовой поддержки, особенно за десять лет до того, как дисциплина получила признание университетов»⁷.

Антрополог из Великобритании Л. Пит-Риверс [Lane Fox Pitt-Rivers] использовал термин «прикладная антропология» уже в 1881 г.⁸ Позже, в 1896 г., этот термин появляется в трудах американского этнолога Д. Бринтона [Daniel Garrison Brinton] и к 1930-м гг. уже широко используется для распространения идей и концепций прикладной антропологии как самостоятельной отрасли культурной антропологии, связанной с ее практическим применением⁹. В 1906 г. концепция «прикладной антропологии» была впервые использована в программе для дипломников Оксфордского университета под названием «практическая антропология». В тот период прикладная антропология определялась как дисциплина «для помощи в решении социальных проблем и облегчения перехода». С начала XX в. в Великобритании было введено обязательное обучение представителей колониальной администрации этнографии тех народов, среди которых они работали. По заданию колониальных властей в Африке начали проводиться этнографические исследования, на основе которых разрабатывались принципы т.н. «косвенного управления»¹⁰. Таким образом в начале XX в. практическое применение этнографических знаний в области управления подчиненными народами (административная антропология) получило широкое распространение. Впоследствии, начали создаваться должности для правительственных антропологов (например, в Южной Нигерии).

По утверждению Купера (1983), лидеры антропологии, такие как Б. Малиновский [Bronisław Kasper Malinowski] и А. Рэдклиф-Браун [Alfred Reginald Radcliffe-Brown], стали известны в 1920–30-е гг., когда они пропагандировали достоинства практической антропологии и этнографии, как средства обращения к колониальным проблемам, «но все это было, – по словам М. Баба, – преимущественно на уровне торговли, для гарантии специального финансирования исследований»¹¹.

Малиновский, разработавший функциональную школу социальной антропологии, одним из основных постулатов которой было утверждение, что все компоненты общества взаимосвязаны и составляют хорошо сбалансированную систему, провел первые исследования в области прикладной антропологии, ввел понятие «включенное наблюдение» в методику для более глубокого понимания социально-культурных реальностей. Его антропологические теории и методы работы способствовали расширению практического использования антропологии. Малиновский утверждал, что антропологи должны защищать коренное население, исследуя современные социальные процессы, происходящие в их обществах. По его мнению, антрополог, интерпретируя результаты исследований, может предложить решения острых проблем с учетом культурных особенностей изучаемой группы. В качестве эксперта для чиновников, работающих в кросс-культурной ситуации, он должен знакомить последних с культурными нормами окружающего населения, а также – нести ответственность за осуществляемые с его помощью проекты. С точки зрения Малиновского, «практикующая» и «прикладная» антропология – синонимы, означающие прикладную деятельность, направленную на решение практических проблем¹².

Однако, полагал Купер, поскольку в тот период многие британские антропологи были функционалистами и либералами, они не были склонны ни теоретически, ни идеологически лоббировать административные интересы, направленные на изучение социальных изменений у колониальных народов, т.к. эти изменения могли нанести ущерб и людям, которых изучали антропологи, и самой антропологии, которая могла быть уничтожена как дисциплина. Поэтому «в действительности британские антропологи мало использовались колониальными властями, и несмотря на свою риторику, даже надеясь на получение фондов, они не особенно стремились быть использованными»¹³. Другие ученые отмечали, однако, что сотрудничество все-таки осуществлялось и был даже своего рода «симбиоз» между антропологами и колониальной администрацией во времена Британской империи, поскольку антропологи в целях получения финансирования для своей работы обещали решение проблем коренного населения с помощью прикладных исследований, которые, в свою очередь, помогли сформулировать начальную теоретическую основу самой социальной антропологии¹⁴.

Английский антрополог Д. Милс [David Mills] охарактеризовал отношения между теорией и практикой в Великобритании в колониальный период как «парадоксальные»¹⁵. «Антропология была решительно прагматичным предметом, по крайней мере потому, что правительство нуждалось в интеллектуалах, которые проводили бы тщательные исследования, способствующие развитию колоний и их благосостоянию»¹⁶. В то же самое время финансовая поддержка и автономия, позволили легитимизировать саму дисциплину. Однако британ-

ские научные круги получили возможность обходить трехуровневую систему (антрополог–субъект–спонсор), оставляя только двоих участников научного процесса – антрополога и субъекта, минуя спонсора.

Как пишет М. Баба [Marietta L. Baba], в Великобритании в колониальную эпоху взаимодействие между империалистической экономикой и британской классовой системой способствовало расколу между «чистой» и «прикладной» антропологией. Империалистическая система, особенно косвенное управление, которое осуществляло государство, способствовала тому, что представители колониальных властей наблюдали за колониями «на длину оружия» (т.е. собирайте эмпирические данные, но всегда имейте возможность уехать – «подходящий вариант» для включенного наблюдения, – иронически пишет автор). Иерархическая и патерналистская социальная система, которая процветала при колониализме, фактически гарантировала своего рода разделение труда в прикладных исследованиях: теоретики высокого класса могли заниматься «чистой наукой», а более низкостатусные молодые ученые или прикладные исследователи осуществляли проекты, ориентируемые на конкретную задачу¹⁷.

Американский антрополог Дж. Фостер [George McClelland Foster] также утверждал, что «поскольку антропология в свои первые годы не была достаточно развита теоретически или методологически..., было принято жесткое разделение на теоретиков и прикладных исследователей, хотя иногда их нельзя было четко дифференцировать (часто теоретики проводили и прикладные исследования)»¹⁸.

В США уже в 1860-е гг. практическое использование этнографии было мотивировано необходимостью управления многочисленными индейскими резервациями. Со времени одного из основоположников американской антропологии Ф. Боаса [Franz Boas], антропологи искали область приложения для идей либерализма в рамках академических исследований. Он и его ученики в качестве концептуальной основы развивали идеи релятивизма и идеологию либерализма, которые господствовали в антропологии в течение XX-го столетия. И хотя Боас и его ученики много делали и для спасения исчезающих аборигенных групп, и для развития науки, «антропология оставалась относительно слабой дисциплиной»¹⁹. Именно под влиянием Ф. Боаса антропология была провозглашена практической дисциплиной, которая может влиять на туземную политику США, однако антропологи имели скудный опыт работы в прикладном направлении и чаще занимались абстрактными проблемами или описаниями традиционных туземных культур (до прибытия европейцев), а не их существованием в современной действительности. Зачастую антропологи становились в оппозицию к администрации, ратуя за сохранение традиционных культур²⁰.

1930–1940-е гг.

В 1930–40-е гг. условия существования и развития прикладной антропологии значительно изменились, что было вызвано переменами в колониальной политике и Второй мировой войной.

В **Великобритании** в ответ на критику общественности британской имперской политики (особенно американцами), обвинявшей власти в том, что изоляция колоний не позволяет им развиваться в экономическом отношении, британские колониальные власти стали более активно участвовать в административном планировании, которое должно было обеспечить стимул для экономического роста колоний. В 1940-е гг. в Англии был принят закон о колониальном развитии и благосостоянии [Colonial Development and Welfare Act, CDWA], который обеспечил существенное бюджетное финансирование для социальных исследований в колониях, включая фонды для антропологии. Финансирование социальных научных исследований в Африке осуществлялось через многие механизмы, включая гранты от Корпорации Карнеги и Фонда Рокфеллера. Некоторые фонды разрешали антропологам быть независимыми от колониальных властей и переходить к двусторонним отношениям с изучаемыми субъектами, что представляло академическую модель исследования²¹.

Для осуществления ассигнования в рамках CDWA был создан Совет по колониальным социальным научным исследованиям [Colonial Social Science Research Council, CSSRC]. Из подробнейшего отчета о деятельности Совета, сделанного Милсом, следует, что первоначально это были антропологи из Лондонской школы экономики [London School of Economics, LSE], наиболее тесно связанные с CSSRC, – Р. Фирт [Raymond Firth] и О. Ричардс [Audrey Richards]. Оба были учениками Малиновского, одного из главных апологетов прикладной антропологии, и подчеркивали реформистские цели CDWA, объединившие научные и прагматичные направления исследований²².

В 1941 г. в Великобритании было создано Общество прикладной антропологии [Society for Applied Anthropology], в 1946 – оформилась Ассоциация социальной антропологии [Association for Social Anthropology, ASA], совершенно новая профессиональная ассоциация, представлявшая строго академических антропологов. С 1949 г. стал издаваться главный журнал прикладных антропологов – «Антропология действия» [«Anthropology in Action»]. Все это способствовало стабильному росту числа антропологических факультетов и программ в академических учреждениях и университетах (к 1953 г. действовало уже 38 учебных антропологических программ)²³.

В **США** одно из ранних использований термина «прикладная антропология» было осуществлено Бюро по делам индейцев [Bureau of Indian Affairs, BIA (БДИ)], которое в 1930-е гг. основало Общество прикладной антропологии [Applied Anthropology Unit]. БДИ занималось в то время определением земельных владений резерваций с целью остановить истощение ресурсов и

поощрить участие туземцев в их управлении. В тот же период продолжалось изучение индейских общин, большое внимание уделялось роли лидеров в неформальном управлении в резервациях²⁴.

Все же причастность антропологии к индейской политике в 1920–30-е гг., а также тесные междисциплинарные связи в пределах общественных наук, влияли и на дисциплину в целом. Готовность «наняться» для решения проблем современного американского общества была отражена в учреждении в мае 1941 г. в Гарварде Общества прикладной антропологии [Society for Applied Anthropology, SfAA]. Основателями его стала группа антропологов, психологов, социологов и др. (в их числе были Конрад Аренсберг [Conrad Maynadier Arensberg], Грегори Бейтсон [Grégory Bateson], Рут Бénéдикт [Ruth Benedict], Эллиот Чаппл [Elliot Chapple], Маргарет Мид [Margaret Mead], Джордж Мёрдок [George Peter Murdock], Уильям Уайт [William Foote White] и др.). Основной идеей общества стало объединение в исследованиях научных и прагматических целей, для того чтобы способствовать изучению принципов, управляющих взаимоотношениями людей, а также поощрять широкое применение этих принципов для решения практических задач²⁵.

До Второй мировой войны в США не было строгого различия между «чистой» и «прикладной» антропологией. У антропологов было мало возможностей работать в науке, теоретическая антропология развивалась слабо, и большинство американских антропологов (за небольшим исключением) не имело доступа к ресурсам, которые позволяли бы им выезжать на полевые исследования за границу. Проще всего их было проводить в общинах коренных американцев, и антропологи нанимались через правительство США для «прикладных» исследований, связанных с управлением внутренними колониями²⁶.

Таким образом основы западной прикладной антропологии базировались на междисциплинарных англо-американских исследованиях и идеях «индейского резервирования», на социально-культурных исследованиях индустриальных обществ, экономики и сельского хозяйства. Эти цели породили и свои методы прикладной антропологии, помогавшие при исследовании воздействия модернизации на культуру и человека. Известный российский этнолог А.А. Никишенков, характеризуя западную прикладную антропологию первой половины XX в., пишет: «Мировоззренческие основания прикладных исследований отличаются грубой прямолинейностью, свойственной позитивистской доктрине: если научная теория истинна, то она одновременно является и прикладной; прикладная антропология – это (вариант 1) предоставление учеными объективных знаний практическим деятелям, (вариант 2) подготовка учеными рекомендаций, предназначенных для выполнения практическими деятелями, (вариант 3) непосредственное участие антропологов в практической деятельности (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун)»²⁷.

Середина XX в.

Война и послевоенные реалии стали главными движителями перестройки экономических и политических отношений во всем мире. Близился конец колониализма, начиналась «холодная война», капитализм искал новые рынки сбыта, была провозглашена эра «политики развития» в отношении стран т.н. «третьего мира». После Второй мировой войны начался упадок западно-европейской прикладной антропологии.

Во второй половине XX в. под влиянием антиколониального движения усилилась критика антропологии как «служанки колониализма». Это было время, когда в антропологии стран-колонизаторов проявилась тенденция скорее к отказу от прикладной антропологии в целом, чем к выявлению различий между ее использованием на «службе колониализма» или в других целях. Такому отношению к антропологии способствовал иерархический статус отношений между «чистой» и прикладной антропологией, особенно характерный для Великобритании. Как только британцы прекратили управление своими колониями, прикладная антропология была политически опорочена, а в научных кругах прекратилось использование термина «прикладная». Многие антропологи стали вообще избегать практики, предпочитая заниматься «чистой» антропологией. Таким образом теория отделилась от практики, а дисциплина все более становилась маргинализированной, теряя свою прагматическую ценность.

Некоторые аналитики усмотрели в этом моральный и интеллектуальный кризис антропологии 1960–70-х гг. Так, А.А. Никишенков пишет о том, что «антропологический цех раскололся на ряд течений – одни прилагали усилия, направленные на оправдание сотрудничества с институтами власти (М. Фортес, Ян Джарви, Стенли Даймонд и др.), другие выступали за союз с теми, кто подвергается манипулированию со стороны властей («антропология протеста», «сочувствующая антропология» – Джон Льюис, Джералд Берреман, Майкл Хоровиц), третьи пытались выработать компромиссные подходы, сочетающие оба предыдущих («антропология действия» Сола Такса и др.)»²⁸.

Для **США** период с середины XX в. характеризовался бурным развитием прикладной антропологии, что объясняется осмыслением новой роли социальной науки, «пытающейся решать новые задачи, формулировать новые темы, создавать новые, конкретно ориентированные методики для решения новых практических задач средствами фундаментальной науки»²⁹.

Когда после Второй мировой войны США стали экономической, политической и военной супердержавой, американские антропологи взяли на себя инициативу в институционализации прикладной антропологии. Раскол между «чистой» и прикладной антропологией в США принял специфическую форму и повлек изменения в определении прикладной антропологии в Америке. Это было обусловлено тремя факторами: 1) ростом спроса на «чистую» (академическую) антропологию и последующим развитием теоретической антрополо-

гии; 2) появлением эпистемологических, этических, и политических проблем, связанных с применением антропологии; 3) ростом рынка труда для практиков в связи с увеличением числа новых официальных структур, использовавших прикладную антропологию. В то же время антропологические теории не привлекались практикой при решении современных проблем³⁰.

Спрос на антропологов в качестве инструктора/исследователя/консультанта быстро рос не только в области внутренней колониальной администрации (т.е. в связи с проблемами американских индейцев), но стал распространяться и на другие сферы, в т.ч. связанные с политикой, общественной деятельностью и культурными изменениями. Так, например, исследования в области микронезийской антропологии осуществлялись под руководством морского ведомства, готовившего офицеров-администраторов на оккупированных территориях. Наиболее широко прикладная антропология использовалась при решении практических задач в развивающихся странах, в частности, при разработке программ по развитию здравоохранения, земледелия и образования для Латинской Америки³¹ и т.п. Этот спрос был устойчивым и растущим из-за многочисленных контекстуальных сдвигов на национальном и глобальном уровнях (например, создание нового федерального законодательства, для которого потребовалась антропологическая экспертиза, или обоснование международной политики «развития капитализма» на новых рынках за рубежом и т.д.).

После Второй мировой войны на Западе возникло понятие «развитие» как средство решения проблем «экономической отсталости» Африки, Азии и Латинской Америки. Западный истеблишмент убеждал лидеров новых независимых государств, что для выхода на Запад необходимы культурно обоснованные проекты экономического роста³². Развитие этого движения дало возможность американским антропологам работать совместно с международными учреждениями и американскими вооруженными силами для «модернизации» стран третьего мира. По мере развития и воплощения в жизнь этой идеи, народы «слаборазвитых» стран стали еще беднее, а их положение еще более отчаянным. Ведущие интеллектуалы в странах третьего мира начали сильно критиковать такое «развитие» с точки зрения марксистской теории «зависимости», которая объясняет «отсталость» прямым следствием экономической зависимости периферийных территорий от капитализма и эксплуатации их колониальными странами. В конце 1980-х гг. теория «зависимости» была подвергнута жесткой критике с различных точек зрения, а концепцию «развития» поддерживало все большее число политиков и ученых, включая антропологов, для которых «развитие» стало объектом исследования³³.

Поскольку развивающиеся страны в социальном и культурном отношении находились в поле этнологических исследований и в то же время в сфере экономических интересов развитых капиталистических стран, то именно этнологам выпало напрямую столкнуться с политикой, ибо развитие стран «третьего

мира» – это прежде всего политическая проблема. Таким образом, в середине XX в. американская, и шире – западная прикладная антропология, развивалась на стыке трех направлений, обслуживая интересы науки, политики и бизнеса.

Большое внимание стало уделяться проблемам управления социально-экономическими и культурными процессами в сельских зонах развивающихся стран (в частности, в Индии) и прогнозированию их результатов. Научно-прикладным итогом деятельности специалистов из западных стран стала теория общинного развития [«community development»]. В Латинской Америке прикладная этнология была напрямую связана с индихинизмом, направлением, способствовавшим государственной политике «культурной и экономической интеграции коренных народов»³⁴. Антропологи из т.н. «третьего мира» часто критиковали точку зрения «извне», нетуземных антропологов, как узкую или предрешенную.

В это же время для многих исследователей стало ясно, что их работы не были абсолютно «чистыми», с точки зрения этики. Вмешательство в культуру других людей при сохранении своих обязательств по отношению к этим другим (иногда с противоположными интересами) чревато моральными противоречиями. И если сведение к минимуму непредвиденных последствий (т.е. соблюдение принципа «не навреди») было главным для исследователя, (поскольку всегда существовала ответственность конкретного антрополога), то исполнение этого принципа чаще всего зависело от обстоятельств³⁵. Так, например, во время войны во Вьетнаме, информация о том, что военное ведомство США пыталось завербовать антропологов для участия в тайных операциях контрразведки за границей, произвела фурор и привела к принятию Американской антропологической ассоциацией запрета на проведение любых исследований, которые не могут быть опубликованы открыто. Этот запрет, ставший одним из принципов профессиональной ответственности, был отменен только в 1990-е гг.³⁶

Еще в 1950–1960-е гг. антропологи начали отходить от идей мультидисциплинарной основы прикладной антропологии, больше фокусируясь на классической методологии полевых исследований. По мысли Беннета³⁷, чтобы понять всю сложность культур, антрополог должен исследовать субкультуры с целью познания пути и истории их развития и долговечности. Теоретическое развитие дисциплины продвинулось вперед, что, однако, зависело не столько от социальных проблем, сколько было связано с интеллектуальными движениями 1960-х – 70-х гг. Развитие теории совершалось благодаря антропологам, предпочитавшим работать в области «чистой» науки (хотя и использовавших интенсивные полевые исследования). К сожалению, их абстрактные концепции, часто создававшиеся на высоком теоретическом уровне, было весьма трудно применить к социальным проблемам «развивающихся» обществ³⁸. Известный английский антрополог Л. Мэйр [Lucy Mair] говорила, что «успех антропологии более вероятен, когда будет чувствоваться косвенный результат

ее постепенного распространения среди людей, несущих административную ответственность, их возрастающее понимание ситуаций, с которыми они имеют дело, чем в прямых рекомендациях, относящихся к политике»³⁹.

В 1950-е и 60-е гг. серьезные академические усилия были направлены на изучение проблемы «культурной интервенции», что вызвало дебаты по поводу политики и этики таких исследований. Так, труды «Антропология действия» [Action Anthropology] С. Такса [Sol Tax] и «Исследование и развитие антропологии» [Research and Development Anthropology] А. Холмберга [Alan Holmberg]⁴⁰ стали примером вмешательства «в контекст изучаемых ценностей», что и было четко сформулировано. Многие считали, что эти проекты имели оттенок патернализма (т.е. антрополог объяснил представителям коренного населения, что им нужна помощь, а не наоборот). Тогда же оба проекта подверглись сильной критике и были отвергнуты⁴¹, но дебаты вокруг них внесли свой вклад в дальнейшее развитие прикладной антропологии.

Во второй половине XX в. появились т.н. «институциональные антропологии», соединившие антропологию с другими дисциплинами и специальностями (например, медицинская и правовая антропология, антропология образования, организационная антропология и т.п.). Институциональные антропологии откликнулись на новации, внесенные антропологической и этнографической экспертизой в огромное число профессиональных исследований современных обществ⁴².

Особенности американской действительности поощряли антропологов экспериментировать и с теоретическими, и с прикладными исследованиями одновременно, стирая таким образом различия между «чистой» и «прикладной» научной деятельностью. Примером может служить неформализованная, по сравнению с Великобританией, социально-классовая структура США. Так, американские предприниматели не обращали особого внимания на организационные схемы, зато создавали органичные коллективы с теми, кто был способен выполнять попеременно различные задания. Основатели SfAA были, скорее, «предпринимательскими антропологами», которые ощущали новое в экономической и политической жизни до Второй мировой войны. Но именно после войны начался знаменательный процесс, благодаря которому американская прикладная антропология заняла ведущее положение, обогнав британскую⁴³.

В послевоенное время произошли также значительные изменения в политике поддержки прикладной антропологии правительством и частным сектором. Хотя эти изменения по-прежнему не были в полной мере «основным мейнстримом» в американской антропологии, все же они стали одним из ключевых элементов дисциплинарного сдвига в сторону практики чисто академической дисциплины, включая структурные изменения. В этом контексте различные структуры откликнулись на растущий спрос на прикладную антропо-

логию в виде создания многочисленных программ и департаментов, местных организаций, специалистов-практиков.

Следует отметить, что в 1940–50-е гг. некоторые антропологи (включая тех, кто участвовал в формировании SfAA) работали в рамках Школы межличностных отношений [Human Relations School], где исследования фокусировались на совершенствовании производительности труда в американской промышленности⁴⁴. Из-за того, что эти проекты требовали сотрудничества с руководством фирм, в академических кругах на них часто смотрели с подозрением и даже считали их «политически реакционными», что в дальнейшем повлияло на восприятие прикладного направления как политически проблематичного направления⁴⁵.

Новое поколение антропологов США, которые решили не обращаться в научные учреждения за работой, плюс «излишки» специалистов с высшим образованием, которые оказались вне науки, постепенно заполнили штаты антропологов в органах власти и в частном секторе. Американские антропологи стали заниматься более разнообразной тематикой, связанной с социальными изменениями.

Обучение прикладной антропологии проходило и вне научных центров, для чего потребовались кадры антропологов из научных учреждений. Таким образом, появилась группа академических прикладных антропологов, работавших полный рабочий день в сфере высшего образования и тем не менее сосредоточенных на производстве прикладных антропологов вне академической науки.

Ассоциация американских антропологов [Association American Anthropology, AAA] основала Национальную ассоциацию практической антропологии [National Association for the Practice of Anthropology, NAPA; была сформирована Коалиция программ по практической и прикладной антропологии [Coalition of Practicing and Applied Anthropology, COPAA]; стали издаваться новые профессиональные журналы, такие как «Практическая антропология» [Practising Anthropology] и серия бюллетеней NAPA и др. Появились новые источники финансирования, например, Национальный научный фонд [National Science Foundation]⁴⁶.

Рост в 1950–60-е гг. числа университетов в США и расширение диапазона их деятельности вело к увеличению числа рабочих мест для антропологов⁴⁷. По сведениям Ассоциации американских антропологов (AAA) в 1947 г. антропологов было немного – 408 членов AAA; в 1948 г. только 24 антрополога получили степень доктора наук; в 1971–72 гг. 92% новых докторов нашли работу в научной сфере, из них 56% работали в отделах антропологии и 19% в подразделениях, связанных с научными департаментами (т.е., 75% от общего числа). Важный поворот произошел в 1970–80-е гг. В 1978 г. 414 чел. стали докторами наук в этой области, но появилось и большое число новых антро-

пологов с университетским образованием, которые не смогли найти применение в науке в связи с сокращением вакансий. Если в 1976 г. в США было произведено 445 докторов наук в области антропологии, то десять лет спустя (1986 г.) их число снизилось до 420; однако число докторов, работавших в антропологических или смежных отделах, сократилось на 33%, и доля использовавшихся антропологов во всех научных учреждениях составляла только 51% от общего их количества (по сравнению с 75% в 1971–72 гг.). Они нашли работу в федеральных, региональных и местных органах власти (13%), в частном секторе (9%), музеях (6%), и других местах (23%) (цифры округлены)⁴⁸.

В 1950–60-е гг. возникла прикладная антропология в **Канаде**. Первоначально она была сосредоточена на проблемах индейцев («первых наций») и народов Севера. Наиболее значительным трудом в этом направлении стал «Обзор: Современные индейцы Канады», подготовленный по заказу федерального правительства специальной комиссией под руководством Г. Хоторна и М.-А. Тримбла [Harry B. Hawthorn and Marc-Adéard Tremblay]. В нем были даны рекомендации по развитию самоопределения и самоуправления, утверждения статуса «первых наций»⁴⁹.

Прикладные исследования, начатые в 1970-е гг. Ричардом Солсбери [Richard F. Salisbury] и группой антропологов из университетов МакГилла и МакМастера были направлены на достижение социального и экономического благополучия коренного населения залива Джеймс – индейцев кри, в связи с последствиями строительства грандиозных гидроэнергетических сооружений в районе их расселения. Ученые помогли индейцам добиться компенсаций и минимизации вредных последствий этого строительства. В эти же годы началась работа под руководством М. Фримена [Milton M.R. Freeman] по выработке рекомендаций для создания автономной территории инуитов «Нунавут» на крайнем северо-востоке Канады, что стало знаменательной вехой в их самоопределении⁵⁰.

С 1960-х гг. канадская прикладная антропология диверсифицировалась и расширяла рамки своей деятельности. Прикладные антропологи работают на внутреннем рынке в таких областях, как рыболовство, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, экология, иммиграция, межрасовые и межэтнические отношения, борьбы с бедностью, реконструкция городов, молодежная политика, социальная защита пожилых, мультикультурализм, биотехнологии и гендерные отношения.

До середины XX в. антропологи Европы и США монопольно изучали народы в **развивающихся странах**. Позже такая ситуация начала меняться, – появились «туземные антропологи», обученные для этих целей. Термин «туземные антропологи» используется повсеместно при ссылке на антропологов, которые изучают людей в своей собственной стране или культуре происхождения. Тем не менее этот термин является спорным, когда, например, использу-

ется для характеристики антропологов в США. Он включает, как минимум два (а потенциально намного больше) типа антропологов: евроамериканцев и коренных американцев. Туземные антропологи стран «третьего мира» отличались от т.н. западных тем, что фокусировали свое внимание на народах и культурах в странах своего происхождения. Главной задачей многих «туземных антропологов» в начальный период было развитие и укрепление новых государств-наций.

Прикладные антропологи стран «третьего мира» обычно следовали за теорией модернизации (т.е. аккультурации), которая поддерживала политику, нацеленную на укрепление государства как объединения граждан. Коренные народы или другие этнические группы часто были маргинализированными и доведенными до нищеты и не участвовали как граждане (возможно, им не было позволено участвовать) в становлении своих государств. Местные антропологи пытались изменить эту ситуацию, и целью их работы стало «сделать из маргинализированных людей настоящих граждан»⁵¹.

До Второй мировой войны (и даже позже), несмотря на значительную работу «туземных» антропологов в сфере политики, прикладная антропология в их странах было недостаточно или совсем не институционализирована. В то же время «чистая», теоретическая, антропология в этих государствах была зарезервирована для антропологов из бывших метрополий, которые посещали колонии и проводили наблюдения, что давало им возможность «делать антропологию» во имя науки⁵².

«Туземные» антропологи колоний готовились колонизаторами, чтобы выполнять «прикладную» работу, и «туземцы» вкладывали в понятие «прикладной антропологии» строительство своих государств. Таким образом все «туземные» антропологи фактически работали в области прикладной антропологии, даже если это происходило в рамках научных учреждений. Поэтому не было необходимости в специальном институциональном обозначении для «прикладной антропологии», поскольку не было такого различия внутри их сообщества. Нехватка ресурсов в «третьем мире» также не способствовала развитию институциональных структур, которые могли бы поддерживать исследовательскую работу, посвященную строго «чистому» научному знанию. Это могли себе позволить только ученые, приехавшие из метрополии. Теоретическими проблемами «туземный» антрополог неизбежно должен был заниматься в дополнение к своим прикладным и практическим темам⁵³.

Конец XX – начало XXI в.

В конце XX в. границы внутри и между странами и регионами, созданные после Второй мировой войны, начали все более смещаться, размываться и даже иногда исчезать, отражая структурные изменения в экономических и политических отношениях. В настоящее время изменения, которые происходят в

мире часто рассматриваются в русле «процесса глобализации». По теории глобализации рост экономических и технологических взаимосвязей между странами должен способствовать структурной конвергенции, что означает, что с течением времени институциональные формы будут становиться все более «схожими и резонансными». Например, образовательные учреждения, возможно, будут перестраивать свои программы в соответствии с направлениями, которые позволят выпускникам работать по глобальным стандартам (что, конечно, повлечет и большее сходство в содержаниях программ исследований в разных странах)⁵⁴. В настоящее время, по мнению М. Баба, прикладная этнология переживает последствия процесса конвергенции и в теории и в практике⁵⁵.

В 1970–80-е гг. по мере расширения и институционализации этой «новой прикладной антропологии»⁵⁶ едва заметный сдвиг произошел в значении термина «прикладной». «Новая прикладная антропология» конца XX в. стала средством для обеспечения специальных знаний в области политики, обучения работников умственного труда в поисках работы, поставщиком и создателем источников знаний для решения различных практических задач. Эти новые и расширенные цели отражены в новых определениях прикладной антропологии, появившихся в литературе на протяжении последних двух десятилетий⁵⁷:

- Прикладная антропология (есть) область (поле) запроса, касающегося отношений между антропологическим знанием и использованием этого знания в мире вне антропологии⁵⁸.

- Термин прикладная антропология используется при обращении, главным образом, к проблемам, которыми занимаются антропологи в организациях, способствующих стимулированию роста и качественному улучшению человеческого благосостояния⁵⁹.

- Огромное разнообразие деятельности антропологов для решения практических проблем⁶⁰.

К настоящему времени в США, Великобритании, Канаде, Франции и во многих других странах мира действуют профессиональные ассоциации и общества специалистов по прикладной этнологии. Из государств «третьего мира» практическая этнология получила наибольшее развитие в Индии, Мексике и Перу, где были созданы специальные исследовательские и административные учреждения.

В 1983 г. на XIII Конгрессе Международного союза этнологических и антропологических наук [МСАЭН] [International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, IUAES] было принято решение о создании комиссии «Антропология в политике и практике» [Anthropology in Policy and Practice]. В рамках Европейской антропологической ассоциации [European Association of Anthropologists] была создана специальная группа Медицинской антропологии [Medical Anthropology], представляющая интересы прикладной антропологии. При Ассоциации социальных антропологов [Association of Social Anthropologists, ASA]

организована Сеть прикладной антропологии [Applied Anthropology Computer Network, ANTHAP], известная как «Apply».

В настоящее время в западной прикладной антропологии существуют четыре основных направления: 1) фундаментальные исследования для специальных целей, 2) исследования для корпораций, 3) разработка развивающих и административных программ и 4) консультации.

Численность дипломированных специалистов-антропологов, полностью посвятивших себя прикладным исследованиям, постоянно растет. В начале 1970-х г. в науку уходило 80–90%, в середине 1980-х – только 50–60%, а в начале 1990-х гг. – около 70% молодых ученых. Остальные находили себе работу вне университетов, т.е. становились практиками, зачисленными в штат государственных, частных или международных организаций не научного профиля, либо частных консалтинговых фирм, – т.е. и в Америке, и Европе наблюдается рост количества специалистов по прикладной антропологии. Согласно исследованиям Ассоциации американских антропологов (AAA), неакадемическая занятость антропологов достигла своего пика (51%) в 1986 г.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в США резко изменилась структура занятости выпускников университетов с докторской степенью. Если к началу 1980-х гг. 87% из них посвящали себя академической карьере – исследовательской или преподавательской работе, то уже к концу 1990-х гг. почти половина из них была занята в «прикладных» областях⁶¹.

Когда в Великобритании заинтересовались тем, как университеты готовят выпускников к работе, выяснилось, что меньше половины из них избрали карьеру ученых. Остальные работали консультантами в государственных, коммерческих и общественных организациях (в министерствах обороны и иностранных дел, в иммиграционной службе, в государственной службе здравоохранения и др.)⁶².

Всемирный банк [The World Bank], – это крупнейшая международная организация, с точки зрения количества привлеченных ею к сотрудничеству профессиональных антропологов. Анализ экономической эффективности его проектов дал следующие результаты: из 57 проектов в 30 принимали участие антропологи. Средний уровень их экономической отдачи составил 18,5%, что в 2,2 раза больше, чем экономическая отдача проектов, разработанных без их участия⁶³.

В зарубежной науке вопросам организации локального администрирования и самоуправления посвящено немало исследований, в т.ч. и этнологических, что подтверждается массой публикаций⁶⁴. Основное внимание в работах прикладных антропологов уделяется проблемам аборигенных народов, их правам на землю и природные ресурсы, а также положению мигрантов. Существуют специализированные издания, нацеленные на эту проблематику. Проводится анализ последствий деятельности местных администраций среди этнокультурных групп населения. Проблема экспертизы проектов, связанных с

внедрением форм самоуправления – одна из самых сложных. Достаточно большой удельный вес исследований относится к проблемам демографии и медицины, образования и подготовки кадров, экономики домохозяйств, бедности и безработицы, социального развития и самоуправления и т.п.⁶⁵

Наибольший успех был достигнут в изучении прав коренных народов (например, самоопределение, признание статуса, юрисдикция, права на земли и договора в области прав). Достижения в этой области вовлекают в сотрудничество коренные народы, неправительственные организации [НПО], международные учреждения, такие, как Всемирный банк и транснациональные корпорации. Эти достижения являются результатом развития в 1970-е гг. социального движения за равенство и справедливость, включая выступления коренных народов за самоопределение и права на землю. Иногда эти усилия успешны, что ведет к правовым и политическим изменениям на национальном уровне и к улучшению экономической ситуации в интересах коренных народов. В некоторых случаях (напр., в Латинской Америке), такие выступления повлияли на пересмотр отношений между коренными народами и государствами их проживания. Часто с участием антропологов коренное население получало права на более широкую автономию и более четкое определение экономических прав (напр., Эквадор). Некоторые из этих стратегий, доказав свою эффективность, были приняты международными учреждениями с целью их распространения. Таким образом, сотрудничество антропологов, этнических групп и международных организаций может способствовать разработке такой модели мира, которая будет способствовать модернизации и прогрессивному развитию коренных народов.

Кроме того, современная прикладная антропология исследует такие объекты и проблемы, как социальное развитие, национальные меньшинства, глобализация, межэтнические отношения, индустриальная и постиндустриальные культуры, экономические возможности, человек в информационном обществе, беженцы, религиозный фундаментализм, обслуживание международной коммерческой деятельности и т.д.

Прикладные антропологические исследования с успехом применяются в разнообразных практических ситуациях, т.к. они ориентированы на использование результатов теоретических исследований в конкретных исторических, экономических, организационных, политических и конфликтных ситуациях. Эти исследования важны также для решения социальных проблем, поскольку в них прорабатываются наиболее удобные и эффективные способы осуществления социальной и культурной политики.

В Канаде, например, прикладная антропология чаще всего используется в общественной политике – при консультировании федерального, провинциального, муниципального правительств и коренного населения. Растет использование прикладной антропологии и в частных секторах, связанных с об-

ществами помощи иммигрантами, мультикультурным ассоциациям, агентствам United Way в стране и за рубежом, с неправительственными организациями. Наиболее быстро растущей областью прикладной антропологии становится деловая и промышленная антропология, где исследователи изучают условия труда, маркетинговые стратегии, корпоративную культуру и международные совместные предприятия⁶⁶.

Органы власти пользуются услугами прикладных антропологов и результатами их исследований, их знаниями культурного разнообразия человечества в своей деятельности в гетерогенных или мультинациональных государствах. Среди клиентов прикладных антропологов – правительства, агентства по вопросам развития, НПО, племенные и этнические ассоциации, правозащитные организации, органы социального обеспечения, образовательные и коммерческие организации.

Особую роль прикладная антропология играет для политиков. Исследователь может помочь политическим деятелям принимать обоснованные решения, снабжая их материалом о различных культурах, принимая участие в разработке различных программ для локальных сообществ и прогнозируя эффективность предлагаемых проектов.

Под руководством Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии [Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, RAI] в 1997 г. была учреждена ежегодная медаль в области прикладной антропологии [Medal of Applied Anthropology] в память социального антрополога Люси Майр. Это – признание значительной роли прикладной антропологии «в деле облегчения последствий бедности или бедствий и активного признания человеческого достоинства»⁶⁷.

Североамериканские историки считают, что именно в США прикладная антропология имеет наиболее зрелую и идеальную форму. Только здесь существуют формальные академические программы обучения для отчетливо идентифицированных прикладных антропологов, национальные и локальные профессиональные организации, посвященные применению прикладной антропологии, и профессиональные антропологи, работающие на постоянной основе в различных областях вне академической науки⁶⁸.

Развитие американской прикладной антропологии идет по трем основным направлениям: 1) антропологическое изучение современного общества; 2) помощь малым народам и группам, испытывающим стрессовые изменения культуры; 3) междисциплинарные и мультидисциплинарные социокультурные исследования.

Сегодня большинство прикладных антропологов США практикует по всему миру, там, где используются кросскультурные знания и антропологические методы исследований. Они работают во всех областях бизнеса, управления, здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Например, несмотря на перемещения и дислокации американских индейцев, земли резерваций по-прежнему содержат 25% добываемой нефти и более 60% запасов урана. Тем не менее, коренные американцы остаются самой бедной частью населения. Прикладные антропологи помогают туземным общинам в решении этой проблемы, участвуя в переговорах с корпорациями, разрабатывающими эти ресурсы, о доле начисления процента с доходов. Они также оказывают практическую помощь в качестве адвокатов, свидетелей-экспертов и научных консультантов, когда дело доходит до суда.

Прикладные антропологи нередко участвуют в лоббистских кампаниях, имеющих дело с отраслями промышленности высокого риска, для обеспечения консультаций и переговоров с населением, координируют бойкоты тех компаний, которые ведут бизнес в странах, не соблюдающих права человека. Более широкое назначение прикладной антропологии исследователи видят в деконструкции разделения мира на «развитой» Север и «неразвитой» Юг⁶⁹.

В целом антропология в США развивается в направлении такой модели, которая имеет тенденцию к стиранию различий между «чистой» и прикладной наукой. Она создает и новые формы синергетического сочетания теории и практики в области антропологии и родственных дисциплин. Объясняется это глобализацией мира и перераспределением ресурсов.

Если еще недавно основной работой антрополога было исследование и интерпретация традиционных культур, то сейчас их все чаще нанимают на постоянную работу в такие компании, как Microsoft, Apple и Xerox. Ныне стало очевидным, что для достижения финансового успеха при продвижении современных технологий необходимо подстраиваться под своих потребителей и поэтому учитывать культурные различия у жителей различных уголков мира. Так, в 1996 г. компания Intel провела исследования по программе «Люди и обычаи» для изучения культурного контекста, в котором используются современные технологии в разных странах мира. Выяснилось, что в разных странах у людей могут быть разные приоритеты (так, например, в некоторых китайских семьях мобильные телефоны освящают в храмах, а в некоторых – сжигают бумажные копии сотовых телефонов во время ритуала погребения. Некоторые мусульмане перед молитвой используют спутниковую систему определения координат GPS, чтобы выяснить, в какой стороне находится Мекка. В Америке люди наиболее часто используют сотовый телефон для получения информации о фондовом рынке и т.п.)⁷⁰.

Анализ антропологических учебных планов и программ высшей школы США показал, что наиболее характерны для современных тенденций в построении образовательного процесса гибкость и вариативность на основе обязательных базовых учебных предметов, возможность выбора построения учебного процесса и индивидуального изучения программ, модульный способ построения учебных программ и междисциплинарный подход к ним, практиче-

ская, прикладная направленность учебных дисциплин, рефлексивный подход к изучению материала (использование личного опыта исследователя при изучении документов), тесная связь антропологии с естественными, социальными и гуманитарными дисциплинами⁷¹.

Гибкость учебных планов в американских университетах, когда значительную часть курсов можно выбирать, позволяет студенту самостоятельно формировать свой порядок изучения различных дисциплин. Кроме того, требования рынка труда определяют содержание курсов, нацеленных на решения конкретных задач. Эти курсы выстраиваются не по отраслевым направлениям, а по проблемным полям практической деятельности.

В то же время для успешной карьеры прикладному антропологу необходимы знания антропологических теорий, методики исследований, аналитических методов, а также специализация по сфере деятельности (напр., миграция населения, судебная практика) и по географии (напр., Азия, Ближний Восток) и изучение смежных дисциплин (напр., биологический антрополог должен знать анатомию и физиологию). Кроме того, важно развитие навыков письма, компьютерного анализа, публичных выступлений⁷².

К концу XX в. от прикладной антропологии фактически отпочковалась новая отрасль знаний – социальная инженерия, она же прикладная социальная антропология. Не вдаваясь в дискуссию о правомерности использования опыта антропологов, «накопленного за многие десятилетия при изучении примитивных племен для анализа практических проблем современных обществ»⁷³, отметим, что к настоящему времени – это вполне самостоятельное и широко разработанное направление науки, широко использующее этнографические методы исследования.

Социальная инженерия представляет собой комплекс практически ориентированных антропологических знаний, развивающихся по следующим направлениям: реформирование социальных институтов; реформирование коммерческих, государственных и неправительственных организаций; избирательные технологии; диагностика, прогнозирование и моделирование развития организаций; социальное планирование; внедрение социальных новшеств в организации; методы разрешения конфликтов; факторы стимулирования и повышения трудовой мотивации; удовлетворенность условиями и организацией труда; стиль руководства.

Сегодня социальной инженерией занимаются в основном частные фирмы, специализирующиеся на управленческом консультировании. Социоинженерный подход используется также и в сфере информации, когда необходимо определить технологию коррекции социальных установок, выявить механизмы формирования общественного мнения.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

В России прикладные аспекты этнологии/этнографии/антропологии проявились уже с XIX в., – достаточно вспомнить деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая, совершившего научный подвиг не только в качестве ученого-исследователя, но и как защитника изучаемых народов. В начале XX в. известный русский этнограф Н.Н. Харузин, возражая против искусственного разделения этнографии и этнологии, писал: «Показалось бы крайне странным, ... отделить изучение ... от выводов, получаемых от этого изучения»⁷⁴.

В дальнейшем прикладная этнология утверждалась как субдисциплина в рамках этнологического-антропологического и лингвистического научных структур, существуя фактически, но не будучи институционализированной. В наше время эту ситуацию хорошо иллюстрирует деятельность Ассоциации российских этнографов и антропологов. Хотя на ее московском конгрессе в 1999 г. и была организована секция прикладной этнологии, на ней было представлено только шесть докладов. В то же время на других секциях конгресса было множество выступлений, имевших непосредственное отношение к прикладной этнологии, (посвященные проблемам этнополитики, этнолингвистики, землепользования и прав на землю коренных народов Сибири и Крайнего Севера, медицинской и юридической антропологии и др.)⁷⁵.

Советский период

Прикладные исследования в советской этнографии активизировались в 1920-е гг., хотя тогда они так и не назывались. Этнографы создавали теоретические построения и участвовали в научном обосновании практики трансформации старых укладов и строительства нового быта у народов России. Была разработана концепция перехода кочевых народов России к оседлому образу жизни. Рекомендации этнографов принимались во внимание органами власти при решении проблем колхозного строительства в национальных районах. Этнографы тесно сотрудничали с Комиссией по изучению племенного состава населения России (КИПС), с Комитетом Севера при ВЦИК РСФСР и другими государственными органами, регулярно посылая туда отчеты и докладные записки по результатам полевых исследований. КИПС была образована с целью демаркации границ республик и автономных областей. Фактически, это было продолжением работы по созданию этнических карт, показывающих ареалы расселения всех этнических групп страны, начатой еще до революции 1917 г.

В 1930-е гг. основное внимание прикладных этнологов в России было направлено на помощь коренным бесписьменным народам в создании письмен-

ности на их языках, на создание национальных автономий и национально-административное размежевание. Ученые, занимавшиеся прикладной тематикой, стремились также способствовать минимизации негативных последствий государственной политики, направленной на быстрейшую экономическую и культурную интеграцию коренных народов России. Ведущим научным учреждением в области прикладной этнологии/антропологии в Российской Федерации стал Институт этнографии АН СССР, с 1990 г. – Институт этнологии и антропологии РАН [ИЭА РАН].

Уже с конца 1920-х гг., с началом освоения северных ресурсов, особую роль играло прикладное североведение. Для того, чтобы проводить эффективную социальную и экономическую политику на Севере, в частности, его индустриализацию и эксплуатацию ресурсов, необходимо было тщательно изучить народы, там проживающие, все огромное разнообразие социально-экономических и культурных условий, в которых они развивались, а возможно, и использовать их в качестве адаптированной к местным условиям рабочей силы при разработке сырьевых ресурсов⁷⁶. Для выполнения этих задач были привлечены этнографов-североведы.

В 1925 г. были приняты «Положение о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК» [Комитет Севера] и постановление «О местных комитетах содействия народностям северных окраин». В соответствии с этими документами перед новыми комитетами была поставлена задача содействовать «планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях»⁷⁷. Нормативными документами был установлен организационно-правовой статус центрального и местных комитетов Севера, определены их основные обязанности и принципы взаимодействия с центральными и местными органами государственной власти.

Важно отметить, что в общую концепцию деятельности Комитета Севера изначально была заложена идея сохранения и развития аборигенных культур. Как пишет В. Куриков, «в основе научно-гуманистической работы Комитета Севера лежали представления об уникальности и самодовлеющей ценности культур Севера, тысячелетиями формировавшихся в условиях экстремального экологического режима... Социокультурные комплексы коренных народов Севера, их образ жизни и менталитет, традиционные занятия, обряды, ритуалы и обычаи,... – все это имеет тонкие, выверенные веками механизмы адаптации, сохранения единства этноса и его природы в рамках единого пространственно-территориального комплекса. Эта гуманистическая тенденция пробивала себе дорогу и в более позднее время, вопреки формальной дани официальной терминологии об ‘интернациональном’, ‘миновании формаций’, ‘многовековой отсталости’ и т.п.»⁷⁸. Членами Комитета Севера, наряду с известными

ми политиками и экономистами, были и ученые-обществоведы: этнограф В.Г. Богораз, председатель Ученого комитета при ЦИК СССР А.В. Луначарский, востоковед М.П. Павлович, этнограф, чл.-корр. РАН Л.Я. Штернберг. Работа Комитета Севера отличалась и академической фундаментальностью теоретических проработок вопросов, и добротностью сделанных на их анализе практических рекомендаций, что, несомненно, способствовало реализации намеченных мер. В составе Комитета были организованы научно-исследовательская и культурно-просветительская кампании⁷⁹. Издавался журнал «Северная Азия». Если сравнить формулировки целей прикладных исследований западной антропологии с задачами, которые были возложены на Комитет Севера, выводы напрашиваются сами собой.

Перед российскими этнологами никогда не стояла проблема выбора между чистыми, теоретическими исследованиями и прикладными. Как правило, они были взаимосвязаны и теория подкрепляла практику, поэтому прикладные исследования проводились главным образом в научных учреждениях. В советское время руководство научно-исследовательских институтов в отчетах о деятельности своих научных подразделений было обязано особо выделять практические результаты исследований, что в то время называлось «связью науки и практики»⁸⁰. Органы власти также напрямую обращались в научные учреждения с запросами, ответы на которые требовали извлечения «прикладных аспектов» из академических исследований этнологов и использования этих знаний в целях помощи как коренному населению, так и администрации.

О неразделении прикладных исследований с теорией говорит такой пример. В советское время Отдел Крайнего Севера и Сибири Института этнографии назывался «Сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Крайнего Севера». Прикладной момент, заложенный в самом названии подразделения, показывает всю важность этого направления в те годы. Сотрудниками сектора были созданы сборники статей и коллективные монографии, в которых анализировались проблемы социально-экономического и культурного развития народов Крайнего Севера⁸¹. Подразделение постоянно сотрудничало с Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил АН СССР, Отделом по развитию экономики и культуры народностей Севера (Отдел Севера) при Совете Министров РСФСР: осуществлял скрининг социально-экономического и этнокультурного положения народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, участвовал в подготовке правительственных решений, проводил экспертизы программ и проектов по развитию культур этих народов.

Такие работы выливались, в частности, в рекомендации в форме докладных записок сотрудников Института этнографии АН СССР, написанных по итогам полевых исследований для центральных органов власти и местного

управления. Часть из них была недавно опубликована в пяти выпусках сборника «Этнологическая экспертиза». Книги содержат около сотни таких докладных записок за 1959–1994 гг., хранящихся в архиве Института. Написанные на основе полевых экспедиционных исследований среди народов Севера России, эти материалы представлялись в руководящие местные и центральные органы и носили тогда закрытый характер. Как отмечает С.В. Чешко, «... документы интересны тем, что они отражают, с одной стороны, существовавшую официальную концепцию этнического развития в условиях социализма, а с другой – позицию этнографов, которые наблюдали реальные этнокультурные процессы в поле»⁸². В них анализировались сложные и актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития народов Севера (в частности, традиционных отраслей хозяйства, подготовки национальных кадров, повышения уровня жизни, улучшения медицинского и торгового обслуживания, образования и изучения родных языков, укрупнения хозяйств и поселков, сселения и ликвидации «неперспективных» деревень, развития национальной культуры, психологического состояния и алкоголизма и т.п.) и даны рекомендации для их решения⁸³. А.Н. Ямсков справедливо замечает: «Судя по роли этнографов в изменении или сохранении традиционного образа жизни этнических групп, Советский Север и Сибирь – самые важные примеры использования результатов этнографических исследований»⁸⁴.

Другим важным регионом СССР, с точки зрения прикладных исследований, была Средняя Азия. Здесь после Второй мировой войны была организована постоянная археолого-этнографическая Хорезмская экспедиция для мульти-дисциплинарных исследований в области этнографии, археологии и палеогеографии прибрежных территорий Аральского моря. В результате работы экспедиции были обнаружены заброшенные и забытые древние системы орошения, которые впоследствии были использованы в народном хозяйстве региона. В дальнейшем исследования экспедиции были использованы для минимизации последствий серьезного экологического кризиса в области Аральского моря⁸⁵.

Постсоветский период

В постсоветский период сотрудничество этнографов с органами власти продолжилось. Их привлекали в качестве экспертов при реализации проектов общественного развития и демократизации общества в России, они участвовали в международных проектах, инициированных крупными международными организациями (напр., Всемирным банком [World Bank] и Международным банком реконструкции и развития, МБРР [International Bank for Reconstruction and Development]). В этот же период была разработана Концепция этнологической экспертизы в современной России. «С начала 1990-х гг. государственные официальные лица стали проявлять заинтересованность в объединенной работе с этнологами и социологами... Все чаще признавалось, что без специалистов из

области этнографии трудно оценить вероятность возникновения этнических проблем и их возможные последствия», – пишет В.В. Степанов⁸⁷.

Поскольку особенностью рубежа XX и XXI вв. в России стало обострение межнациональных и межэтнических противоречий, это вывело на первый план изучение таких проблем, как национальные движения, национализм, этнические процессы в современном мире и их прогнозирование и управление ими, вопросы развития этнических культур и др. Остро встали проблемы реагирования на межэтнические конфликты, восполнения недостатка знаний о народах и воспитания толерантного отношения к представителям иной национальности и межэтнического сотрудничества в современном обществе⁸⁶. На начальном этапе такое реагирование могло осуществляться с помощью научно проработанных рекомендаций. Дальнейшему развитию прикладной этнологии способствовало появление социального заказа, что в свою очередь указывает не только на рост значимости социальной роли науки в целом, но и на зависимость прикладного направления от конкретно ориентированных запросов.

Лаборатории и центры прикладных этнологических/антропологических исследований существуют при многих научных и учебных учреждениях нашей страны. Анализ их работы нужно посвящать отдельное исследование. В качестве примера упомянем только два из них. Так, в 2005 г. был образован Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при кафедре истории стран ближнего зарубежья Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Приоритетными направлениями работы Центра являются прикладные научно-исследовательские программы, мониторинг информационного пространства и выработка практических рекомендаций, обращенных к действующим политикам, руководителям общественно-политических движений и организаций, международным неправительственным фондам. Одной из основных задач Обско-угорского института прикладных исследований и разработок [ОУИПИиР] является изучение и выявление тенденций современных этноэкономических и этносоциальных процессов, прогнозирование перспектив социально-экономического развития коренных малочисленных народов округа, социологическая диагностика этнокультурной ситуации в регионе⁸⁸.

Основными направлениями прикладных этнографо-антропологических исследований в России в начале 1990-х гг. стали:

- этнические, гражданские и иные формы общественного сознания;
- этнодемографические и миграционные процессы;
- этническая статистика, переписи населения и их инструментарий;
- направления, принципы и история этнонациональной политики;
- межэтнические отношения и конфликты;
- раннее предупреждение и урегулирование конфликтов, отечественный и международный опыт;

этнополитика;
этнонационализм, расизм, ксенофобия;
языковая политика;
этнокультурные формы образования;
этнокультурный и этнополитический аспекты форм социальной организации общества;
положение религиозных меньшинств и этноконфессиональных групп;
этнологический мониторинг;
воздействие СМИ на этнополитическую ситуацию;
анализ научных подходов в изучении культурных различий.

Результаты прикладных научных исследований реализуются в различных формах: научное консультирование по заказу федеральных и местных органов власти; этнологическая экспертиза; разработка проектов нормативных правовых документов и др.

В период социального переустройства общества особенно актуальными становятся исследования межэтнических отношений, конфликтов и всего круга вопросов, связанных с этими явлениями, как в местах расселения людей нерусской национальности, так и в русской глубинке. Исследования этнического развития коренного населения включают проблемы использования традиционных институтов в новых социально-экономических условиях. По сути – это попытки осуществить направленное развитие определенных этнокультурных общностей. В новейшее время в российской этнологии все чаще встречаются исследования сообществ не этнического происхождения, причины возникновения которых многообразны и разноплановы. Это все более сближает по объекту исследования российскую этнологию с западной культурной антропологией, ведет к постепенному стиранию границ между ними.

Прикладные исследования в ИЭА РАН

В 1990-е гг. ученые Института этнологии и антропологии РАН [ИЭА РАН] стали принимать активное участие в анализе значительных социальных государственных программ. С их помощью были приостановлены или скорректированы некоторые экономические и политические проекты, могущие нанести ущерб местным этническим группам. Практически такая деятельность вылилась в проведение большого числа этнологических экспертиз по заказам как центральных, так и местных органов власти⁸⁹. В числе этих проектов – строительство каскада ГЭС на Алтае; миграционная политика в российском Нечерноземье; оптимальное расселение русских переселенцев из республик бывшего СССР в Россию; этнокультурная автономия и развитие малочисленного народа вепсов; анализ этнокультурного и демографического состояния русскогоязычного населения в Закавказье; картографирование этноконфликтных территорий РФ для целей промышленной политики; культурно-экологические тер-

ритории Прибайкалья; создание автономии сергачских татар; этнокультурная выживаемость народностей Севера в Ханты-Мансийском а.о.; строительство транспортной магистрали на Дальнем Востоке; экспертиза проекта Всемирного банка «Социально-экономические проблемы миграции из районов Севера России» и др.

Несмотря на слабую разработанность в науке проблем взаимоотношения государства и этнических общностей, в 1990-е гг. уже существовал ряд работ, имевших непосредственное отношение к данной проблеме, например, по вопросам адаптации аборигенного обычного права к новым социальным условиям⁹⁰. Начались исследования в области организации локального администрирования и самоуправления. Организационные шаги в этом направлении были предприняты под руководством Московского научного фонда, опубликовавшего серию исследований⁹¹.

Ученые из ИЭА РАН активно участвуют в законотворческом процессе, консультируя разработчиков законов и других правовых норм, способствуя таким образом профессиональному формированию внутренней политики государства, связанной с решением этнокультурных проблем народов России.

Наиболее востребованными в этой области стали исследования малочисленных народов Севера⁹². Так, ведущими сотрудниками ИЭА РАН была разработана первая версия Закона о малочисленных этнических группах Сибири и Севера, который был призван регулировать отношения этих групп с государством. В Конституционное совещание Институт этнологии внес предложения о формах местного общественного самоуправления коренных малочисленных народов Севера; о территориях традиционного природопользования этих народов для обеспечения развития традиционных форм хозяйства в местах их расселения и хозяйственной деятельности и др.

Сотрудники ИЭА РАН внесли серьезный вклад в экспертное обеспечение некоторых сторон государственной политики и управления, в частности, – в сфере этнической политики. Они активно участвовали в разработке Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, законов «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» и других важнейших нормативных документов. Они отслеживают и анализируют влияние местного управления на этнические общности и в густонаселенных регионах, и в северных регионах России⁹³.

В ИЭА РАН была разработана концепция этнологической экспертизы, которая характеризуется как «комплекс стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последст-

вий управленческой деятельности»⁹⁴, предложены стандартные методы анализа административных решений и проектов, затрагивающих этнические общности, которые позволяют предусмотреть негативные последствия конкретных управленческих решений для любой этнической группы, в частности в результате промышленного развития территорий⁹⁵. Правовой основой этнологических экспертиз стали федеральное законодательство, международные договоры и соглашения, законодательные акты субъектов РФ, различные формы поддержки гражданского общества. В таких экспертизах заинтересованы не только региональные администрации, но и местное население.

В течение нескольких лет велся этнологический мониторинг в рамках программы Юнеско MOST. В монографиях, изданных в рамках этой программы среди прочих отражены такие темы, как «Этническое представительство в органах региональной власти», «Коллективные права», «Авторитет местных лидеров», «Региональное культурное доминирование», «Изменения в самосознании», «Этнические стереотипы», «Групповые требования и жалобы» и др.⁹⁶

Самостоятельным разделом экспертизы стал «Этноконсалтинг». Его экспертами являются крупнейшие ученые ИЭА РАН и других научных и учебных учреждений, известные специалисты в области этнологии и смежных наук. Они представляют экспертные заключения и консультации по всему спектру этнокультурных и этноконфессиональных процессов не только у различных народов России, но и всего мира, используя знания теорий, концепций и фактов, накопленных исследователями в этнологии, социальной и культурной антропологии, юридической, медицинской и физической антропологии, в этнополитологии и других дисциплинах⁹⁷.

Институт принял активное участие в разработке методических материалов для Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. По заказу Госкомстата РФ рабочей группой ИЭА РАН были составлены «Перечень национальностей», «Алфавитный словарь этнических наименований», «Алфавитный словарь языков», «Систематический словарь национальностей и языков» и др. По международному научному проекту «Идентичность и язык во Всероссийской переписи населения 2002 г.» с целью выработки рекомендаций по оптимизации процесса проведения переписей населения с учетом отечественного и зарубежного опыта осуществлены наблюдения за ходом подготовки и проведения переписи 2002 г. в 22 регионах России. Опубликованы два коллективных труда: «На пути к переписи» и «Этнография переписи». Рекомендации института были учтены госорганами при принятии поправок 2010 г. к Федеральному закону «О Всероссийской переписи населения».

Разработаны рекомендации по проблеме ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. Рекомендации были представлены на совместных совеща-

ниях экспертов Совета Европы и России. Изучена проблема соответствия концептуальных подходов, предлагаемых Хартией, принципам, подходам и правовой базе государственной национальной (этнической) и языковой политики в России. Выявлены вероятные риски и этнополитические последствия в случае ратификации Хартии и выполнения Россией соответствующих международных обязательств.

Большое внимание в деятельности ИЭА РАН уделено вопросам государственной политики в сфере этнических отношений. Одним из важных направлений прикладных исследований в Институте стал Этнологический и конфессиональный мониторинг. Под «этнологическим мониторингом и ранним предупреждением» понимается способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей или потенциальной угрозы конфликта, а также способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства.

В 1993 г. был создан Центр по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, позже переименованный в Центр этнополитических исследований, куда входит две группы: этнорегиональных проблем и религиоведения. Он занимается фундаментальными и прикладными исследованиями в области этнополитических отношений. Центр осуществляет активное взаимодействие с научной общественной организацией «Сеть этнологического мониторинга» (<http://eawarn.ru>), оказывая ей методическую и иную поддержку, проводит совместные исследования, публикует совместные научные труды.

В практической деятельности по стабилизации этнополитической обстановки на постсоветском пространстве находят применение опыт и информация экспертов созданной в 1993 г. на базе института «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (EAWARN). В это сообщество входят специалисты по этническим проблемам и конфликтам из 12 стран СНГ и около 40 регионов России, включая большую часть российских республик. Сетью осуществляется регулярный мониторинг межэтнических отношений и конфликтов в России и других постсоветских государствах с использованием сочетания качественного анализа (на основе экспертных оценок) с формализованным замером динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов.

На базе сообщений экспертов издаются периодический бюллетень, ежегодные доклады⁹⁸, создан банк данных «Межэтнические отношения и конфликты в странах СНГ». Проводятся ежеквартальные рейтинги конфликтности в СНГ и регионах России. За время своей деятельности Сетью были специ-

ально исследованы проблемы миграции и диаспор, местного самоуправления в многоэтнических сообществах, осуществлен мониторинг Российской переписи населения 2002 г. Регулярно издаются независимые доклады по изучаемой тематике⁹⁹. Печатная версия бюллетеней и ежегодного доклада рассылается в заинтересованные учреждения, в частности в Администрацию Президента РФ, Совет Федерации и Государственную думу, в министерства и ведомства РФ, научно-исследовательские институты и центры РАН, неправительственные организации и исследовательские центры, посольства и представительства государств СНГ, стран Балтии и республик в составе РФ.

Еще одно направление – экспертизы публикаций, разжигающих межнациональную и межконфессиональную рознь, сделанные по запросам официальных учреждений, в том числе судов и прокуратуры. Сотрудники ИЭА РАН провели множество таких экспертиз, несмотря на «сложности, связанные с методологией таких работ, толкованием действующего законодательства, определением мотивов тех или иных экстремистских публикаций в СМИ»¹⁰⁰.

С точки зрения американского антрополога М. Баба, «В треугольнике антрополог–субъект–спонсор, который создает контекст прикладной антропологии, исследователь должен иметь профессиональную автономию, чтобы выбрать отношения, которые он формирует с субъектами и спонсорами, и должен быть независимым, чтобы критиковать или нарушать эти отношения, если он считает их несоответствующими или неэтичными... В российском случае, у наших коллег, возможно, не было автономии, необходимой, чтобы открыто критиковать государство за программы..., пропагандируемые среди коренных жителей, но они сопротивлялись своими собственными средствами с опасностью для себя. Кроме того, они не называли свою деятельность ‘прикладная антропология’... Дефицит ресурсов (финансовых – *Н.Л.*), особенно в академических и научно-исследовательских институтах России после 1990 г., стал препятствием полномасштабной специализации. ... Так как проектные работы носят обычно ‘прикладной’ характер, произошло дальнейшее размывание границ между более академической и ‘прикладной’ антропологией в России после 1990 г. Однако в этой стране все еще нет выделения (как самостоятельной отрасли знания – *Н.Л.*) ‘прикладной антропологии’»¹⁰¹.

И если автор прав в том смысле, что формально «прикладная этнология» или «прикладная антропология» в России до сих пор не институционализированы, то наш краткий обзор показывает, что работы в этом направлении велись и велись очень активно с начала XX в. Эта особенность российской этнологии – не выделение в особое направление прикладных исследований – обусловлена, на наш взгляд, несколькими факторами.

Во-первых, в советский период в этнологической науке больше внимания уделялось историко-этнографическим, фольклорным и лингвистическим

изысканиям в этнических группах. Советскими учеными была проделана также большая работа по изучению народов, нередко тесно связанная, как в 1930-е гг., с социальным заказом правительства, обусловленным во многом и идеологическими постулатами правящей партии, и внутренней политикой государства. Исследования содержат огромный фактический материал и много дают для ознакомления с традиционной жизнью и историей народов России. Эта мощная база данных, созданная огромным трудом ученых, впоследствии использовалась в теоретических обобщениях и в практических рекомендациях. В то же время исследований, направленных на анализ конкретных социально-экономических, культурных, психологических проблем, возникавших в условиях интенсивного межэтнического взаимодействия, было явно недостаточно.

Во-вторых, нерусские народы России и СССР, какой бы численности они ни были, никогда не рассматривались как колонизируемые, к ним не применялась концепция «косвенного управления».

В-третьих, в начале 1990-х гг. на постсоветском пространстве возникла парадоксальная ситуация. По иронии судьбы, Россия с этого времени стала в социально-политическом отношении «меняющимся или переходным» обществом со многими вытекающими отсюда проблемами, в т.ч. межэтнических и межнациональных отношений. Последний фактор способствовал возникновению и развитию этнополитологии, сначала как прикладного направления, а затем трансформировавшегося в новую фундаментальную отрасль в науке. Этот факт демонстрирует тесную взаимосвязь и взаимозависимость между прикладными и фундаментальными аспектами науки, искусственно разрывать которые нельзя.

О соотношении теоретических и прикладных исследований журналом «Антропологический форум» в 2010 г. была проведена дискуссия¹⁰², в которой приняли участие известные этнологи, социологи, лингвисты, культурологи, политологи, историки, религиоведы. В результате обсуждения выяснилось, что само разделение на практические и теоретические исследования ставится большинством авторов под сомнение. Так, А.Л. Топорков полагает, что «создание теорий, выдвижение гипотез, разработка понятийно-терминологического аппарата, и решение частных задач, формулировка конкретных прогнозов, рекомендаций в конечном счете преследуют одну и ту же цель — объяснить смысл явления, его причины и функции»¹⁰³.

Современные российские социологи П. Романов и Е. Ярская-Смирнова считают, что классическая российская этнография и советская социология сложились как «практико-ориентированные проекты». «Что касается соотношения практического/теоретического в тех областях, которыми мы занимаемся, вполне очевидно, что без внятной теории исследователь обречен на собирательство ничего не значащих фактов»¹⁰⁴. Как концентрацию теоретического потенциала и опыта науки для решения одной конкретной задачи рассматривает прикладное исследование И.А. Гринько¹⁰⁵.

В.А. Шнирельман также не склонен проводить строгую границу между теоретическими и прикладными исследованиями. «Разумеется, именно прикладное исследование дает первичный материал, способный лечь в основу теоретических обобщений. Однако уже от самого исследователя зависит, закончит ли он свою работу простым изложением такого материала или сам попытается создать на его основе теорию»¹⁰⁶.

И это относится ко всей современной науке в целом. А. Авдулов и А. Кулькин справедливо отмечают: «Наряду с трансформациями, происходящими в дисциплинарном спектре, нарушается и традиционное деление науки по видам исследований на фундаментальную и прикладную. В целом ряде дисциплин граница между ними оказывается размытой, фундаментальные исследования обретают вполне конкретные цели, а в ходе прикладных приходится решать серьезные фундаментальные задачи»¹⁰⁷.

И все же важнейшей фундаментальной проблемой этнологии остается познание этнического, его генезиса, закономерностей развития и упадка. Проблемы его места и роли в современном мире чаще всего называются прикладными. Однако именно они часто становятся основой для новых теоретических изысканий, выливаясь в новые фундаментальные направления этнологии, продолжая российскую традицию взаимосвязи науки и практики. В свою очередь, нерешенность некоторых фундаментальных проблем этнологии отрицательно сказывается на качестве научно-прикладных исследований.

К прикладной этнологии можно отнести многие работы не только этнологов, но и археологов, историков, географов и ученых других специальностей, чьи научные интересы связаны с модернизацией жизни народов мира. Как пример, можно рассматривать многочисленные работы юристов о правовом статусе аборигенов, их правах на земли и ресурсы или археологов о традиционных системах жизнеобеспечения, которые можно и нужно использовать в современной жизни¹⁰⁸ и др. Исследуя изменения, происходящие в культурах изучаемых народов, они неизбежно затрагивают прикладные аспекты выживания изучаемых народов в современном мире. Прикладное направление в российской этнологии при помощи фундаментальных знаний пытается решать новые задачи, формулировать новые темы, создавать новые, конкретно ориентированные методики для решения практических задач.

Частью этой обширной работы стало издание продолжающегося неперiodического издания «Исследования по прикладной и неотложной этнологии».

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

Аналитические статьи серии основываются на полевых материалах авторов, часто привлекаются архивные документы, современные статистические данные и сведения из региональной прессы. Основными методами исследования авторов серии были и остаются традиционно этнографические – полевые исследования, включенное наблюдение, массовый опрос населения, интервьюирование и беседа – а также статистический, эмпирический и сравнительный анализы. Главными письменными или документальными источниками информации в сельской местности были похозяйственные книги, в городе – материалы статуправлений, органов регистрации гражданского состояния, органов внутренних дел (паспортный стол), архивы и др. Они позволяют проводить как сплошное обследование населения, так и выборочное. Часто используются социологические методы, например, анкетирование, а также анализ региональных и центральных средств массовой информации.

К настоящему времени в публикациях серии отражен почти весь спектр прикладных проблем – особенности этнического состава, демографические характеристики различных этнических групп, миграционные процессы, положение этнических меньшинств, деятельность этнических общественных и политических организаций и ее отражение в средствах массовой информации, социальный и национальный состав политических движений, современные этнорелигиозные движения и их влияние на массовое сознание, соотношение традиционализма и модернизации, прав человека и прав этнических меньшинств. При этом упор делался на исследование национальных меньшинств, малочисленных народов, этнографических и этносословных групп и диаспор.

В издании также рассмотрены теоретико-прикладные проблемы: этничность и ее роль в политических процессах; межэтнические конфликты, их природа и влияние на социально-культурное развитие групп; этнонационализм и экстремизм; особое внимание было уделено этнополитической ситуации в постсоветских обществах, а также этнокультурным проблемам и др.

В географическом плане публикации серии охватили почти всю Россию и большую часть бывших советских республик: в ней представлены почти все автономные республики РФ, особенно Урало-Поволжского региона, Крайнего Севера и Сибири, Северного Кавказа; из бывших советских республик – Литва, Эстония, Латвия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, из зарубежных стран – США, Индия, Китай, Мексика, Испания, Югославия.

Таблица № 1 составлена по регионально-тематическому принципу и показывает уровень аналитического скрининга территорий Российской Федерации и бывших союзных республик, ныне – СНГ. Таблица наглядно демонстрирует, какие территории привлекали большее внимание исследователей, а какие – меньшее, что было связано с политической ситуацией в конкретных регионах.

Таблица 1

Тематика Регионы	Национальная политика	Этнополитическая ситуация	Этнокультурное развитие	Межнациональные отношения	Национальные движения	Межэтнические конфликты
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (общее)	12(A), 100, 105, 151, 200, 218, 225			107, 172, 200	103, 183, 196	85
Центральная Россия, вкл. Москву				111, 115, 142, 164, 201		
Юг России		30(A), 65		17(A), 34(A), 55		82, 86, 155
Северо-Восток						
Республика Коми		67, 83				
Пермский край			102	81		
Поволжье		41, 59, 62, 63, 66, 73, 75, 77, 78, 79, 80, 157		153		
Южный Урал						
Запад России		64	119			
Крайний Север			4A, 7A, 23A, 35, 116, 139, 152, 162, 205, 223	16(A)		
Сибирь		18(A), 37, 38, 42, 46, 61, 69, 71, 74	39, 158		92	
Сев. Кавказ	226	1, 3, 44, 45, 47, 48, 49, 68, 70, 72, 76, 89, 108, 129, 173	5, 213		135, 146, 147	176, 193, 219

Продолжение табл. 1

Тематика Регионы	Проблемы адаптации к современным изменениям	Этноконфессиональная ситуация	Этнодемографические проблемы	Этнос и право	Дiasпоры и этносоц. группы			
					Дiasпоры	Русские	Евреи	Казачи
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (общее)	150	149, 207	15(A), 33(A), 132, 145, 160, 161		2, 27(A), 222	95	137, 209	28(A), 58, 109
Центральная Россия, вкл. Москву			138		199		125, 194	
Юг России					6, 93, 117, 202			
Северо-Восток								
Республика Коми						106		
Пермский край	87							
Поволжье	154, 156, 216	177			88			
Южный Урал	122				19(A)			
Запад России								
Крайний Север	43, 54, 96, 112, 118, 126, 130, 140, 141, 181, 186, 187, 217			189				
Сибирь	165, 191	56, 104, 167						
Сев. Кавказ	208	127, 134, 159, 163	184	131, 133				

Продолжение табл. 1

Регионы Тематика	Национальная политика	Этнополитическая ситуация	Этнокультурное развитие	Международные отношения	Национальные движения	Международные конфликты
СНГ (общее)	29(A)					
ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ	215					
Средняя Азия и Казахстан		50, 148		51		
Киргизия		198				10
Казахстан		94		11(A)		
Таджикистан		26(A), 40				9, 24(A)
Узбекистан		90		20(A)		
Закавказье			203			
Восточная Европа						
Белоруссия						
Молдавия		14(A)				
Украина	25(A)				57, 101, 113, 144	
Страны Балтии	224		21(A), 192		143	
Западная Европа	4(Б)			206		
Балканы	1(Б)	185				84, 124, 128, 204
Ближний Восток	2(Б), 5(Б)					214
Сев. Америка	3(Б), 97		123, 170, 179			
Лат. Америка	6(Б), 188, 197					

Продолжение табл. 1

Тематика Регионы	Проблемы адаптации к современным изменениям	Этноконфессиональная ситуация	Этнодемографические проблемы	Этнос и право	Диаспоры и этносоц. группы			
					Диаспоры	Русские	Евреи	Казаки
СНГ (общее)			32(A)			36, 190		
ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ								
Средняя Азия и Казахстан						51		
Киргизия								
Казахстан	171				11			
Таджикистан	120		178					
Узбекистан		31(A)						
Закавказье	211				8, 13(A)			
Восточная Европа		114			91			
Белоруссия						60		
Молдавия	175		174, 180			98		
Украина		110						
Страны Балтии	166	121, 136	195		22(A),	52		
Западная Европа			210, 212	169	168, 221			
Балканы								
Зарубежная Азия			182					
Сев. Америка	220			53			99	
Лат. Америка								

Таблица № 2 отражает тематический охват во временном континууме, т.е. в какие годы какие проблемы освещались чаще. Из нее видно, что проблемам этнополитики и межнациональных отношений уделялось больше внимания с конца 1980-х до середины 1990-х гг., а таким проблемам, как адаптация к новым социально-экономическим условиям жизни, – с конца 1990-х гг. по настоящее время. Это объясняется особенностями развития этнополитической и социокультурной ситуаций в стране в целом и по регионам в частности.

Таблица 2

Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Направления исследований											
Национальная политика	6	2	1			1	2	1			
Этнополитическая ситуация	2	5	2	12	21	3	1	1		1	
Этнокультурное развитие	3	2		2				1	2	1	
Межнациональные отношения		4	1	1	1	1		1	2		
Национальные движения					1		1	1	1		1
Конфликты	2	1				3				2	
Адаптация к современным изменениям				3		1	1	1	3	3	
Религиозная ситуация			1		1			2	1	2	2
Этнодемографические проблемы		1	2								2
Этнос и право				1							2
Дiasпоры	3	4	2	3	2	2	4	2	1	1	1

Продолжение табл. 2

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Направления исследований											
Национальная политика		1				1	1	1	1	1	2
Этнополитическая ситуация		2		1		1	1				
Этнокультурное развитие	1	2	1	1	1	1		1	1	1	
Межнациональные отношения	1	1	1	1				3			
Национальные движения	1	2			1		1				
Конфликты		1			1		1	1	9	1	
Адаптация к современным изменениям	2	3	2	2	1	3		2	1	3	
Религиозная ситуация		2	1	1	1			1			
Этнодемографические проблемы	1		2	1	3	1	1		2		
Этнос и право				1		1					
Диаспоры				1		1	2	1	1	2	

В связи с невозможностью вместить в объем таблиц абсолютно все направления исследований, в тематических подразделах обозначены только наиболее значимые из них. Кроме этого, некоторая условность таблиц заключается в том, что многие публикации посвящены ряду взаимосвязанных проблем, а часть вопросов рассматривается на примере нескольких регионов, а иногда – и то и другое вместе.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА (ЭТНОПОЛИТИКА)

В рубрике «Этнонациональная политика (этнополитика)» объединены работы, посвященные проблемам государственной национальной (связанной с проблемами этносов или народов) политики России и зарубежных стран.

В России в понятие государственной национальной политики всегда входили разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность институтов государственного управления разного уровня, государственные программы в области развития и сохранения культуры и языка, просвещение и информация, соблюдения принципа равенства прав представителей различных этнических сообществ, поддержка общественных движений и организаций этнокультурного направления, защита интересов этнических меньшинств, мониторинг этнополитической и этноконфессиональной ситуаций и прикладные научные исследования. В 1990-е гг. к проблемам этнополитики добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма, которые почти всегда используют этнический фактор (225*).

Однако государственная национальная политика, в том числе и региональных властей, не всегда научно обоснована и полностью соответствует действующим юридическим нормам. Прикладные этнологи, являясь экспертами, могут наиболее успешно и грамотно корректировать отечественную этнонациональную политику на федеральном и региональном уровне – давать квалифицированные рекомендации тем, кто принимает решения в этой области государственного управления для успешной их реализации (85, 196).

В данной рубрике проанализировано федеральное законодательство РФ в этой области за 1990-е – 2000-е гг., подвергнуты сравнительному анализу тексты правовых актов, на основе статистических, социологических и полевых этнографических материалов проведены сравнительные исследования. Все это дает достаточно полное представление о результатах воздействия национальной политики на различные сферы жизни страны, в т.ч. непосредственно на этносоциальные и этнокультурные процессы.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что целью и задачей государственной национальной политики в Российской Федерации было и остается сохранение в стране всего многообразия культур и языков, создание условий для успешного развития поликультурности (225). В то же время корни многих современных этнополитических проблем кроются в историческом прошлом различных народов. Так, в одной из работ, на основе архивных документов показано, что переселение горцев в Османскую империю, происходившее на последнем этапе Кавказской войны, не было прямым следствием российской поли-

* В скобках обозначен номер выпуска, в котором рассматривается эта проблема.

тики. Проблема мухаджирства, между тем, целенаправленно используется в настоящее время в связи с олимпиадой 2014 г. в Сочи (226).

При исследовании основных направлений политики по отношению к народам России учитывались особенности периодов социальных изменений у населения России в XX в. Рассмотрены состояние и развитие этнического разнообразия населения страны, система государственной организации и управления в условиях многонациональности, соотношение национально-культурной автономии и федерализма. Обращалось внимание, как трактуются права и свободы народов в современных источниках международного права, на общий контекст международного правового поля, на общее направление международных правовых рекомендаций.

Одновременно в издании освещается теория и практика мультикультурализма, история формирования понятия «мультикультурализм» и ключевые его термины в современном понимании. Описываются модели мультикультурализма в некоторых странах мира: Швейцарии, Канаде, Австралии и др. (215).

В работах этого раздела критически проанализирована советская национальная политика, выявлены механизмы управления государством с учетом его многонациональности, рассмотрено многообразие трактовок определений и классификаций, обозначены новые подходы в понимании базовых категорий «нация» и «коренные национальности», «этнические и национальные меньшинства», «коренные народы». Новые подходы к национальной политике предполагают необходимость перехода к общепринятым в мире методологиям и терминологии, к более глубокому пониманию феномена этничности (100, с. 36).

С середины 1980-х гг. в СССР произошли глубокие социальные преобразования, что повлекло за собой серьезные изменения в области этнополитики. В дальнейшем – эрозия правящей элиты, ее неспособность осуществлять экономические и социальные преобразования, отсутствие последовательной национальной политики привело государство к кризису и разрушению.

В серии представлен этнополитический анализ республиканских органов власти накануне ликвидации СССР. С точки зрения этнонационального фактора, подвергнуты анализу новые структуры государственной власти, которые сложились в союзных республиках и автономных образованиях после выборов 1990 г., когда были избраны верховные советы союзных республик и местные советы. Выборы 1990 г. не только покончили с монополией одной партии на власть, но и привели к высшему руководству этническую элиту титульных национальностей. Их программы нашли широкую поддержку у населения республик и обладали большой мобилизующей силой (12А).

Рассмотрены также вопросы, связанные с истоками и предпосылками идеи и практики суверенизации в СССР. И хотя идеологической основой разрушения многонационального государства стало осуществление принципа сувере-

нитета, практически ни одна из бывших советских республик не имела достаточно разработанной концепции этого феномена. Реакция общественного мнения на процессы суверенизации была неоднозначной, но все же преобладающее отношение к суверенитету, особенно на начальном этапе, было положительным. Обретение республиками и народами независимости в массовом сознании ассоциировалось с победой демократии над консерватизмом (29А).

Прибалтийские республики выступали за полное отделение от Союза в политическом и экономическом плане еще задолго до августа 1991 г., а их суверенитет был сразу же признан мировым сообществом. Грузия и Молдавия постепенно приблизились к прибалтийской концепции «полного суверенитета», хотя режимы в них приобретали все более ярко выраженный националистический характер. Остальные республики провозгласили суверенитет, не разрывая сложившихся экономических и прочих связей с Россией. Особенно были характерны эти тенденции для среднеазиатских республик и Белоруссии. Достаточно прагматичной была позиция Казахстана. Тяжелое геополитическое положение Армении, в условиях локальной войны, заставляло ее руководство идти на более тесные связи с Россией.

Концепция суверенитета, воспринятая на Украине, определила ее весьма своеобразное отношение к собственной независимости, сопровождавшееся все возрастающим негативизмом в отношениях с Россией. Статус государственного украинский язык получил в 1989 г. с принятием закона «О языках в Украинской ССР», в 1990 г. прошли выборы в Верховный Совет Украинской ССР, в марте 1991 г. состоялся референдум о сохранении Союза. Обзор состояния и тенденций развития этнополитической ситуации на Украине в 1990–1991 гг. показал, что направленность этнополитических процессов происходила под влиянием следующих факторов: динамики этнодемографических изменений; степени влияния на общество противоборствующих политических сил; распространенности определенных идеологем, трактовавших перспективные модели национального развития; состояния массового сознания. Отсрочка решения многих жизненных проблем народа Украины, налагаясь на ситуацию общесоюзного системного кризиса, имела следствием возникновение не только национально-демократического, но и националистического движения в республике. Все это стало этнополитическими предпосылками объявления независимости Украины (25А). Как показали трагические события 1990-х гг., нельзя недооценивать значение объективных исторических знаний для судеб народов, а геополитический проект «Украина от Карпат до Кавказских гор!» стал своего рода отражением уже существовавшей ранее идеи, приспособленной к новым условиям (144).

Процессы рыночных преобразований, в силу различий в историческом развитии регионов и в толковании модели последующего пути развития, пошли разными темпами в разных направлениях на единой некогда территории. На начальном этапе даже СНГ не могло эффективно выполнять функции союза.

Начало 1990-х гг. было периодом, когда сепаратистские идеи процветали и в рамках самой Российской Федерации, причем не только в автономиях (идеи о независимости Сибири, Дальнего Востока, Приморья, Сахалинской обл., о создании Уральской и Енисейской республик и т.п.). В марте 1992 г. был подписан Российский федеративный договор, который, несмотря на его несовершенство, способствовал некоторой стабилизации ситуации. Новый этап суверенизации с весны 1992 г. характеризовался смещением ключевых компонентов политики независимых республик «в плоскость построения отношений с такими же независимыми государствами» (29А, с. 15).

В период формирования новой федеративной государственности главной проблемой стало разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами. В исследованиях подчеркивалось, что процесс формирования нового федерализма требует длительного времени и для его успешного завершения необходимы определенные условия. Целями демократических преобразований стали защита прав и свобод человека, создание стабильных рыночных механизмов, сильная государственная власть, формирование институтов государственного права, гражданского общества и широкой сети местного самоуправления, свободное развитие национальных культур (105). Принципы обеспечения прав народов через расширение самостоятельности регионов, культурную автономию, последовательную гражданскую демократизацию, включая обеспечение специфических интересов как отдельных этнических общностей, так и каждой личности, входящей в нее, – должен быть заложен в основу концепции «гармонизации межнациональных отношений» (200, с. 41, 42, 53).

Сравнительный анализ основных принципов международного права и российского законодательства в области государственной национальной политики показал, что некоторые идеи и заключения о современных национальных движениях, модернизации и этнической мобилизации связаны с модернизацией и совершенствованием самой федеральной структуры России (151).

В связи с принятием федеральных законов «О русском языке как государственном языке РФ» от 2001, 2002 гг. и о языках субъектов РФ была рассмотрена проблема национальных языков. В соответствии с принятой 25 июня 1992 г. Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств, которую Россия обязалась ратифицировать, были тщательно изучены важнейшие источники сведений о распространении языков на территории нашей страны – переписи населения и их языковые программы, охарактеризованы языковые ситуации у народов Поволжья, а также у коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сравнение действующих норм российского законодательства с нормами Хартии показало высокую их схожесть. В то же время исследование выявило проблемы, с которыми должны были столкнуться российские власти при имплементации ее норм. Это, в частности, – степень распространенности раз-

личных языков, реальные языковые запросы граждан той или иной национальности, существование двух–трехъярусной языковой иерархии на уровне региональных и местных сообществ и др. (218).

Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения России потребовал от федеральных и от региональных властей постоянного внимания к ситуации, складывавшейся в сфере этноконфессиональных отношений. В такой огромной стране, как Россия, к тому же переживавшей процесс сложных социально-экономических и политических трансформаций, вряд ли было возможно избежать столкновения интересов различных этнических и религиозных общин. В основе таких столкновений, однако, чаще всего лежали обычная конкуренция (за рынки сбыта, ресурсы, землю, социальный статус) и/или целевая политическая мобилизация (завоевание голосов избирателей, удержание власти, оправдание неэффективного правления), а не конфликты между народами или культурами, как это пытаются представить некоторые комментаторы. Подобные столкновения также стали объектом изучения прикладных этнологов, и обобщая опыт их урегулирования эксперты создавали модели их разрешения, которые уже доказали свою эффективность (196).

Отдельные выпуски издания были посвящены особенностям этнополитических решений, касавшихся взаимоотношений национальных меньшинств с государством в зарубежных странах. Среди них – государственная политика и национальные отношения в Югославии (1Б), этничность и регионализм в Испании (4Б), политика национальной автономии в Китае (2Б), национальная политика и федерализм в Индии (5Б), идеология и практика официального индеенизма в Мексике (6Б), взаимоотношения аборигенов Колумбии с государством (197), статус и перспективы интеграции неграждан Латвии (224), индихенизм в Латинской Америке (188), опыт урегулирования проблем коренного населения (97) и самоуправления индейских резерваций в США (3Б).

В США благодаря государственной политике в сфере культуры и образования, а также некоторой автономизации, община все еще играла важную роль в сохранении аборигенных этносов. Живучесть общин подсказала новый путь включения их в социально-экономическую структуру государства. Тем более, что они были уже несколько модернизированными, частично подготовленными к осуществлению этой программы. Опыт включения общин в модернизированное общество показал, что он может быть успешным только при наличии определенных условий, в числе которых, как минимум, государственная помощь и строгий контроль за ее распределением, некоторые экономические льготы, использование части из сохранившихся традиционных институтов (97).

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Одной из причин снижения темпов развития большинства отраслей народного хозяйства России стала разбалансированность экономических связей, нарушение предприятиями договорной дисциплины по поставкам и вследствие этого необеспеченность предприятий и организаций материальными ресурсами. В многонациональной России на общие экономические проблемы накладывались этнический и религиозный факторы, во многом определявшие общественно-политическую ситуацию в целом. В формировании этнополитических процессов немаловажную роль играла и социокультурная среда, включавшая такие важные характеристики населения, как демографические, конфессиональные и языковые показатели. Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения России требовал от федеральных и региональных властей постоянного анализа этнополитической ситуации, складывавшейся в регионах, с целью осуществления эффективной этнонациональной политики.

Этот раздел посвящен работам, анализирующим конкретные ситуации в республиках России, в первую очередь, там, где она обострялась. Целью таких исследований было выявление основных тенденций и перспектив развития этнополитической ситуации под влиянием процессов демократизации и суверенизации, раскрытие взаимосвязей между суверенизацией, социально-экономическим развитием регионов, духовной жизнью и самосознанием населения. Не менее важным было показать, как провозглашение суверенитета в республике отразилось на судьбах нетитульных этносов. Особое внимание исследователей было уделено идеологии национальных партий и движений, изучению этнических элит, региональным моделям этнической политики, которые реализовывались в 1990-е гг. в российских регионах и в новых независимых государствах. В работах, как правило, освещаются экономическая ситуация, история формирования национальной государственности, демографический и этнический состав населения, конфессиональные и социальные группы, общественно-политическое развитие республик (партии и общественно-политические движения и объединения), этноязыковая ситуация, национально-культурные общества нетитульных национальностей, выборы в Федеральное собрание РФ в декабре 1993 г. и т.д. (49, 76).

Северный Кавказ

Исследования этнополитической ситуации и этнополитических процессов на Северном Кавказе, как и в других регионах Российской Федерации, включают в себя анализ и прогноз, касающийся этнических проблем в условиях реформ власти и социополитической системы. Сюда же относится изучение этнополитических концепций, систем и стратегий местных элит и их роли в сфере этнической политики.

Следует заметить, что публикацией материалов, посвященных этнополитической ситуации на Северном Кавказе, было положено само начало серии. Исследования этнокультурных и этнополитических процессов в северокавказских автономиях (5, 51), а также обобщившая результаты этих исследований итоговая публикация (55) не только зафиксировали характер и особенности этнополитической ситуации в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Дагестане, но и позволили выработать рекомендации для местных и центральных органов власти по снижению уровня противостояния и по преодолению негативных последствий протестного поведения местного населения.

Повторное исследование северокавказских автономий было проведено в 1993 г. в рамках российско-американского проекта «Предвыборная и поствыборная ситуация в России – 1993 г.», охватившего значительную часть субъектов Российской Федерации с их разнообразием социально-экономических, политических и этнических особенностей, в т.ч. и Кавказа (45, 47, 48, 49, 68, 70, 72, 76). Были рассмотрены национальные аспекты местных президентских выборов, ситуация вокруг заключения Федеративного договора, проанализированы юридические документы, регулировавшие на тот момент деятельность высших органов власти республики в области межнациональных отношений. Материалы этих двух групп публикаций по одним и тем же регионам, позволили наиболее полно отразить ситуацию и оценить достоверность политологических прогнозов.

Активизация национально-политических движений совпала по времени с начавшимися в середине 1980-х гг. коренными преобразованиями советского общества. Кавказ оказался одним из самых «беспокойных» регионов, где противоречивые национально-политические интересы соседствующих народов впоследствии привели к жестокой межнациональной конфронтации (49).

Уже в 1990 г. национальная ситуация на Северном Кавказе характеризовалась повышенной конфликтностью. Однако степень и формы ее проявления различались у разных народов и в разных автономиях. Отмечалось, что национально-административное устройство Северного Кавказа не охватывало всего этнического многообразия региона, вследствие чего многие коренные народы Северного Кавказа «были лишены каких-либо норм национально-государственного самоопределения» (1, с. 1). С другой стороны, имевшиеся формы национальной государственности во многом уже не соответствовали уровню экономического и социокультурного развития народов. У части из них вопросы преобразования своих государственных статусов стали важнейшими политическими требованиями. Все возрастающее значение приобретал исламский фактор. Если легальный ислам в целом был лоялен к власти, нелегальный чаще всего вел «к росту настроений фундаментализма и панисламизма» (1, с. 3–4). С начала 1990-х гг. национальные движения народов Северного Кавказа стали приобретать организационные рамки. Анализ динамики межнациональной напря-

женности показал, что очень часто неблагоприятные ситуации возникали, либо не были своевременно «погашены» вследствие ошибок и некомпетентности местных властей (1).

Обострение этнополитической ситуации является, как правило, следствием осознания этносом истинного или мифического ущемления его прав. Зарождение и последующая динамика этнонациональных движений также свидетельствуют о том, что в общественном сознании актуализируются идеи восстановления справедливости по отношению к своему народу. С этой точки зрения, события на Северном Кавказе высветили огромное множество проблем, перед которыми оказались населяющие его народы. Без их урегулирования установление здесь прочного гражданского мира вряд ли было возможно, что и подтвердила динамика этнополитической ситуации в республиках Северного Кавказа (49).

Национальная идея в республиках Северного Кавказа концентрировалась на борьбе за выживание этнических культур, языков и литературы. Поэтому неслучайно, что на Кавказе, как и в других регионах СССР (Балтии, Украине и т.д.), во главе национально-освободительных движений в период перестройки оказались прежде всего представители гуманитарной интеллигенции. Однако в условиях приватизации и перехода к рыночной экономике проблемы национальной культуры в значительной мере отошли на задний план, а на передний – вышла борьба за захват собственности, что не разрешило, а на время законсервировало возникшие проблемы (49).

К началу 1990-х гг. дестабилизировали этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе следующие факторы: 1) сложная и нестабильная политическая обстановка в России в целом, противостояние трех ветвей власти и различных слоев российского общества; 2) грузино-абхазская война, в которой участвовали российские граждане – представители северокавказских народов. (Абхазский фактор долго оставался одним из самых дестабилизирующих этнополитическую ситуацию в регионе.); 3) Указ Президента о реабилитации казачества, который вызвал у некоторых народов отрицательную реакцию. (Признавая за казаками право на духовное возрождение, горские народы, однако, считали, что указ дает казачеству большие политические и экономические права.); 4) местные национальные и религиозные движения и их взаимоотношения с государственной властью; 5) осетино-ингушский конфликт; 6) проблема Чечни, ее взаимоотношения с российскими властями, референдум о статусе республики; 7) недостаточно профессиональный подход к пониманию национальных проблем Кавказа. В конкретных рекомендациях по преодолению межэтнической конфронтации на Кавказе особо отмечалось, что для властных органов необходимо точное знание исторического, политического, идеологического, этнопсихологического фонов межэтнических конфликтов, своевременная научная экспертиза проектов предполагаемых решений (49).

Исследование социально-экономической ситуации Северо-Кавказского региона показало, что к середине 1990-х гг. в каждой отдельной республике фактически не было замкнутой, саморегулирующейся экономической структуры, способной к самообеспечению своего социума, а было хозяйство населения, занятого самообеспечением на низшем, семейном уровне. Поэтому экономическая и социальная роль некоторых видов деятельности населения, особенно сезонные работы, до сих пор имеют жизненно важное значение для некоторых групп населения. Невозможность для некоторых республик Северного Кавказа обеспечить себя продовольствием стала еще одним важнейшим фактором социальной напряженности (108).

Этносоциальные процессы, особенно остро проявившиеся в Чечне, были направлены в основном на вытеснение русского и русскоязычного населения, что также отрицательно сказалось на состоянии промышленности и сельского хозяйства. Еще одной из важных причин социального напряжения на Северном Кавказе стала демографическая ситуация: численность коренного населения с 1940 г. по настоящее время увеличилась в два с лишним раза. Все эти факторы стали питательной средой для сепаратизма (108). Понять причины такого положения можно только рассматривая ситуацию на разных уровнях – от глобального до местного, республиканского, на примерах конкретных территорий

1991–92 гг. стали для **Кабардино-Балкарской Республики [КБР]** периодом нарастания тенденций национального возрождения. Несмотря на то, что Кабардино-Балкария являлась одной из наименее конфликтных точек Северного Кавказа, в ней существовали объективные противоречия, заложенные всем ходом исторического и этнического развития данного региона. Этнополитические процессы в республике развивались в рамках борьбы за «возрождение» кабардинской и балкарской государственности. По сути дела проблемы национальных отношений в КБР коренились в национально-территориальном принципе государственного устройства. Национально-политическое самоопределение рассматривалось идеологами национальных движений как универсальный механизм решения национальных проблем и реализации национальных интересов. Возвращение в республику депортированных в Среднюю Азию в 1944 г. балкарцев, стремление реализовать закон «О реабилитации репрессированных народов» проходило со значительными трудностями, и главная из них – территориальная реабилитация, которая во многом и стала определяющим фактором конфликтности в республике. Однако в КБР сохранялся гражданский мир и его дальнейшая судьба зависела от взаимодействия и взаимопонимания между национальными движениями и властными структурами КБР и РФ. Назрела настоятельная необходимость создать правовые и политические условия для мирного, цивилизованного разрешения споров. Органы власти республики должны были считаться с национальными движениями и сотрудничать с ними. Однако для Ка-

бардино-Балкарии, как и для большинства республик Северного Кавказа, было характерно острое противостояние между законными органами власти и радикально-национальной оппозицией (45).

Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии отражала также серьезные противоречия между кабардинцами (относящимися к адыгам) и балкарцами. Причем на данном этапе «...большим радикализмом отличалось балкарское национальное движение...» (49, с. 12), и динамика его развития еще больше увеличивала разрыв между этими народами.

Этническая и политическая интеграция адыгов – один из самых важных моментов кабардинского национального движения. Стремление к объединению проявили все четыре адыгские этнические группы – кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги, оказавшиеся территориально и государственно разобщенными. Однако наиболее отчетливо это движение было выражено именно в Кабарде. Идея объединения трех адыгских территорий – Адыгеи, Черкесии и Кабарды – дополнительно осложняли кабардино-балкарскую проблему (49).

После относительно короткого периода, когда отдельные национальные лидеры ратовали за полную суверенизацию республики и решение интересов только собственного народа, порой в ущерб интересам других народов республики, сформировалось понимание невозможности существования в отрыве от России, необходимости решения всех проблем при взаимном уважении всех политических сил и течений (68).

Этнополитическая ситуация в **Республике Дагестан** также оставалась напряженной. По-прежнему зоной повышенной конфликтности являлся Хасавюртовский р-н, где стремление чеченцев-акинцев восстановить некогда ликвидированный Ауховский р-н наталкивалось на противодействие проживавших там же лакцев и аварцев. Другой заметной точкой межнационального противостояния в Дагестане стала ситуация в Лезгистане, где лезгинское народное движение «Садвал» активно выступало за сохранение этнокультурного и этнополитического единства двух частей своего этноса, разделенного государственными границами РФ и Азербайджана. Из других точек межнациональной напряженности требовали особого внимания кумыкская проблема, заключавшаяся в стремлении кумыков к административному обособлению своей этнической территории, и ногайская, которая отражала намерение ногайцев добиваться объединения всех своих традиционных территорий, ныне поделенных между Дагестаном, Чечней и Карачаево-Черкесией (49).

В идеологии народных движений и обществ Дагестана значительное место занимали политические концепции, тесно связанные с национальным вопросом. Это выражалось прежде всего в оппозиции к структурам власти республики, которые неизменно критиковались народными движениями за консервативность, непрофессионализм, порочные методы подбора кадров и др. Существова-

ли достаточно серьезные программные разногласия и между самими народными движениями. Все они в основном преследовали специфические цели отдельных народов Дагестана, разрушавшие идею общедагестанского единства (72).

В среде малочисленных народов республики также проявилась тенденция к росту этнического самосознания, тяга к возрождению культуры, родных языков и письменности. Борьбу за свою национальную культуру, возрождение родного языка и традиций начали андийские народы, создавшие с этой целью национально-культурное движение. Но они не поднимали вопрос о своем государственно-политическом устройстве (1).

Этнополитическая ситуация, сложившаяся в **Северной Осетии** в конце 1980-х – начале 1990-х гг., также была обусловлена последствиями перестроечного и постперестроечного периодов, в числе которых следующие: сложные этнополитические и социальные процессы, происходившие в бывших республиках СССР, в частности события 1989–1990 гг. в Грузии, обусловившие сепаратистские устремления как самой Грузии, так и входящих в нее автономных национально-государственных образований; принятие Декларации о государственном суверенитете Северной Осетии (20 июня 1990 г.), вызвавшей всплеск не только национального самосознания осетинского народа, но и национал-сепаратизма; политические процессы в соседней Чечено-Ингушской республике (76). Кроме того, политические процессы в республике фактически протекали под непосредственным воздействием затяжного конфликта в Южной Осетии. Юго-осетинская проблема приобрела в Северной Осетии особую актуальность из-за массового наплыва беженцев и обострения в связи с этим социально-экономической ситуации (49).

Одним из самых напряженных межнациональных конфликтов на Северном Кавказе стал осетино-ингушский. Эскалация враждебности в осетино-ингушских взаимоотношениях в любой момент могла вызвать межэтнические столкновения. Общая взрывоопасная ситуация в Северной Осетии, усугубленная нестабильностью в спорном Пригородном р-не, привела 31 октября 1992 г. к открытому вооруженному конфликту между ингушами и осетинами в районе Владикавказа и всей пограничной зоне. Он стал первым крупным межнациональным конфликтом на территории собственно России. Нерешенная территориальная проблема, лежавшая в основе конфликта способствовала сохранению напряженности в регионе (1, 49).

Анализ этнополитической ситуации в **Республике Адыгея** позволил констатировать ее относительную стабильность в тот период, особенно на фоне конфликтов, разгоравшихся то в одной, то в другой частях Кавказа. Однако и здесь сформировались предпосылки для обострения обстановки – общий для всего государства экономический кризис, и связанное с ним ухудшение социально-экономического положения большинства жителей республики, отдельные проявления национализма как со стороны адыгейцев, так и со стороны русских, проблемы,

возникшие с притоком беженцев из зон военных конфликтов, активизация казачьего движения в Адыгее и в соседнем Краснодарском крае. Потенциально конфликтным стал вопрос о справедливом распределении земли, в частности между адыгейцами и русскими, в т.ч. казаками (47).

Очевидно, что межэтническая напряженность на Северном Кавказе в целом не могла не влиять на политическую атмосферу в Адыгее. Однако в республике было достаточно сил, чтобы минимизировать ее негативное воздействие (70). По мнению исследователей, залогом межнациональной стабильности в Адыгее стали прежде всего отношения двух основных проживающих здесь народов – адыгейцев и русских, которые имеют глубокие исторические корни. У них сложился особый стиль поведения по отношению друг к другу (уважение к традициям и обычаям каждого из народов), выработался механизм разрешения возникавших конфликтов. Выделение Адыгеи из Краснодарского края (1990 г.) и последовавшее провозглашение Республики Адыгея вызвало у ее жителей разных национальностей неоднозначную реакцию. Русское население опасалось ущемления своих прав, в связи с новым, более высоким политическим статусом Адыгеи, хотя русские в этой республике составляли 68%, а адыгейцы – 22% (30А, 49).

Этнополитическое развитие в **Карачаево-Черкесской АО [КЧАО]** (с декабря 1992 г. – Карачаево-Черкесская Республика, КЧР), несмотря на ее многонациональный состав, отличалось значительно большей стабильностью, чем в некоторых других северокавказских районах, например, в Северо-Осетинской АССР или Чечено-Ингушской АССР. В начале 1990-х гг. среди обострившихся социальных проблем, имевших национальную окраску, были кадровый вопрос и школьное образование на языках коренных народов. Ситуация в республике, ее характер и особенности, во многом зависели также от степени решения проблем реабилитации репрессированных народов. Затягивание их решения только усиливали политическую нестабильность, которая усугублялась падением уровня жизни населения (5, 49).

В КЧАО все чаще возникали эпизоды межнациональной напряженности. Порой распространялись слухи, будоражившие общественное мнение, «о неблагодарности того или иного народа или о его стремлении возвыситься над другими» (5, с. 11). Если ранее к межнациональным бракам отношение было весьма лояльное, то теперь оно стало достаточно отрицательным. Нередко у представителей отдельных народов возникало чувство национальной ущемленности, что было связано с кадровой политикой, распределением лимитных мест в вузы, необъективным приемом экзаменов, с ограничениями в области культуры и искусства (например, в области имелись карачаевская и черкесская труппы театра, но не было ногайской и абазинской). Недовольство зачастую вызывалось не объективными причинами, а недостаточной информированностью (5).

Болевой точкой для карачаевцев стал также вопрос о будущем административно-территориальном устройстве. Двойная подчиненность КЧАО – краю и центру – значительно мешала развитию области. Дальнейшее свое существование карачаевцы мыслили в форме самостоятельной автономной республики. Народы Карачаево-Черкесии решили пойти на раздел республики между отдельными национально-государственными образованиями, начало которому положило провозглашение в 1990 г. отдельной Карачаевской ССР. Таким образом, в нарушение законов РСФСР были созданы новые национально-территориальные преобразования, которые не имели под собой правовой основы (1, 5).

Пик обострения этнополитического противостояния пришелся на 1991 г., когда разгорелись страсти вокруг подготовки к референдуму, выборов в парламент республики, а также вокруг идеи провозглашения национально-территориальных образований. В республике были приняты определенные меры к стабилизации этнополитической ситуации. В начале 1992 г. при администрации Карачаево-Черкесии был создан Отдел национальной политики, печати и информации, в задачи которого входило регулирование межнациональных взаимоотношений, предотвращение конфликтов, помощь национальным общественным организациям, содействие всем народам в защите их прав (48).

28 марта 1992 г. был проведен референдум по вопросу о целостности Карачаево-Черкесии. 76% жителей проголосовало за ее сохранение. На этом фоне обострилось этнополитическое противостояние, подхлестнувшее бытовым национализмом, чему способствовало сочетание конфессиональной и националистической пропаганды партии Исламского возрождения. Сильнее всего конфронтация была выражена между казаками и карачаевцами. Проведенные в июле 1995 г. выборы в Народное собрание КЧР также активизировали политическую жизнь в республике. Идея президентской формы правления вызвала весьма противоречивые суждения. Суть их сводилась к тому, что реализация этой идеи могла бы привести к власти представителя одной национальности, что в многонациональной республике неизбежно вызовет недовольство других народов (89).

В 1999 г. произошло новое обострение этнополитической ситуации, связанное с выборами главы республики. До этого КЧР оставалась единственным субъектом Российской Федерации, где верховная власть принадлежала не избранному народом, а назначенному указом Президента РФ «Главе Республики». После выборов обстановка формально разрядилась (129).

Республика Ингушетия [РИ] была образована Законом Российской Федерации от 4 июня 1992 г. на территории бывшей Чечено-Ингушской Республики в составе районов компактного проживания ингушского населения. Несмотря на наличие соответствующей правовой базы, система местного самоуправления в ней долго не функционировала. Не было там и подконтрольных, подотчетных населению институтов гражданского общества, и самой возможности их

формирования, что, в конечном счете, было чревато серьезными социальными последствиями. К 2003 г. перед руководством Ингушетии встала задача проведения в кратчайший срок выборов в органы местного самоуправления, что должно было стать шагом к консолидации и формированию гражданского общества. Однако экспертный опрос показал, что граждане РИ не вполне осознавали роль и значение органов местного самоуправления в жизни общества. В условиях разворачивающейся политической кампании выборов в Госдуму РФ и в местный парламент Ингушетии находилась перед реальной угрозой дестабилизации общественно-политической ситуации. Социальная напряженность в обществе усиливалась в связи с тем, что в республике находилось большое число беженцев, а также отсутствовали возможности решения ряда проблем, особенно в здравоохранении, образовании и коммунальной сфере. Не способствовали оптимизации социально-политической обстановки отдельные заявления высоких должностных лиц о возможном объединении Ингушетии с Чечней, явно противоречившие осознанному выбору народа Ингушетии остаться в составе Российской Федерации в качестве самостоятельного субъекта (итоги референдума 1991 г.) (173).

Обострялось положение в районах расселения **ногайцев**. До 1957 г., они оставались единым этносом в пределах одной территории, пока ногайские земли не были раздроблены. Когда же территорию их расселения разделили на три части, то ногайцы потеряли статус единого народа, а части ногайского этноса оказались нацменьшинствами в разных автономиях. Основной политической проблемой, вокруг которой консолидировался в 1990-е гг. ногайский народ, стало восстановление его территориальной и этнической целостности, в первую очередь, – целостности Ногайской степи, объединяющей ногайцев. Другая проблема – создание на этой территории «национально-государственного образования ногайцев» – республики в составе Российской Федерации. Исследователи подразделяют весь комплекс проблем ногайцев на две группы. Первая – чисто ногайская – искусственно разделенный народ в подавляющем иноэтническом окружении. Сюда же относятся специфика экологических и экономических вопросов, связанных с природой Ногайской степи и культурными особенностями ногайцев. Ко второй относятся социально-экономические и этнокультурные проблемы – общие для всех народов бывшего СССР, вызванные кризисом политической и экономической системы: социально-экономического развития и государственной национальной политики, национальных кадров и трудоустройства, развития родного языка и культуры. Их остроту необходимо было снять в ближайшее время, т.к. обострение межэтнических и социально-экономических, национальных и культурных проблем ногайцев, по оценкам исследователей, могло привести к серьезным деформациям в их общественном развитии (1, 3, 44).

К середине 1990-х гг. **Краснодарский край** стал одним из регионов с наиболее обострившимися межнациональными противоречиями, хотя в тот пе-

риод противостояние еще не достигло критического уровня. Концентрация конфликтогенных ситуаций происходила здесь давно, но особенно их число возросло с конца 1980-х гг. Факторы, определявшие этнополитическую ситуацию в Краснодарском крае, были весьма многообразны: относительно высокая этническая мозаичность населения; компактное размещение некоторых этнических общностей на территории края, сохраняющих самосознание, родной язык, традиции; значительная религиозная пестрота населения; политическая активизация казачьих организаций, стремившихся к установлению параллельных властных структур, а также региональный сепаратизм, представленный в казачьем движении; повышение статуса Адыгеи и выхода ее из административного подчинения края; нерешенность шапсугской национальной проблемы, которая зародилась в 1989 г., когда шапсуги обратили на себя внимание, выдвинув требования о переименовании ряда населенных пунктов на адыгские названия, и планы исполкома Конгресса шапсугского народа по созданию национально-территориального района; активность Конфедерации горских народов Кавказа, действовавшая через своих эмиссаров на Кубани; приграничное положение края, заставлявшее каждый раз непосредственно реагировать на события в Закавказье и республиках Северного Кавказа. Значительные национальные требования появились у старожильческих диаспор края (украинцев, армян и др.). К 1993 г. социологический опрос показал, что этнополитическая ситуация в дальнейшем может ухудшиться, поскольку практически у всех этнических групп населения края имелись неудовлетворенные запросы (1, 30А, 49).

Важную роль в обострении этнополитической ситуации сыграла активная миграция на территорию края жителей бывших союзных республик, в т.ч. беженцев из регионов этнических конфликтов, чему способствовали межнациональные конфликты в СССР в 1980–90-х гг., ухудшение социально-экономической и этнополитической обстановки в ряде регионов. Вторжение в устоявшуюся социальную и национальную среду иных социальных и национальных групп, как правило, ведет к нарушению привычных взаимоотношений и вызывает защитную реакцию у местного населения. Начала усиливаться конкуренция в сфере экономики, обострились социальные проблемы. В результате в среде местного населения возросла напряженность, зачастую неосознанная, которая стихийно (а иногда организовано) направлялась против иноэтничных мигрантов и выливалась в русло межнациональных конфликтов. Такие противоречия возникли, например, между русскими и турками-месхетинцами. В ряде станиц и хуторов на сходах местного населения звучали требования об их выселении. Таким образом, проблема нерегулируемой миграции и особенно беженцев, затрагивая интересы большинства национальных групп края, вышла в разряд первоочередных (1, 30А, 49).

Большинство из проживающих в Краснодарском крае народов имело свои национально-культурные организации, защищавшие их интересы, способство-

вавшие их культурному возрождению. Эти организации привлекались к участию в работе органов власти. Так, все наиболее важные вопросы, касавшиеся в первую очередь межнациональных отношений, обсуждались с представителями национально-культурных объединений, которые входили в особый Совет этих представителей при крайсовете. В Краснодаре практиковались регулярные телевыступления представителей разных национально-культурных обществ, широкое освещение национальных проблем в местной печати и на радио (ЗОА).

Как отмечали местные власти, уделявшие большое внимание проблеме межнациональных отношений в крае, в целом ситуация в этой сфере находилась под контролем, хотя и оставалась очень сложной, поскольку Краснодарский край входит в широкое поле этнополитических конфликтов, охвативших не только весь Северный Кавказ, но и Закавказье. По мнению крайсовета, для сохранения стабильности этнополитической ситуации был необходим комплекс мероприятий как федеральных, так и краевых органов власти. В русле этой идеи была предложена Программа стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае с системой конкретных механизмов решения межнациональных конфликтов. Важнейшими из них были: 1) прогнозирование межнациональных конфликтов; 2) обеспечение межнационального согласия через воздействие экономической инфраструктуры; 3) создание культурной инфраструктуры межнационального согласия; 4) гуманизация межнациональных отношений, включающая строгое соблюдение законности и широкое привлечение общественности к пропаганде отказа от насильственных методов при решении межнациональных противоречий; 5) привлечение для решения межнациональных конфликтов третьей стороны, пользующейся уважением конфликтующих; 6) расширение и совершенствование нормативно-правовой базы; 7) оперативное реагирование в случае открытого конфликта; 8) создание единой информационной сети. Хотя не все пункты предложенной программы можно было осуществить быстро, несомненно, что ее реализация должна была благотворно сказаться на стабилизации этнополитической ситуации в Краснодарском крае (ЗОА).

Поволжье

Республики Поволжья также были обследованы в рамках проекта «Предвыборная и поствыборная ситуация в России – 1993 г.», что позволило выявить особенности этнополитических ситуаций в Республиках Башкортостан и Татарстан (77–80), Чувашии (59, 66), Марий Эл (63), Мордовии (75), Удмуртии (73), Коми (83, 106).

Публикации по «тюркским» республикам Поволжья – Башкортостану, Татарстану, Чувашии – занимают в серии особое место по своей обстоятельности, что, в первую очередь, относится к четырем выпускам серии по сравнительному исследованию этнополитического развития Башкортостана и Татарстана. Исследования в обеих республиках проводились совместно учеными Казани, Уфы и

Москвы. В 1993 г. при участии американских исследователей в регионе был проведен этносоциологический опрос «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Полученные материалы сделали возможным «сравнение двух линий суверенизации и ее последствий в двух субъектах Федерации и сравнение общего и частного в контурах этнополитического развития каждой из республик»¹⁰⁹.

Характеризуя социально-экономическую ситуацию в республиках Поволжья, исследователи отмечали, что в ходе проводимой реформы, как и везде в России, постепенно расширялся негосударственный сектор экономики, дальнейшее развитие получила предпринимательская деятельность, устанавливались межрегиональные и внешнеэкономические связи со странами ближнего и дальнего зарубежья, принимались меры по социальной защите нетрудоспособных граждан и малообеспеченных семей (63).

Специфику этнополитической ситуации в *Чувашской республике [ЧР]* конца 1980-х – начала 1990-х гг. определяли два обстоятельства. Во-первых, националистическое движение части чувашской интеллигенции, организационно, а во многом и идеологически, оформившееся в постсоветский период одновременно с общедемократическим движением. Во-вторых, это движение не было единым и представляло два конфликтующих течения: с одной стороны, – Партия чувашского национального возрождения [Чăваш аталанавен партияе (ЧАП)] и Чувашский национальный конгресс [ЧНК], с другой, – Чувашский общественно-культурный центр [ЧОКЦ]. Чувашский национальный конгресс проходил в Чебоксарах 8–9 октября 1992 г. Официальные власти ЧР были встревожены итогами Конгресса. В докладной записке министра безопасности Чувашии констатировалось, что «идеологи ЧАП все более откровенно придерживаются тюркской ориентации. После Конгресса ими принимаются активные меры по развитию постоянных контактов с лидерами национальных движений Татарстана, Башкортостана, Чечни и прибалтийских республик...» (59, с. 22). 1992 г. принес крупный успех национал-радикалам в Чувашии. Ослабление Центра, экономические неудачи кабинета Гайдара, двусмысленность позиции республиканского руководства, наличие влиятельного лобби в парламенте и правительстве Чувашской Республики – «все это подводило лидеров националистического движения к мысли о возможности захвата политической власти в республике» (59, с. 23).

Изменение политической ситуации в России в целом (усиление института президентской власти, принятие Конституции, в которой исключалась возможность политической суверенизации национальных республик, равное представительство всех субъектов РФ в Совете Федерации и др.) повлекли снижение популярности националистических лозунгов и поражение на выборах президента ЧНК – А. Хузангая, что повлияло, в свою очередь, на этнополитические процессы в регионе (59).

Если за период с 1990 по 1993 гг. средства массовой информации по меньшей мере дважды – в ноябре 1990 г., в ходе обсуждения Декларации о

суверенитете Чувашии, и в ноябре–декабре 1991 г., в период подготовки и проведения президентских выборов, активно обращались к национальному фактору, то во время избирательной кампании 1993 г. интерес к нему значительно снизился. И в целом этнополитическая обстановка в Чувашии осенью–зимой 1993 г., по сравнению с другими регионами страны, выглядела достаточно спокойной. В республике не было открытой конфронтации органов представительной и исполнительной ветвей власти. Политические партии Чувашии, не имевшие значительной социальной базы, не оказали заметного влияния на итоги выборов (66).

Ситуация в экономике **Республики Марий Эл [РМ]**, финансируемой на 60% из российского бюджета, в начале 1990-х гг. оставалась почти полностью зависимой от Центра. Несмотря на переименование с июня 1992 г. республики («Республика Марий Эл») и провозглашение суверенитета (октябрь 1990 г.), она не стремилась выйти из Российской Федерации. Хроника избирательной кампании, связанной с выборами в Федеральное Собрание РФ, показала что роль партий в общественной жизни и их влияние на политический процесс были мало заметны. Значение национального движения «Марий ушем» в общественной жизни в то время также было невелико, поскольку его социальная база была слаба и движение практически охватывало только небольшую прослойку интеллигенции (63).

Крушение СССР и разрыв прямых экономических связей с Прибалтикой, Украиной и Казахстаном особенно сильно ударили по экономике **Удмуртской Республики**, – из-за уменьшения заказов Минобороны и нового курса на конверсию.

Национальное движение удмуртов зародилось как протест против утраты языка и нивелировки национальных особенностей культуры, формализма в осуществлении национальной политики. Основными направлениями деятельности национальных движений в республике стали, главным образом, пропаганда истории народа, культуры и быта, сохранение традиций, организация культурно-массовых мероприятий, воспитательная работа среди населения по поддержанию национального самосознания, организация изучения родного языка и т.д. Политической задачей удмуртского национального движения было добиться пропорционального представительства в государственных органах республики и аппаратах местного самоуправления (73).

Суверенизация в Удмуртии, начатая в 1991 г., фактически завершилась принятием «Декларации о суверенитете Удмуртской Республики». При этом, пожалуй, большую роль сыграл региональный, а не национальный фактор. Суверенизация была поддержана всеми жителями Удмуртии и воспринималась как «объективно обусловленный акт политической и экономической демократизации, как составная часть реформ...» (73, с. 22).

По мнению исследователей этнополитической ситуации в Удмуртии, республика иллюстрирует идею о том, что движение модернизации и этнической мобилизации было направлено в основном на усовершенствование федеральной структуры России, и на ее примере предлагались способы решения этих проблем. Ключевым содержанием политической жизни в Удмуртии с 1990 по 1995 гг. стало формирование новых структур органов государственной власти и местного самоуправления. Рубежом этого периода стало принятие 7 декабря 1994 г. новой конституции Удмуртской Республики (151, 157).

Своего пика ностальгические настроения, связанные с СССР, достигли в Удмуртии к 1993 г., а между 1993 и 2002 гг. удельный вес взрослого населения, считавшего бывший СССР своей Родиной, сократился с 22,3% до 15,4%. Несколько отличались в этом отношении взгляды национальных меньшинств республики. Среди них не сократилась, а выросла доля лиц, считавших Советский Союз своей Родиной, и, наоборот, упала доля тех, для кого Родиной была Удмуртская Республика. Хотя среди различных слоев общества Удмуртии не было единства в понимании сути демократии, ее базовых ценностей, внутриреспубликанская консолидация избирателей находилась на относительно высоком уровне и свидетельствовала «о стабильности этнополитической ситуации» (157, с. 16).

Многоэтничность населения **Республики Башкортостан [РБ]** и, особенно, **Республики Татарстан [РТ]** способствовала разнонаправленности в них национальных движений. В отличие от движений нетитульных, политические организации титульных национальностей, считавшие себя главными носителями суверенитета, боролись главным образом за приоритетные условия для своего национального развития (77–80).

Этнополитические силы Татарстана в 1990-е гг. пытались постепенно вывести его из России. Для этого они последовательно внедряли в массовое сознание идею «своего, отдельного от России, пути»; «татаризировали» общественную жизнь и сознание жителей республики; с помощью пропаганды усиливали значимость мусульманского фактора в общественной жизни Татарстана; распространяли в сознании местных татар идею общетатарского единства в ближнем и дальнем зарубежье и идею пантюркизма. СМИ активно использовались для скрытой и явной пропаганды становления татарского национального государства, для поощрения действий национал-патриотических татарских движений и объединений. В пропаганде они настойчиво противопоставляли Татарстану «беспомощную, слабую Россию», в которой все было плохо. С другой стороны, выявилось полное бессилие противоположной стороны: отсутствие в республике какой бы то ни было пропаганды пророссийских идей и целей; неэффективность деятельности в регионе христианской церкви и основного республиканского русскоязычного периодического издания «Советская Татария»; отсутствие серьезных экономических взаимовыгодных договоренностей, регулирующих отношения между Татарстаном и другими регионами России (41, 62).

Суть суверенизации различно понималась разными слоями населения и в Татарстане, и в Башкортостане. В Башкирии среди башкир были группы людей, отрицательно оценивавшие идеи национального возрождения, а среди русских и татар были убежденные сторонники возрождения башкирской культуры. Это показывает, что сторонники демократизации распределялись не по национальной линии, а по оси реальных политических и экономических предпочтений. В отличие от башкир титульные татары в Татарии были более решительно настроены на суверенизацию, что оказало консолидирующее влияние и на их самосознание. Однако зачастую сущность национального возрождения воспринималась как борьба за власть и создание моноэтничного государства, за распределение и перераспределение собственности в пользу титульной нации, за создание приоритетов в ее пользу за счет других национальностей. Эксперты предупреждали, что дальнейшая суверенизация в рамках «национального возрождения» неизбежно приведет к маргинализации и по этнической, и по социальной линиям среди представителей всех слоев населения вне зависимости от национальности (77–80).

Один из важных выводов проведенного исследования – слабая и узкая социальная и демографическая база национальных движений в названных республиках. Однако наличие общественных организаций подобного рода было полезно для республиканских лидеров в их борьбе с Центром за расширение республиканского суверенитета и получение больших полномочий по самоуправлению. В тех республиках, где национальные движения были сильнее, официальные власти добились от Москвы больших уступок. С другой стороны, не удалось консолидировать своих сторонников ни лидерам этнополитических организаций – на этнической основе, ни официальным элитам нации – в общегражданском смысле. Ни национальная, ни гражданская идеи не стали такой доктриной, которую разделяло бы большинство титульной нации или большинство населения суверенной республики (77–80).

Суверенизация Башкортостана и Татарстана по-разному воспринималась представителями титульного и нетитульного населения. Среди первых – в основном поддержка и одобрение, среди вторых (главным образом русских) – понимание и лояльность, у чувашского меньшинства в Татарстане – «болезненность и ревность». Автор обзора предположил, что блокированию внедрения принципов демократии и торможению реформирования способствовали исторически различные формы дискриминации национальных меньшинств (77–80).

Исследование межнациональных отношений на личностном уровне показало наличие традиционной взаимной толерантности людей с различной этнической, языковой, конфессиональной и социально-профессиональной принадлежностью, что, несомненно, должно способствовать сохранению межнационального мира и политической стабильности в исследованных регионах (77–80).

Республики Сибири

В 1994 г. в рамках российско-американского проекта «Предвыборная и поствыборная ситуация в России – 1993 г.» была опубликована серия работ, посвященных этнополитическим процессам и современному культурному развитию народов Севера и Сибири. Общим для социально-политического развития автономных республик Сибири стали глубокий спад производства и одновременное развитие политических и национальных партий и движений. Исследования, проведенные в некоторых республиках в разные годы, позволили выявить динамику этих процессов.

В мае–июне 1990 г. произошли первые крупные столкновения на национальной почве между русскими и титульным населением Тувы и Хакасии.

В отношении **Республики Тува (Тыва) [РТ]** исследование показало, что расстановка общественных сил в ней еще не достаточно четко проявилась, хотя инициативы творческой и научной интеллигенции титульной национальности по созданию Народного фронта Тувы во многом способствовали обострению ситуации (18А).

После распада СССР Тува оказалась почти полностью экономически несостоятельной. Такое положение объяснялось маломощной экономической базой, слабой интеграцией сырьевых и обрабатывающих отраслей, ориентацией на производство сырья (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве). В целом к 1992 г. социально-экономическая ситуация характеризовалась развитием предпринимательства и созданием многоукладной экономики, формировались аратские и фермерские хозяйства. Однако все они нуждались в государственной поддержке. Продолжалось общее снижение уровня жизни основных групп населения, рост преступности и наркомании (37, 74).

Большое влияние на этнополитическую ситуацию в Туве имело принятие Верховным Советом [ВС] республики 12 декабря 1990 г. Декларации о государственном суверенитете и 14 декабря 1990 г. – Закона о признании тувинского языка государственным языком, а русского – официальным (в проекте Конституции государственными языками предполагалось считать как тувинский, так и русский). РТ подписала Федеративный договор, однако до президентских выборов в республике 15 марта 1992 г. властные структуры стали утрачивать контроль над положением в республике (37, 74).

В процессе демократизации общественной жизни в РТ возник ряд партий и политических движений: Народная партия суверенной Тувы [НПСТ], Тувинская республиканская организация коммунистов и национальное движение Народный фронт «Хостуг Тыва» [ХТ], Тувинская республиканская организация Социалистической партии трудящихся, Демократическая Россия (Тувинское отделение). Ни одна из партий не являлась ультрарадикальной или оппозиционной правительству республики, хотя НПСТ и ХТ в своих программах и стави-

ли задачу достижения государственной независимости РТ в будущем. В целом социально-политическая ситуация характеризовалась как стабильная. В 1993 г. результаты выборов показали, что основным принципом, определившим предпочтения избирателей, стал личностный подход: люди голосовали за тех, кого знали (37, 74).

Во время избирательной кампании деятельность политических партий и движений в Туве была направлена в основном на предвыборную борьбу и агитацию за принятие или непринятие Конституций Российской Федерации и Республики Тува. В результате выборов большинством голосов (53,8%) был одобрен проект конституции республики. А проект Конституции России на территории республики одобрен не был («за» – 31 313, «против» – 66 945 избирателей), тогда как в целом по России он был принят. Основными разногласия возникли по вопросам суверенитета, права наций на самоопределение и частной собственности на землю. Противостояние по ним между тувинским и русским составом депутатского корпуса отсутствовало (74).

В республике начался процесс возрождения традиционных форм национальной культуры, создания национально-культурных обществ, воссоздания традиционных тувинских праздников и некоторых традиционных институтов, в частности т.н. «рода». Большое внимание было уделено возрождению буддизма: строительству храмов, изданию литературы, налаживанию связей с зарубежными представителями буддийской конфессии (37).

Русские, вторая по численности группа населения, составляли около трети всех жителей республики, подразделяясь на старожилов и новоприбывших. Существовала значительная разница в оценке их положения среди самих русских и тувинцев. Для русских старожилов возникла необходимость создания национально-культурной автономии.

В межнациональных отношениях, существенно обострившихся в 1990 г., положение стабилизировалось. Однако еще сохранялись определенная сложность и некоторая напряженность в этой сфере на бытовом уровне, особенно в г. Кызыле и отдельных поселках со смешанным населением. Статистические сведения свидетельствовали, что миграция из РТ русского населения, резко усилившаяся в 1990 г., в 1992 г. заметно пошла на убыль, а большинство покинувших Туву в 1992 г. мигрантов не были беженцами. Эксперты отмечали, что формирование национально-культурной автономии русских в Туве, ее законодательное оформление, особенно в сфере образования, а также создание возможности сохранения традиций духовной культуры для русского старожильского населения помогут восстановить стабильность в межнациональных отношениях. Негативную роль в возникшей напряженности в Туве сыграли СМИ, дезинформировавшие общественность. Важное значение в этой связи имела скорейшая разработка правительством РТ концепции межнациональных отношений (37).

Национальное движение в **Республике Хакасия**, обусловленное перестройкой в стране, началось с создания в 1988 г. хакасской политической организации «Тун» (Авангард). Инициаторами выступили бывшие студенты вузов г. Ленинграда. События лета 1990 г., выступления части хакасского населения под националистическими лозунгами, требования изменения экономических отношений области с Центром отрицательно сказались на межнациональных отношениях в регионе (18А). В августе 1990 г. по инициативе «Тун» был проведен Съезд хакасского народа, на котором присутствовало 500 делегатов. Он был собран в связи с обострившейся проблемой сохранения и развития хакасского этноса. Среди многих вопросов, обсуждавшихся на съезде, самыми актуальными были о статусе Хакасии, о расширении функций хакасского языка, о прекращении «великих» строк на этой территории, о создании новых центров хакасской культуры и этнопарков, об ограничении потока иммиграции. Съезд принял резолюцию о преобразовании автономной области в Хакаскую республику. В 1991 г. был подписан Указ о преобразовании Хакасии в республику. Под руководством «Туна» началось движение за возрождение национальной религии «Ах чаян», представлявшей вариант алтайского бурханизма. Начали восстанавливаться родовые праздники, общественные моления, жертвоприношения горам и небу, культовые места (38).

В **Республике Бурятия** в 1980–90-е гг. социально-экономическая ситуация также характеризовалась резким спадом производства и безработицей, этноязыковая – дальнейшим сокращением числа бурятской молодежи, свободно владевшей родным языком. Придание бурятскому языку в 1990 г. статуса государственного стало попыткой приостановить этот процесс.

К началу 1990-х гг. в республике было официально зарегистрировано более 40 общественных объединений. Цель и задачи каждой организации были различны, и они подразделялись на несколько основных групп: национально-патриотические партии и союзы; демократические объединения и движения; профессиональные объединения; культурные, исторические, экологические движения. Главную роль в политической жизни региона играли две партии – Бурят-Монгольская народная партия [БНМП] и Забайкальский союз русского народа [ЗСРН]. Наличие двух разных типов объединений в республике на национальной основе не сказывалось резко отрицательно на межнациональных отношениях, видимо, из-за того, что национально-патриотические движения не пользовались авторитетом у большинства жителей из-за своей малочисленности и отсутствия четких социальных программ. Выраженных конфликтных ситуаций на межнациональной почве в республике не наблюдалось, а национально-политические движения носили мирный характер (42).

Другими общественно-политическими организациями были: Движение национального единства «Нэгэдэл», Движение «Демократическая Бурятия» [ДДБ] – ориентированные на интересы бурятского населения; Верхнеудинский

отдел Забайкальского казачьего войска [ВОЗКВ], Народно-патриотическая партия [НПП] – отражавшие интересы русского населения, особенно казачества. В республике были созданы национально-культурные центры, среди которых – Всебурятская ассоциация развития культуры [ВАРК], Республиканский центр эвенкийской культуры, Корейский культурный центр, планировалось создание Немецкого культурного центра. Эти центры должны были стать культурной инфраструктурой межнационального взаимодействия. Помимо казаков, старожилов русское население в республике включало также потомков семейских старообрядцев. Основная цель в деятельности этих центров заключалась в возрождении и развитии национальной культуры, языка, традиций и промыслов. Принцип уважительного и бережного отношения к каждому этносу, его языку, религии, культуре стал одним из механизмов стабильности этнополитической ситуации в регионе (42).

5 декабря 1990 г. Верховным Советом Бурятской ССР была принята Декларация о суверенитете, где говорилось о двух государственных языках: русском и бурятском, что должно было расширить сферу применения бурятского языка. Буддизм в республике стал оказывать заметное влияние на жизнь и самосознание людей. Городское и сельское население, вне зависимости от национальности, активно посещало дацаны, интересовалось буддийской литературой, соблюдало конфессиональные праздники и бытовые обряды (42).

Результаты голосования 1993 г., проанализированные по «вертикали» и «горизонтали», были сопоставлены с данными социологических обследований, проведенных накануне выборов. Особенностью выборов стало то, что предпочтение на местах отдавалось движениям и партиям реформаторско-демократической направленности, а в обе палаты Федерального Собрания были избраны кандидаты «умеренного» блока «Социальная справедливость», что совпало с прогнозами. Выборы выявили организационную слабость национального движения и неготовность бурятского населения к политической борьбе за «национальные интересы» (69).

В среде алтайцев **Республики Алтай** исследователями также был отмечен рост этнического самосознания, интерес к истории и родному языку. Общественная жизнь республики характеризовалась образованием новых партий, не имевших, как правило, самостоятельных социально-экономических программ. Два депутатских блока различались не столько политическими убеждениями, сколько по этнической принадлежности: к «националистическому блоку» были причислены алтайцы, к «демократическому» – русские. Среди общественных организаций наиболее активными стали «Эне тил» – «Родной язык», «Ак Буркан». Новым явлением стало возрождение института «рода», по всей республике прошли праздники-сборы «родов» с выборами их глав. Началось возрождение христианства, мусульманства, шаманизма и бурханизма (46).

Перед этой республикой, как и другими, встали сложнейшие проблемы переориентации экономики с аграрно-сырьевой в аграрно-промышленную. Односторонний подход к решению экономических вопросов, без учета этнической специфики региона и политических условий в нем, осложнял обстановку в социальной сфере (46).

По-иному оценивалась ситуация в **Республике Саха (Якутия) [РС(Я)]**. Особенностью ее стала «сила вертикальных структур власти», при наличии которых реальной оппозиции президентской власти в республике практически не существовало. Административная иерархия, на вершине которой стоял президент республики, пользовалась большим влиянием и, бесспорно, авторитетом у населения, как якутского, так и русского. Вопрос о ресурсах в значительной степени определял состояние и перспективы развития этнического возрождения якутов, влияясь в политике обретением большей степени автономии от федерального Центра. Наиболее влиятельными политическими организациями стали – Союз якутских общественных объединений, Коммунистическая рабочая партия, Демократическая партия, Республиканская народная партия и др. (61).

Этнополитическая ситуация в республике определялась, главным образом, динамикой отношений между якутами и русскими, осложняясь проблемой возрождения и развития малочисленных народов Севера – юкагиров, эвенов и эвенков. Самой важной для характеристики этнополитической обстановки была та часть русской этнотерриториальной группы, которая образовалась за сравнительно короткое время, в 1959–1989 гг., в результате индустриального освоения сырьевого потенциала республики. С середины 1960-х гг., когда русские стали составлять большинство населения республики, в отношении них стала проводиться политика сдерживания социально-экономического и культурного развития. При подготовке высокопрофессиональных кадров система приоритетов и льгот была построена на дискриминационной основе и в ходе кадровой реорганизации структур управления стал преобладать принцип приоритета титульной нации. Распространилась новая форма государственной поддержки – создание за счет налоговых отчислений фирм, эксплуатировавших ресурсы районов Севера, целевых, т.н. региональных фондов, которые местная администрация использовала для развития прежде всего якутской национальной культуры. В центральных и во многих местных музеях практически невозможно было найти экспонаты не только относившиеся к культуре русских старожилов, но и юкагиров, которые являются древнейшим аборигенным населением Якутии. Расширялся процесс перехода малых народов Севера на якутский и русский языки, шел процесс дальнейшего размывания национального самосознания у малочисленных народов Севера, который не удавалось остановить даже расширением преподавания на родных языках, хотя в тот период и была сделана попытка разработать программы по сохранению и развитию языков коренных этносов Якутии (61).

Все это вызывало недовольство русской части населения республики, также как и представителей малочисленных народов Севера. Оно выражалось не только в увеличении миграционного оттока из Якутии, но и в активизации протестных настроений части русского населения. Центрами межнациональной напряженности стали главным образом крупные промышленные районы и высшие учебные заведения. Однако традиции добрососедства в отношениях между русскими и якутами сохранялись (особенно в сельских районах) и оказывали важное стабилизирующее воздействие (61). Одной из особенностей политической ситуации того времени было то, что политическая терминология постепенно приобретала национальную окраску.

Отношение населения республики к деятельности общественных организаций и партий было выявлено путем социологического опроса в рамках программы «Государственный суверенитет республики: политические, правовые, социологические аспекты». Политическая ситуация, которая неизбежно становилась более напряженной во время политических кампаний, после них стабилизировалась (71).

В политической жизни общества важную роль начал играть процесс развития экологического мышления и планы экономического развития на его основе. Автономия и суверенитет стали осмысляться в понятиях этнической консолидации перед лицом не только политических, но и экологических вызовов. Сторонники такого подхода обращались к идее этничности, традиционной духовности и методам природопользования, как к неким признакам исключительности, зачастую используя их в борьбе за власть. Стала распространяться этническая концепция сопричастности природной среде. Сущность ее состоит в утверждении, что только коренные народы РС(Я) обладают глубокими и специфическими знаниями о том, как использовать природную среду Севера таким образом, чтобы сочетать высокий жизненный уровень, основанный на ее промышленном использовании, с уважительным и бережным отношением к ней. Эта концепция охватывает практически все сферы общественного сознания и может считаться новой идеологией. Осуществляемое в рамках «экологической идеологии» искусственное разделение населения республики на «коренных» и «временщиков», стало наиболее ярким примером использования этничности как политического ресурса. Подобное разделение было призвано окрасить в националистические тона чисто социальную и демографическую проблемы (61).

Другие регионы России

История **Республики Карелия [РК]** и характер национальной политики, проводившейся в прежние годы, а также этнический состав населения во многом предопределили сложившуюся в республике к началу 1990-х гг. этнополитическую ситуацию. Карелы, титульная нация, оказались в «своей» республике и на «своей» территории на грани исчезновения. Их язык и национальная культура

функционировали только в семейно-бытовой сфере, а в 1980-е гг. стали постепенно исчезать и из нее. Около половины карел, причем почти вся молодежь, не знала родного языка. Еще дальше процессы ассимиляции зашли у вепсов и финнов-ингерманландцев (64).

Демографическая ситуация в Карелии оценивалась как кризисная. Падение уровня жизни в условиях социальной незащищенности населения – основная причина резкого сокращения рождаемости и повышения смертности. Больше стало умирать людей трудоспособного возраста, причем среди мужчин таких было в 4 раза больше, чем среди женщин. Социально-экономическое положение Карелии в 1993 г. характеризовалось нарастающей инфляцией, падением объемов производства и инвестиций, снижением уровня жизни населения (64).

Данные опроса выявили низкую включенность опрошенных в деятельность различных политических партий, недостаточную информированность об их программах. Примерно такая же ситуация была и в национальном движении, более половины опрошенных (56%) вообще ничего не знали о нем. Более всех в этом плане были информированы финны (68%) и карелы (48%), они же более, чем другие, были вовлечены в его деятельность. Отличительной чертой в этнополитической ситуации в РК было то, что тяжелое социально-экономическое положение населения вело не столько к обострению социальных и межнациональных отношений, сколько к усилению социальной апатии, что соответствующим образом сказывалось на участии людей в общественно-политической жизни республики (64).

Особенно остро встал вопрос о путях национально-культурного возрождения карел, вепсов и финнов Карелии после выборов в Верховный Совет республики в марте 1990 г. Впервые проводившиеся на свободной демократической основе (без прежних национальных квот), они заметно сократили число депутатов карельской, вепсской и финской национальности (64).

Выборы в Федеральное Собрание России 12 декабря 1993 г. показали, что: 1) избиратели больше доверяли своим убеждениям, чем пропаганде; 2) что решающим фактором при короткой предвыборной кампании стала известность кандидата в депутаты, а из средств массовой информации наиболее эффективным было телевидение; 3) в Карелии того периода еще не сложилась «система политических сил» (64).

В Карелии национальное движение началось с конца 1980-х гг. В 1993 г. был создан Карельский конгресс, основная цель которого заключалась: в защите неотъемлемого права карелов, вепсов и финнов республики на самоопределение; в содействии реализации принципов Декларации о государственном суверенитете от 9 августа 1990 г.; в развитии национального самосознания карелов, вепсов и финнов Карелии и принятие мер по защите их языкового суверенитета (64).

Другие национальные организации Карелии – Общество украинской культуры, Общество еврейской культуры «Шалом», ингерманландское движение за возрождение «Инкерин виркоаминен», «Молодая Карелия» были сосредоточены на проблемах национально-культурного возрождения своих этнических групп. Русское национально-политическое движение в Карелии практически не влияло на политическую жизнь республики и не имело поддержки в ее властных структурах. Национальные общественные организации и движения Карелии, за исключением «Карельского конгресса» и «Карельского движения», приняли принципы национально-культурной автономии и в деле конкретной их реализации стояли за сотрудничество с властями. В целом этнополитическая обстановка была спокойной (64).

Необходимо отметить активизацию в решении языковых проблем: в течение 1991–1993 гг. была восстановлена письменность на вепсском языке, создана письменность на карельском языке (ливвиковский и северно-карельский диалекты), что явилось основой для развития и последующего становления литературных языков этих народов; были разработаны и изданы буквари и другие учебники по изучению родных языков в начальной школе; карельский и вепсский языки в качестве предмета были введены в школы, расположенные в местах компактного проживания этих народов, стало практиковаться изучение этих языков в детских дошкольных учреждениях; была разработана и принята программа обновления и развития национальной школы в Республике Карелия в 1991–1995 гг., которая стала целенаправленно проводиться в жизнь (64).

Анализ этнополитической ситуации на территории проживания народов коми (в **Республике Коми** и в **Коми-Пермяцком округе***) к концу 1980-х гг. показал, насколько тесно тенденции политической жизни связаны с этническими реалиями. Процессы деэтнизации наиболее очевидно проявились у коми-пермяков, несмотря на то, что они находились в более благоприятной для сохранения этнического самосознания ситуации.

У обоих народов этничность в большей степени сохранилась у сельской части населения. В городе гораздо быстрее происходила эрозия национальной культуры. Вместе с тем, именно в среде городской национальной интеллигенции особенно обостренно воспринимались проблемы национального развития, а национальное самосознание было актуализировано, правда, только у определенной части горожан. У значительного же большинства – наблюдался обратный процесс: национальное самосознание размывалось, а многие и вовсе стали носителями т.н. «колонизированного сознания», когда к своему языку и культуре относятся явно негативно, перенимая пренебрежение к ним от инонационального большинства. Видимо, перспективы этнического развития обоих народов доста-

* С 1 декабря 2005 г. в составе Пермского края.

точно сложны, но перед коми-пермяками встала реальная перспектива утраты национальной самобытности, в то время как народ коми еще имел возможность стабилизировать ситуацию (67, 83).

Для этнополитической ситуации конца 1980-х – начала 1990-х гг. были характерны возникновение и активизация национальных обществ и движений. Первоначально они ставили перед собой чисто культурологические задачи. Процесс перемещения национальной идеи из культурной области в сферу политики начался в 1989 г., когда национальная проблематика стала присутствовать в предвыборных программах кандидатов в народные депутаты. Важную роль в процессе политизации сыграл I Съезд коми народа. Несмотря на некоторые недостатки в решении вопроса представительства, Съезд коми народа стал реальной политической структурой, которая, однако, в тот период еще не вполне сформировалась. В республике в 1993 г. было зарегистрировано правозащитное движение «Доръям асьнымос», которое ставило своей целью отстаивание прав коми и в котором объединились наиболее радикально настроенные деятели национального движения. Предлагавшееся ими введение ценза оседлости сразу же могло исключить значительную часть активного населения инонационального происхождения из политической жизни под предлогом недостаточной их включенности в местный социум. Обеспечивая приоритет «коренному» населению достигалась цель исключить сильную оппозицию. Потенциально эта идея таила в себе серьезную угрозу стабильности в Республике Коми (67).

Попытки обосновать приоритет «коренного» населения становились многочисленными и нередко выливались в открыто конфронтационные заявления и действия. В науке – это заявления о необходимости сделать гуманитарные подразделения сугубо «национальными», селекция ученых по национальному признаку. Так поступили члены «Комитета возрождения», отбирая ученых для участия в круглом столе, во время прошедшего в декабре 1992 г. в Сыктывкаре I-го Конгресса финно-угорских народов, что свидетельствовало о возможности обострения этнополитической ситуации. Нередко ощущая одностороннюю ориентацию на интересы титульных национальностей, русское население в республиках начинало создавать свои общественно-политические и культурные организации, которые неизбежно должны были политизироваться в процессе своей деятельности (27, 67). Однако в ходе избирательных кампаний 1993 и 1994 гг. в Коми-Пермяцком а.о. не произошло каких-либо существенных изменений, у власти в основном остались прежние лица (67).

Таким образом, этнополитическая ситуация в регионах расселения коми, в Республике Коми и в Коми-Пермяцком а.о., на протяжении первой половины 1990-х гг. характеризовалась устойчивостью и отсутствием национальных конфликтов. Однако этносоциальная стратификация республики порождала объективные противоречия между коми этносом и русскоязычным населением. Осоз-

нению этих противоречий, их трансформации в открытую политическую борьбу способствовал конфликт в правящей элите в результате радикальной политической реформы в республике по российскому образцу. «В ходе предвыборной борьбы внутренний конфликт элит был вынесен на суд широких слоев избирателей, что стало фактором ухудшения национальных отношений» (83, с. 24), хотя и обошедшимся без межэтнического конфликта.

СНГ

С начала 1990-х гг. **Республика Молдова** находилась в состоянии перманентной гражданской войны. Острый кризис в республике, граничивший с возможным взрывом гражданской войны в форме межнационального противоборства, определялся прежде всего сложившимся в республике политическим режимом. Летом 1990 г. демократическим путем к власти пришел Народный фронт Молдовы [НФМ], чьим вдохновителем и руководителем стала молдавская творческая интеллигенция. Ей удалось мобилизовать население республики под лозунгами национального возрождения. Никакой достаточно разработанной экономической концепции НФМ не имел. Отсюда и чрезмерная идеологизированность режима: объявление себя «антитоталитарной и антикоммунистической силой», борющейся против «советской империи». Стремление НФМ отождествить молдавский этнос с румынским привело к возникновению внутримолдавского противоречия. Прорумынские установки НФМ, его чрезмерно выраженные в «национальном» духе устремления в подборе кадров, в языковой политике сделали враждебными по отношению к нему значительную часть молдавских горожан, особенно жителей г. Кишинева, которые действительно в значительной степени ассимилировались в языковом плане, в том числе и через смешанные браки, число которых продолжало увеличиваться; многие из них работали в национально смешанных коллективах (14А).

Принятие Закона о языках и государственного постановления об аттестации руководящих кадров на знание молдавского языка практически привело к смещению немолдаван с должностей любого уровня. Все это повлекло рост недовольства у немолдавского населения в республике в целом, но прежде всего – на юге и в Приднестровье, где гагаузы, русские и украинцы составляли большинство. Там быстро нарастал процесс социальной активности, осмысления собственных региональных интересов, в результате чего сформировались гражданские движения – «Гагауз Халкы» [«Гагаузский народ»] и Союз трудящихся Молдавии [СТМ], стремившиеся добиться действенного хозрасчета и самостоятельности. После выборов в местные советы в Тирасполе и других городах Приднестровья, а также в гагаузском Комрате к власти пришли эти гражданские движения и встал вопрос о сохранении территориальной целостности Молдавии (14А).

Судьба **казахстанской** государственности зависела от того, какую этническую политику будет проводить казахстанское руководство и насколько активна

в отстаивании прав этнических россиян будет российская сторона, насколько последовательно и эффективно будет проводиться курс на экономическую, политическую и культурную интеграцию двух государств. Именно поэтому столь значимым оказался политический фактор для этносоциального развития Казахстана (94).

Анализ проблем республики показал, что долгие годы относительно высокая урбанизированность и лучшая профессиональная подготовка обеспечивали русскому населению в среднем более высокий уровень жизни, чем казахам, позже включившимся в процессы урбанизации. В то же время казахи занимали большинство ключевых постов в системе политического управления. Фактически их экономический статус не соответствовал политическому. Ситуация усугублялась исторически сложившейся социальной структурой населения административных центров Казахстана. Большая часть казахского населения городов – это, с одной стороны, малоквалифицированные рабочие и студенты, а с другой – работники госаппарата и национальная интеллигенция. Другое обстоятельство было связано с региональным разделением труда. Наиболее развитые в промышленном отношении районы Казахстана – это семь «русскоговорящих» областей, в которых было сосредоточено производство основной части национального продукта. Кроме того, северо-восточный регион Казахстана традиционно всегда был тесно связан экономически с Россией. Некоторые исследователи этнополитической ситуации в Казахстане делали пессимистические прогнозы возможного распада республики на традиционалистский «Юг» и индустриальный «Север», поскольку отселение в массовом порядке русских представлялось нереальным (94).

1990–91-е гг. в республике были отмечены многочисленными конфликтами на этнической почве. Националистические выступления были характерны в основном для крупных городов, а также для пограничных районов, где наблюдалось обострение отношений между казахами и казачеством (94).

Руководство Казахстана проявило большую гибкость в отношении националистических казахских группировок, законодательно воплощая отдельные их лозунги и идеи. В то время как казахский был объявлен государственным языком и была разработана программа постепенного перевода на него всего делопроизводства, за русским закрепился статус языка межнационального общения. Закон о языках практически закрыл доступ неказахскому населению в высшие учебные заведения, государственные учреждения и повлек за собой формальную и фактическую дискриминацию неказахского населения. Ограничительная политика в отношении неказахского населения наиболее отчетливо просматривалась в запрете или отказе в регистрации организаций, выступавших в защиту русскоязычного населения. Политическая пассивность большей части русского населения восполнялась активностью казачьего движения. По политическим воззрениям к казачеству примыкали славянские движения и культурные общества (94).

В конце 1994 – начале 1995 г. в Казахстане наметился переход к новой тактике укрепления государственности – сосредоточение максимума власти в руках президента. Были предприняты также меры, чтобы смягчить межнациональные противоречия и уменьшить отток населения из республики, который также демонстрировал тенденцию прогрессирующей «национализации» республики. В политике казахстанского руководства прослеживалась и другая стратегия по укреплению государственности – увеличение за счет казахов-переселенцев доли титульного населения в северных областях. Однако этническая идея, которая была положена в основу суверенизации не смогла долго служить основой для политического и социального развития Казахстана (94).

Среди суверенных государств Средней Азии **Республика Таджикистан** занимает особое место, поскольку все политические процессы, наложившиеся на весьма сложную этническую структуру общества, определяли противостояние между титульным народом и русскими. Гражданская война, особенно события 1992–1993 гг., еще более обострила межэтнические отношения в республике. В результате в таджикском обществе произошли существенные изменения. Оно не только резко политизировалось, но и «этнизировалось»: произошло восстановление традиционных этнических общностей на уровне историко-культурных областей и даже исторических районов, жители которых исторически противопоставляли себя остальным таджикам. Общество в целом потеряло свою монолитность, вернувшись в состояние, которое, казалось, уже стало достоянием истории. Исследование выявило три составляющие общей ситуации: кризис традиционалистского общества, переживавшего одновременно внешнюю модернизацию и регенерацию традиционных отношений; политизация в форме появления и развития политических движений, имевших традиционалистскую основу; сложная этнополитическая обстановка (26А, 40).

По своему экономическому и демографическому потенциалу **Республика Узбекистан** играет ключевую роль в среднеазиатском регионе. Республика находится в эпицентре продолжающегося в среднеазиатском регионе «демографического взрыва», что ведет к снижению уровня потребления, росту безработицы или неполной занятости, усилению экономического давления на трудоспособную часть населения. По плотности населения республика делится на две зоны – территория западнее и северо-западнее Ташкента, где еще достаточно свободных необработанных земель, и люди могут использовать этот ресурс для жизнеобеспечения себя и своих семей, и Ферганская долина, где нехватка земельных и водных ресурсов не дают возможностей развития. Кроме того, республика сверхориентирована на производство монокультуры – хлопчатника, не находящего спроса на мировом рынке. В то же время перепрофилировать в короткий срок свое сельское хозяйство и кардинально реорганизовать значительную часть своей экономики для республики невозможно. Дисбаланс между частным и государст-

венным секторами в сельском хозяйстве также питает внутривнутриполитическую нестабильность. С уходом русских разрушилась невидимая культурологическая сфера городского узбекского общества, возник определенный духовный вакуум, который стал заполняться исламом (90).

Поднимавшееся национальное движение, в частности организации «Бирлик» и «Эрк», представляло собой прежде всего светскую оппозицию. Однако процесс консолидации нации пошел другим путем. Режим сильной президентской власти и политика социального маневрирования стали базой для обеспечения относительной стабильности общества, а национальное движение потеряло свою социальную базу. Единственная угроза режиму исходила из наиболее населенной и задыхающейся от минифундизма Ферганской долины, где ислам мог мгновенно трансформироваться в политическую идеологию мощного движения при обострении социальных конфликтов. В результате внутренняя политика Узбекистана, а также его геополитические ориентации соотносились именно с «фундаменталистской угрозой» (90).

В Среднеазиатско-Казахстанском регионе сложились новые геополитические реалии. Возникшие суверенные государства активно вовлечены в международные экономические, политические и культурные отношения, главным образом с мусульманскими странами: Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и др. Специфические и долгосрочные интересы имеет в этом регионе и Россия. Там все еще проживает значительное по численности и играющее важную роль в общественно-экономической жизни азиатских республик русскоязычное население (50).

Сравнительный анализ этносоциальной и этнополитической обстановки в целом после образования там независимых государств показал, что при всех различиях между республиками региона социально-экономическая и политическая ситуация в них характеризовалась как крайне напряженная. Кризисные явления привели к нарушению регионального и глобального равновесия существовавших ранее устойчивых связей и являвшихся гарантом социальной обеспеченности населения и политической стабильности. С начала 1990-х гг. шел поиск новых форм государственности, моделей экономического развития, дополнявшийся политическим переориентацией, борьбой за сферы влияния и поиском союзников (50).

Обретение «национальной независимости» высветило внутреннюю экономическую слабость этих государств. По характеру социальных отношений они оставались преимущественно традиционными восточными обществами, в среде основной массы населения господствовали патриархальные стереотипы и привычки. Одним из важнейших факторов социальной напряженности стала несоизмеримо высокая нагрузка на природную среду, вызванная экстенсивным типом традиционного хозяйствования при крайнем дефиците земельных и водных ресурсов. Это усугублялось характерным для доиндустриальных аграрных

обществ крайне высоким уровнем рождаемости. За исключением Туркменистана, обеспеченного энергоносителями, экспорт которых дает валютные поступления, и Казахстана, способного экспортировать стратегическое сырье и зерно, новые среднеазиатские государства пока не в состоянии рассчитывать на самообеспечение (50).

Различной была роль оппозиции как дестабилизирующего фактора. Межрегиональные противоречия открыто проявились в Таджикистане, племенные и клановые различия были заметны в Киргизии и Туркмении. Оппозиционные движения (исламистские, светские, этнические и иные), в целом объединенные общими целями – борьбой за сферы влияния в обществе, за контроль над ресурсами, однако их активность была обусловлена степенью социального недовольства среди населения. Власти в республиках сочетали в тех или иных пропорциях авторитаризм и жесткую иерархию исполнительной власти, контроль над экономикой и средствами информации, подавление оппозиции с надпартийностью, лавированием, использованием символов популярных в обществе идей. Идеологическая база новых правительств была крайне неопределенна, в ней сочетались в различных пропорциях исламистские идеи, националистические лозунги и внешняя демократическая атрибутика (50).

Хотя новые государства и стремились к интеграции, противоречия между ними, в частности потенциальные территориальные споры (между Киргизстаном и Узбекистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизстаном и Таджикистаном), препятствовали этому процессу. Государства региона оставались заинтересованными в сохранении связей с Россией и одновременно осознавали необходимость поиска новых партнеров (50).

Если в пределах СНГ шли разноуровневые интеграционные процессы между самыми различными группами государств, то на территории Средней Азии происходило отдаление Казахстана и Киргизстана от остального региона при сближении их (пока еще достаточно слабо) с Россией; остальной же регион явно искал (и находил) себе других союзников. В то же время, чем более пророссийскую внешнеполитическую позицию занимало в определенный момент то или иное среднеазиатское государство, тем лояльнее оно относилось к своему русскоязычному населению. Если в первой половине 1990-х гг. во всем среднеазиатском регионе процесс оттока русскоязычного населения шел по нарастающей (целые села были брошены уехавшими русскими), то затем ситуация изменилась. Объективное основание для такого изменения – все то же различие между евразийской и среднеазиатской частями региона. В скотоводческих Казахстане и Киргизии оказался возможен симбиоз местного населения с европейскими переселенцами, которые занимали принципиально разные экономические ниши, и, как следствие, оказалось возможным бесконфликтное проживание большого числа русскоязычного населения, в т.ч. и в сельской местности. Этот пример показыва-

ет, что среднеазиатский регион не должен восприниматься как единое целое и «любая попытка региональной интеграции обречена на неудачу, независимо от того, будет ли проводиться эта интеграция под эгидой какого-либо государства региона или внешней силы» (148, с. 6).

Зарубежная Европа

В международном праве сосуществуют два противоречащих друг другу принципа: принцип неделимости государства и право наций на самоопределение. То есть, с одной стороны, мировая общественность не желает дробления карты мира, однако, с другой – мотивируя свое решение нарушениями прав человека, допускает в некоторых случаях предоставление независимости отдельным народам. На этой основе международное сообщество сформировало свою позицию по югославскому кризису – о праве субъектов этой федерации на провозглашение независимости. Поэтому весьма актуальным стал цикл работ (1Б, 84, 124, 128, 185, 204), посвященный проблемам современного многонационального разнообразия и этнополитической ситуации на **Балканах**. Основное внимание уделялось отношениям между Сербией, Черногорией и Косово, историческим и современным событиям, связанным с этими государствами (185).

Может ли форма решения национального вопроса в Югославии послужить моделью для других схожих ситуаций? Скажется ли она на дальнейшем размежевании территорий? Ведь борьба за самоопределение на этнической основе вплоть до отделения не такой уж редкий случай в современном мире. На территории бывшего СССР это – Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье. На Западе – это этнические движения, распространившиеся в 1960-е гг. (басков в Испании, католиков в Северной Ирландии, бретонцев и корсиканцев во Франции и др.). В то же время попытка отделения части государства может иметь определенные последствия и для самого государства, как, например, России, которой пришлось вести войну за сохранение Чечни в составе Российской Федерации. Все эти сюжеты демонстрируют злободневность этнополитических проблем как в мире в целом, так и в Европе, в частности (185).

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Сложные, неоднозначные процессы, происходящие в современном мире, все чаще заставляют поднимать вопрос о том, какую роль играет этнический фактор в окружающей нас действительности, почему и в каких обстоятельствах этническая идентичность представляется человеку более важной, чем все иные виды идентичности, как она формируется, способна ли она видоизменяться, и что вообще она собой представляет? Наблюдаемый в настоящее время процесс глобализации, затронувший в той или иной мере все страны мира и входящие в них этносоциальные организмы, ведет к унификации практически всех областей жизни населяющих их народов, в т. ч. и их культур.

В Российской Федерации есть регионы, в которых проживают различные этносы с частично сохранившейся традиционной этнической культурой. Многообразие видов этнокультурного взаимодействия, часто обусловленное особенностями исторического развития разных народов и территорий, стали важным фактором формирования этнокультурной специфики отдельных областей и районов. Судьбы этнических культур различны и зависят от множества разнообразных факторов – интенсивности и длительности их контактов с иноэтничным населением, степени близости их языков, общности или различия их конфессий, а также – общности или различия их экономических интересов.

В силу объективных причин нарушаются или существенно сокращаются информационные связи с материнским этносом, и в то же время этнические группы вступают в хозяйственно-культурные отношения с местным инокультурным населением. В связи с этим встают сложные и противоречивые задачи: с одной стороны, сохранить и обеспечить демографическое воспроизводство самих этнических групп и специфических черт их культур в иноэтничной среде, а с другой, – что не менее важно, адаптироваться в ней, не остаться в изоляции, что предполагает некоторую культурно-языковую интеграцию с местным населением. Актуальными и важными стали вопросы о правовом статусе этнических меньшинств, о соотношении их интересов с интересами народа, составляющего на таких территориях большинство. Поэтому необходимо учитывать не только исторический опыт взаимоотношений российских народов и российского государства в целом, но и наработанный опыт взаимодействия всех народов и этнических групп России, какими бы малочисленными они ни были, что позволяет вырабатывать наиболее реальную модель государственной этнополитики.

События, происходившие во многих регионах страны с конца 1980-х гг., свидетельствуют о том, что игнорирование специфических этнокультурных интересов этнических меньшинств при решении социальных, экономических и политических задач часто вызывает конфликтную ситуацию и обострение межнациональных противоречий.

Европейская часть России

Особенности этнокультурного развития в ***Коми-Пермяцком автономном округе***, где к концу 1990-х гг. проживало до 62% коми-пермяков – представителей небольшой финноязычной группы, в основном проявлялись в этноязыковых процессах, в системе расселения, в социальной и демографической ситуации, в этнической идентичности. Исследование свидетельствует о глубоком кризисе, в котором находились в этот период коми-пермяки, причем охватившем как собственно демографическое воспроизводство, так и этнокультурное, проявлявшемся и на уровне бытия, и на уровне сознания. Значительная часть молодых мужчин была не занята в общественном производстве, развивался активный процесс люмпенизации коренного населения, все более значи-

тельные масштабы приобретало пьянство. Экономика округа оставалась слабо развитой и в новых социально-экономических условиях – весьма уязвимой. Роль интеллигенции, профессиональной художественной культуры в жизни общества резко снизилась, новые рыночные структуры были не развиты. Особо встал вопрос о коми-пермяцкой диаспоре, ибо, если в округе, еще была возможность для мобилизации каких-то сил и средств, стремившихся стабилизировать национальное развитие, то каким образом сохранить этническую специфику у многочисленных представителей коми-пермяцкой диаспоры оставалось неясным (102).

Исследование этнокультурных процессов в **Калининградской области** показало, что целый ряд факторов влияет на судьбу края, где сходятся различные интересы. Необходимость соблюдения баланса интересов Центра и данного региона была вызвана сочетанием очевидных географических и экономических особенностей Калининградской области с ее уникальным стратегическим значением. Важную роль при этом играет знание культурных особенностей края, специфики формирования его населения (119).

Исследование динамики численности населения Калининградской области и тенденций в его размещении, миграционных процессов позволил сделать вывод о том, что здесь сложилась особая территориальная общность – калининградцы, как самоидентифицируют себя жители региона. Малые этнические группы интегрированы в единую этносоциальную структуру области. Население края, несмотря на относительно непродолжительный период своего проживания на этой территории, стало хорошо укорененным и не имело тенденции покинуть область. С начала 1990-х гг. отмечен всплеск миграций в Калининградскую обл. из многих регионов бывшего СССР. Численность немцев в процентном отношении ко всему населению переместилась с 13-й позиции на 5-ю. Однако пик их переселения на запад России миновал в 1992 г. (119).

Практически во всех этнических группах актуализировалась этнокультурная проблематика, возрос интерес к изучению родного языка, знакомству с культурой, историей, традициями, религией, особенностями быта. Рос интерес к своим диаспорам у государств, являющихся исторической родиной для части населения области. В условиях особого геополитического положения выполнение региональных программ в области имело не только внутрисоюзное, но и международное значение. В экономике Калининградской области все большую роль стали играть незамерзающие морские причалы, начала расти индустрия туризма, число совместных предприятий стало увеличиваться. Ее положение на стыке стран ЕС, ЕАСТ [Европейская ассоциация свободной торговли], Центральной и Восточной Европы, Балтии и СНГ обусловили широкие возможности для всестороннего сотрудничества (119).

Народы Севера и Сибири

Заметное место в публикациях серии заняли традиционные этнологические сюжеты, характеризующие различные аспекты жизнедеятельности **коренных малочисленных народов Севера и Сибири [КМНС]** в современном контексте модернизационных изменений¹¹⁰. Не все эти народы имеют автономию. Происходит изменение в численном соотношении между коренным и пришлым населением, сокращение доли коренного населения в общем демографическом балансе северного региона. В деятельности административного и хозяйственного аппарата преобладают вопросы промышленного развития, – проблемы коренного населения отступили на второй план. Продолжается процесс утраты родных языков, навыков ведения традиционного хозяйства. В поселках появилась прослойка люмпенизированного населения.

Чрезвычайно актуальными стали проблемы сохранения и возрождения этнокультурной специфики этих малочисленных народов. Их образ жизни (а значит, и этническое своеобразие) оказался существенно подорванным индустриализацией региона. Поэтому все более росло осознание необходимости тщательной проработки проектов, которые могут затронуть интересы местного населения, нанести какой-либо ущерб его хозяйству и культуре, т.к. его жизнь все еще во многом зависит от традиционного хозяйства.

Наряду с анализом конкретных ситуаций, авторы представленных работ стремились дать подробные рекомендации, которыми могли бы воспользоваться законодательные и местные органы власти различного уровня при решении проблем малочисленных народов Севера. Специалисты практически единодушно определяли «традиционные виды хозяйственной деятельности» как совершенно особую отрасль экономики, имеющую крайне важное социокультурное значение для представителей этих народов, характеризующуюся не только соответствующим типом трудовой занятости, но также и особым образом жизни и уникальными культурными традициями. Во всех работах этого раздела, наряду с особенностями этнокультурных процессов в новое время, рассмотрены этнодемографические характеристики изучаемых народов или регионов, приведены общие сведения об историческом развитии традиционных культур и межнациональных отношений.

Социально-экономическое положение народов Севера в целом отражало общее экономическое состояние России и было характерно для всех северных регионов. Народы Севера испытывали значительные трудности во многих сферах своей жизнедеятельности. В то же время постепенно возрастало их самосознание, желание быть хозяевами на своей земле. Динамичная ситуация в этнокультурной сфере требует своего постоянного отслеживания.

Анализ развития экономики и культуры хантов Сургутского и Нижневартовского р-нов **Ханты-Мансийского автономного округа [ХМАО]** Тю-

менской области (на начало 1990-х гг.) выявил множество актуальных проблем: развитие национальной автономии и в то же время многоступенчатая иерархия подчинения автономного округа области; увеличение представительства коренного населения в местных органах власти, создание национальных сельских советов, объединяющих поселки хантов на территориях их традиционного расселения, и одновременно передача таких поселков в административное подчинение организациям, занимавшимся только добычей газа и нефти. Катастрофическое загрязнение окружающей среды, непонимание специфики традиционной культуры (разорение угодий, могил, отстрел домашних оленей и др.), способствовали возникновению напряженности в отношениях между коренным и приезжим населением. В социально-экономической сфере – оплата труда у коренного населения была ниже, чем у приезжего, коренное население использовалось в основном на неквалифицированных работах, или на работах с частичной занятостью. Традиционные отрасли хозяйства продолжали сокращаться, многие угодья были испорчены, оленеводство подорвано, усугублялись проблемы с жильем, а также в области образования и здравоохранения, алкоголизма. Даже компенсационное строительство и выделение определенных средств не давало желаемых результатов (4А).

В этот же период в среде малочисленных народов **Ямало-Ненецкого автономного округа [ЯНАО]** был отмечен рост политического самосознания. Материалы по Шурышкарскому р-ну показали, что сокращения численности коренного населения фактически нет, район стабилен по национальному составу с преобладанием коренного – хантыйского населения. Традиционное разделение в производстве сохранялось. И хотя наблюдалась слабая представленность коренного населения в руководящих органах, однако в политических структурах (депутатский корпус) она была достаточно высокая. Были образованы общественные организации коренного населения, в частности Ассоциация «Ямал – потомкам». Под ее эгидой активизировалось кооперативное движение, была создана национальная научная лаборатория. Наряду с этим в районе стали проявляться сепаратистские и националистические тенденции, сопровождавшиеся требованиями его выхода из Тюменской обл. и передачи Ханты-Мансийскому а.о., удаления коми и русских, а также о служебном патернализме по отношению к хантам. Для пробуждающейся политической активности коренного населения стали характерными также растущее стремление участвовать в общественной жизни, решать хозяйственные вопросы, сохраняя целостность экосистемы, выступления против строительства нефтепроводов, железных дорог и т.п. (7А).

Этнокультурная ситуация у эвенов в **Эвено-Бытантайском улусе (районе) Республики Саха (Якутия)** характеризовалась их ассимиляцией якутами, смешением в их среде двух разных хозяйственно-культурных типов. Если раньше охотниками и оленеводами были преимущественно эвены, а скотоводами – якуты, то теперь различий практически нет. Продолжала сокращаться

сфера эвенского языка. Общение в семьях и вне них, преподавание в школах ведутся на якутском языке. Однако при постоянном уменьшении доли эвенков из моноэтничных семей и увеличении тех, кто был рожден в смешанных эвенко-якутских семьях, сокращения общей численности эвенков не происходит. Если до образования национального района (21 апреля 1989 г.) детей из смешанных браков чаще записывали якутами, то с его образованием стало престижнее называться эвенком. Многие сменили национальность при получении паспортов. (Скорее всего, в силу особого статуса эвенков как малочисленного народа Севера и льгот для них, которые на деле противопоставляют эвенков якутам.) С середины 1980-х гг. под влиянием национальной интеллигенции активизировался процесс роста самосознания у эвенков. Требования о создании эвенского национального района в свое время были поддержаны и местными якутами, доля которых составляла две трети от общего числа населения (Правда, было обещано, что «осуществление этой идеи приведет к улучшению материального положения жителей сел».) (35, с. 4).

Демографические процессы, протекавшие у **аборигенов Севера Магаданской области** в середине 1990-х гг., в целом были типичны для населения всех северных регионов России. В области представлено пятнадцать (из тридцати) малочисленных народов Севера. Самые крупные по численности – эвены, ительмены, коряки. Обращает на себя внимание всплеск рождаемости, пришедший на 1990–91 гг., вызванный тем, что детей, родившихся в смешанных браках, регистрировали по национальности родителя-аборигена. Это указывает на то, что в этнической самоидентификации важную роль играют не только традиционные этнокультурные факторы, но и привнесенные извне факторы социально-экономического порядка (своеобразное следствие особого статуса КМНС). Два основных вопроса, законодательного решения которых ожидало местное население: проблема разграничения собственности на землю и на ресурсы. Магаданская область имеет специфику прибрежных районов, в связи с чем встали проблемы разграничения, в первую очередь, федеральной, областной, районной собственности на морские биоресурсы. Люди, жившие на побережье, поднимали вопрос не только и не столько о земле, сколько о море и его биоресурсах. Основные проблемы оленеводства – это отсутствие государственной поддержки, в т.ч. госзаказа на его продукцию. Общий экономический упадок сказывался в невыплате заработной платы оленеводам, в недостатке горючего, техники, порой элементарных продуктов питания. Остро стояла проблема кадров. Другими причинами упадка оленеводства стали бесконтрольное освоение недр, использование оленьих пастбищ для прокладки к ним подъездных путей, браконьерство. По мнению эксперта, «хотя ассоциации народов Севера уже накопили немалый опыт в решении подобных вопросов, сотрудничая с органами исполнительной и законодательной власти, их общественный статус все же не давал им возможности реально влиять на принятие решений...» (116, с. 19).

В 1990-е гг. традиционное природопользование и индустриальное развитие столкнулись в Ямальском р-не **Ямало-Ненецкой а.о.** в виде интересов двух достаточно крупных и перспективных отраслей экономики – оленеводства и газодобычи. Традиционные отрасли хозяйства коренного населения полуострова – оленеводство, охота, рыбная ловля, морской промысел и собирательство с самого момента своего зарождения основывались на тесном взаимодействии человека и окружающей средой и полностью зависели от состояния последней. Основной и достаточно реальной угрозой сохранению и развитию всех форм тундрового хозяйства как основы традиционного жизнеобеспечения ненцев Ямала, стало сокращение нетронутых промышленным освоением и чистых в экологическом отношении земель. Современное хозяйство ямальских ненцев до сих пор практически полностью зависит от оленеводства, которое сохраняет свои особые типологические черты. Однако игнорирование промышленным комплексом экономических и связанных с ними этнических интересов и потребностей коренного населения, а также экологических особенностей осваиваемых территорий нарушило не только сложившуюся веками систему выпаса домашних оленей, но и изменило сроки и пути миграций диких животных. «Приспосабливаясь к новым экологическим условиям, ненцы вынуждены вырабатывать ‘новые’ традиции в сфере жизнеобеспечения», что непосредственно влечет изменения в образе жизни и «ставит под вопрос сохранение уникальной культуры ненцев-кочевников» (139, с. 34).

Эвенки Иркутской области, имеют длительный опыт совместного проживания с русскими старожилами, бурятами, якутами. С одной стороны, это привело к аккультурации и ассимиляции части эвенков, с другой – постепенно были выработаны своеобразные механизмы адаптации. Следствием учреждения границ районов, перевода эвенков на оседлость, укрупнения и специализации их хозяйств стало сужение ареала их расселения, разрушение или ограничение родственных и социально-экономических связей. К началу XXI в. в таежной зоне Южной Сибири жизнь эвенков, как и прежде, зависела от продукции охоты и рыболовства. В охоте в значительной степени была развита конкуренция с приезжими за ресурсы и охотничьи участки. В то же время сложившиеся историко-культурные взаимоотношения и общность интересов народов Севера и русского старожильского населения в эксплуатации возобновляемых ресурсов вели к сотрудничеству в защите прав на природопользование, что проявилось и при создании «родовых общин». Как и в большинстве районов Севера России, «родовые общины» в Иркутской области стали хозяйственно-экономическими объединениями, а не формами местного общественного самоуправления. «Общины» создавались чаще всего «сверху» и могли развиваться только при осуществлении государственной поддержки. Коренное и приезжее население маленьких поселков, сохраняющее тесные родственные, экономические и культурные связи, чаще всего выступает «единым фронтом в защите интересов всей поселковой общины, например, в области экологии и природопользования» (152, с. 19).

Уйльта о-ва Сахалин являются одной из самых маленьких этнических групп в России. Их численность не менялась с середины XIX в. до наших дней и была немногим более 300 чел. На протяжении десятков лет запутанность идентификации оказывала постоянное влияние на судьбу самого этноса, порождая ошибки в определении его численности и расселении (162, 223). Анализ современных проблем жизнедеятельности этого народа, показал, что многие уйльта, лишившись возможности заниматься традиционными формами хозяйства, деградируют, что может привести к полному исчезновению самого этноса (162, с. 21). Тем более, что исследование этнокультурной ситуации у уйльта Сахалина показало их значительное смешение со своими соседями эвенками, чему способствуют и сходство их языков, и хозяйственно-культурного типа (охотники, оленеводы). С нивхами, освоившими другую экологическую нишу (рыболовы), они почти не смешиваются. Однако все коренное население Сахалина осознает свое единство и противопоставляет себя приезжему и старожильческому населению. Отношение к нему русских варьировало от неприязненных, у недавно прибывших, до дружеских – у старожилов. Дискриминации по национальному признаку на острове не наблюдалось. Для решения проблем коренных жителей местные власти стараются им помочь, в частности выделением земель приоритетного землепользования. Отделение Ассоциации народов Севера поддерживает эти и другие требования, в т.ч. создание кооперативов, признание этнонима «уйльта». Однако деятельность ассоциации плохо поддерживается, поскольку политическое самосознание коренного населения развито пока слабо (23А, 162).

Особенности этнокультурного развития малочисленных народов **Кемеровской области** во многом определяются спецификой региона, наиболее промышленно развитого в Южной Сибири, одного из самых населенных и многонациональных. При подавляющем большинстве русских там существует 104 национальных поселения, в более половине которых население полностью мононационально. Чрезвычайно высокая криминогенность области, обусловленная наличием большого числа исправительно-трудовых учреждений, сказалась на росте преступности и алкоголизма в среде коренного населения. В 1990-е гг. область занимала первое место в России по смертности в трудоспособном возрасте. Продолжающаяся эксплуатация природных ресурсов в зоне традиционного природопользования разрушает экологический баланс, в частности, обеспечение традиционного пищевого рациона (39).

Большая часть представителей нерусских национальностей утратила родные языки, но с начала 1990-х гг. проявились тенденции их ревитализации. В 1991 г. в 18 школах области родной язык преподавался как предмет в первом и втором классах (шорский, татарский, чувашский) (39).

Несмотря на пестрый этнический состав населения, явных межнациональных конфликтов в регионе не наблюдалось. Причина этого – традиции добросо-

седства, складывавшиеся и поддерживавшиеся в течение нескольких веков между пришлым и аборигенным населением. Однако отмечалась некоторая межнациональная напряженность в регионе, вызванная обстановкой экономического, политического, экологического кризисов, просчетами прежней государственной национальной политики, породившими ряд проблем в развитии языка и культуры малочисленных коренных народов (39).

Одной из форм современных национальных движений стало активное участие населения в восстановлении своих традиционных конфессий. Шаманизм для многих телеутов стал своеобразным символом их традиционной культуры, интерес к которой достаточно велик. Шаманистские представления и обряды устойчиво сохраняются в телеутской среде, уживаясь с православием. Вырос уровень и общемусульманского самосознания. Если несколько лет назад одним из требований национальных движений сибирских татар было признание их самостоятельным народом, отличным от других татар России, то теперь «общетатарское самосознание достаточно уверенно утверждается у всего татарско-мусульманского населения Сибири» (39, с. 9).

В 1990-е гг. в Кемеровской области было создано около десятка национальных ассоциаций и культурных центров, в числе которых и телеутская ассоциация «Эне-Баят». Одним из главных направлений ее деятельности стало требование признания за телеутами официального национального статуса. (После 1926 г. телеуты не значились в списке народов СССР и не фиксировались Всесоюзными переписями, в т.ч. и переписью 1989 г.) В 1991 г. Госкомстат признал телеутов отдельным народом, была проведена всеобщая замена телеутских паспортов, где в графе национальность, вместо «татарин», «шорец», «алтаец», был записан этноним «телеут». Главное требование телеутов и шорцев, зафиксированное в декларациях их съездов, проходивших в феврале 1992 г., – представление им автономии: телеутам в форме национально-территориального района, шорцам – автономного округа (39).

Телеуты и шорцы активно добивались включения их в список малочисленных народов Севера. Экстремальная ситуация, грозившая деэтнизацией, требовала принятия немедленных мер для их защиты. В 2000 г. они были внесены в этот список. Включение телеутов и шорцев в список народов Севера дало им возможность получать реальную помощь от государства (39).

Происходивший в 1990-е гг. процесс возрождения этнической культуры титульного этноса Республики Алтай – **алтайцев** «вылился в формирование стилизованной алтайской культуры» (158, с. 16). В основе этого явления лежало не возрождение собственно традиционной этнической культуры алтайцев, а внедрение ее отдельных элементов, и, в первую очередь, одежды, музыки, праздников, в массовую общероссийскую культуру, которая имеет достаточно широкое распространение на Алтае. Стилизация этнической культуры проявляется во всех областях культурной жизни Республики Алтай (158).

В последние годы экологи стали привлекать этнологов к участию в экспертизах нефтегазовых проектов, осознав, что экология природы тесно взаимосвязана с экологией культуры. Частью последней является традиционная культура малочисленных народов, которая хотя теоретически защищена рядом законов федерального уровня, на практике является совершенно беззащитной перед произволом нефтяных и газовых монополий. Этнокультурные проблемы транспортировки газа рассмотрены в публикациях экспертной оценки этнокультурных проблем пяти возможных коридоров строительства газопровода компанией ТНК-ВР от Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области до границ Китая, проходящие часто по территориям традиционного расселения народов Севера и Сибири. Создававшаяся специфическая ситуация привела к рождению уникального опыта. Уникален он, во-первых, с точки зрения превентивного характера проведенного анализа, во-вторых, – изначального сотрудничества нефтегазодобывающей компании и неправительственных организаций, и, в-третьих, что особенно важно, – особого внимания, продемонстрированного к этнокультурной составляющей исследования (205).

Кавказ

Исследование культуры **шапсугов Причерноморья** и проблемы сохранения их идентичности в XXI в. показало, что в целом и российские власти, и шапсугские национальные лидеры многое делали для сохранения этого, одного из малочисленных народов Кавказа. Значительным негативным фактором для шапсугской культуры стала курортная экономика и влияние курортной жизни на быт и традиции этого народа. Тем не менее, именно эта экономика стала для них единственным способом выживания на протяжении последних десятилетий (213).

Изучение современной этнокультурной ситуации в самопровозглашенной 2 сентября 1991 г. **Нагорно-Карабахской Республике [НКР]** подразумевало выявление тех этнокультурных изменений, которые произошли в жизни карабахских армян за период с начала их движения за независимость (20 февраля 1988 г.), включивший в себя и тяжелые гуманитарные последствия вооруженного конфликта с Азербайджаном (в 1991–1994 гг. – в открытой форме), и многолетнюю (с 1989 г.) блокаду, и распад СССР, и разрыв прежних хозяйственных связей. Эти изменения прослеживаются в социально-демографической структуре карабахских армян, а также в разных сферах их бытовой культуры – хозяйственной деятельности, материальной культуре, структуре семьи, семейной обрядности, духовной культуре. В целом на этнокультурные традиции карабахских армян война повлияла мало, за исключением того, что сейчас народ стал жить беднее и поэтому многие обряды проводятся в сокращенном варианте. Обеспечение в регионе стабильного мира, несомненно, принесут экономическое, культурное и демографическое процветание. Предпосылки для этого уже имеются: наметилось оживление экономики, приостановлена миграция молодежи, сокращается доля однопоколенных се-

мей, состоящих из лиц пожилого возраста, наблюдается тенденция к повышению уровня рождаемости (203, с. 33).

Страны Балтии

Латышский язык в ***Латвии***, являясь родным языком латышей как отдельной этнической группы, с 1992 г., – единственный официальный язык страны, а соответственно, – объект государственной языковой политики, которая направлена прежде всего на его сохранение, развитие, актуализацию и обеспечение конкурентоспособности. Латышский язык представляет собой также важнейший структурный элемент латвийской этнической идентичности. Его положение в государстве (официальное и неофициальное), степень использования отражают процессы не только интеграции и дезинтеграции в латвийском обществе, но и взаимного согласования интересов различных политических групп. Сегодня проблема языка в Латвии – это во многом проблема власти. На повседневном уровне в Латвии сосуществуют несколько языков, только немецкий сменяется все более распространяющимся английским. Это сосуществование обусловлено геополитическим положением страны, а также историческими процессами, в результате которых территория Латвии подпадала под влияние различных государств. С конца 1980-х гг. в стране началось противостояние сторонников Латвии как единого государства с одним государственным языком (латышским) и приверженцев идеи двуобщинного государства – с двумя государственными языками (латышским и русским). Считается, что острота этой проблемы отчасти была преодолена вступлением Латвии в Евросоюз (1992).

Латыши Латгале всегда существенно отличались от латышей других областей Латвии. Они исповедуют католичество (в остальных районах Латвии – лютеранство), говорят в быту на латгальском диалекте (некоторые исследователи считают его самостоятельным языком), имеют специфические черты в материальной и духовной культуре. Этнокультурная специфика латгальцев очевидна, однако большая часть ученых склонна считать латгальцев этнографической группой единого латышского народа. Особенностью этнокультурных процессов в Восточной Латвии является то, что на основе конфессиональной общности сложилась специфическая этнокультурная среда со множеством локальных вариантов. Для местного населения характерно слабо выраженное этническое самосознание, которое часто подменяется либо конфессиональной принадлежностью («католик», «православный»), либо связывается с территорией проживания. Вопрос о самоидентификации латгальцев особенно актуализировался в последние годы в связи с подъемом национальных движений. Специфическая языковая ситуация Латгале, ее этнический состав создают некоторую обособленность этой территории по сравнению с другими областями Латвии. В связи с этим в последние годы поднимается вопрос об образовании здесь административно-территориальной автономии.

В регионе сохраняются спокойные межэтнические отношения, однако существуют довольно обостренные отношения между населением Латгале и республиканским Центром. Многие законы и постановления, принятые парламентом Латвии в последние годы, не учитывали специфических особенностей области. Например, на территории Латгале не может быть реализован в запланированные сроки закон о государственном языке. Слабое владение латышским языком славянскими этническими группами формирует и усиливает русскоязычную среду в Латгале, и тем самым влияет на отток латышского населения из области (21А).

Зарубежный опыт (США и Канада)

Анализ зарубежного опыта в области этнокультурной и социальной политики среди коренных народов Севера показал, что средства к существованию, проблемы автономии и самоуправления, земельных притязаний, права на родной язык и традиционные религии, самосознание и т.д. стали самыми важными вопросами для коренного населения Арктики и представляют огромный интерес для международного научного сообщества. Канада и США имеют достаточно успешный опыт решения проблем коренного населения северных территорий. Однако и здесь, несмотря на ряд принятых законодательных актов и подписание соглашений с аборигенными народами, оставалось еще немало социально-экономических и культурных проблем, решение которых напрямую зависело от успешного диалога между коренными народами и представителями местных и федеральных органов власти и принятия конструктивных решений. Сохранение своей культуры и превращение экстремальных условий существования в резерв развития коренных народов может способствовать сохранению языкового и этнокультурного многообразия в этих странах (179).

Опыт **Канады** в организации новой административной территории Нунавут, где подавляющее большинство населения составляют инуиты показал, что в ходе многолетних переговоров о создании автономии «фактически выпала основная цель инуитских организаций – национальное самоопределение на основе финансовой самостоятельности, т.е. контроль над использованием минеральных ресурсов» (170, с. 31). В результате была создана этническая автономия чисто номинально, без экономического суверенитета всей территории. Это стало следствием не столько осторожности канадского правительства, стремившегося не создавать прецедента образования этнической автономии, (фактически она была создана – эскимосское население здесь составляет 85%), сколько невозможностью нового субъекта федерации освоить ресурсы, а также экономическими интересами государства. «Однако даже частичный контроль над ресурсами своих земель может стать основой и для экономического развития общин, и для полного самоуправления в общественной жизни» (170, с. 31).

Исследование роли политического фактора в национальной консолидации этноса на примере **тлингитов** Северной Америки показало, что их страте-

гия выживания в течение последних ста лет несколько раз менялась. Вначале добиваясь гражданского равноправия, они пытались интегрироваться в американское общество, хотя и с риском полной утери родного языка и традиционной культуры. Затем отстаивая свои земельные права, они стали подчеркивать свою культурную идентичность. Но эта идентичность уже отличалась от традиционной. Создавая свою единую культуру, тлингиты отказались от внутрикультурных различий, уходящих корнями к родовому обществу. В настоящее время у них протекает процесс сложения современной нации, при этом немалую роль в формировании новой культуры играют элементы, привнесенные евроамериканцами. По мнению эксперта, «в этом отношении рассмотренный процесс кое в чем напоминает становление, т.н. ‘социалистических наций’ в СССР» (123, с. 17). Огромную роль в консолидации тлингитской нации играет политический фактор – объединение тлингитов в борьбе за гражданские права и за возвращение своих исконных земель (123).

Мировой опыт показывает большое разнообразие в подходах к самоопределению малочисленных групп коренного населения. Эти подходы варьируют от полной автономии до различных форм самоуправления. Разнообразие форм зависит от конкретных особенностей исторического, социально-экономического, политического, культурного и других факторов развития как самих этих народов, так и государств, в которых они проживают. Однако общего для всех народов решения проблем не существует, поскольку эти факторы, как и в прошлом, будут и в дальнейшем влиять на выбор пути их дальнейшего развития. Широкий спектр типов самоопределения дает возможность малочисленным аборигенным народам выбрать наиболее перспективный для них вариант включения в современное индустриальное общество.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В период социального переустройства общества и возникновения межнациональных конфликтов в России особенно актуальными стали прикладные исследования межэтнических отношений и всего круга вопросов, связанных с этой проблемой, как в местах расселения людей нерусской национальности, так и в русской глубинке. В то же время изучение межнациональных отношений является одним из основных аспектов исследования этногенетических проблем. С этой точки зрения, существенно необходимым становится изучение истории взаимоотношений различных этнических групп, живущих рядом, и взаимоотношений людей различного этнического происхождения, но расселенных не гомогенными этническими группами, а дисперсно. Необходимо ставить и решать такие вопросы, как: 1) история появления и расселения различных этнических групп; 2) хозяйственная деятельность и социальный статус групп и отдельных представителей изучаемых этносов, закономерности в их распределении; 3) межнациональные

браки, их распространенность или ограниченность; 4) сохранение национальной культуры и языка или отказ от них – ассимиляция или диссимиляция; если ассимиляция, то каковы ее приоритеты; 5) роль политических структур (государства, местных органов власти) и СМИ в отношениях между разными этносами; 6) политическая деятельность изучаемых этносов. Исследование этих параметров позволяет прогнозировать дальнейшее развитие межнациональных отношений.

С конца 1980-х гг. под воздействием сложных и неоднозначных изменений в политической и экономической сферах России обострились объективно существовавшие межнациональные противоречия, связанные прежде всего с различиями в уровнях социально-экономического развития регионов. Факторами межнациональной напряженности могут стать и другие процессы, среди которых, в первую очередь, наиболее важные: 1) создание в социально-экономической системе структур, имеющих национальную окраску; 2) монополизация некоторыми национальными группами конкретных сфер деятельности; 3) закрепление за ними как законными, так и незаконными средствами права контроля за развитием локальных экономических связей; 4) увеличивающийся поток беженцев и переселенцев, ведущий в отдельных регионах к переизбытку трудовых ресурсов; 5) определенная направленность деятельности местных национально-культурных центров или эмигрантов из других регионов; 6) возможность манипулирования массовым сознанием; 7) внедрение идей о преимущественном праве владения какой-либо территорией на основании давности заселения (проблема т.н. «коренных» народов) (87, с. 4).

Характер межнациональных отношений на современном этапе, массовые миграции, нарастание процессов дезинтеграции при одновременном стремлении человечества к объединению и стиранию государственных границ требует решения новых проблем, возникающих при различного вида этнического взаимодействия.

В юбилейном выпуске № 200 опубликованы работы В.А. Тишкова, рассматривающие основы теории и практики межнациональных отношений в СССР. В них сделан объективный анализ политических, социально-экономических и этнокультурных факторов межнациональных отношений, корней «этнического возрождения» народов СССР, имевших своим итогом распад СССР (200).

Московский регион

Кардинальные перемены в социально-экономических и этнополитических условиях жизни различных регионов России в постсоветский период были значительно обострены усилившейся миграцией населения. Миграционные потоки, включившие в себя и вынужденных переселенцев, и трудовых мигрантов, существенно расширились, а их направления изменились. Соответственно на первое место вышла проблема адаптации мигрантов на новых местах жительства. Но, как и прежде, особенно привлекательными для приезжих оставались крупные города России. Среди них первое место занимает Москва, которая за послед-

ние годы приняла множество мигрантов из различных регионов бывшего Союза. В связи с их резким наплывом в Москву в городе сложилась непростая атмосфера межэтнических отношений. Ее сложность чувствовали и отмечали обе контактирующие группы: с одной стороны, – принимающее сообщество (преимущественно русские) и с другой – мигранты (преимущественно выходцы из бывших союзных республик и Северного Кавказа) (142).

Многие из прибывших были представителями т.н. титульных наций стран СНГ, которые влились в московские национальные диаспоры. Особенно заметно шло пополнение азербайджанской, армянской и грузинской групп населения. Однако, судя по данным переписей, доминирующая роль русских в населении города, сохранялась, а национальный состав населения Москвы менялся мало. Согласно материалам Всероссийской микропереписи 1994 г., доля русских в ней составляла 90,5% (111).

В представлениях молодых русских москвичей об инокультурных мигрантах была заметна интолерантная эмоциональность. Формирование этнических стереотипов, относившихся к инокультурным мигрантам, и, в первую очередь, кавказцам, было основано у большей части опрошенных на таких негативных эмоциях, как страх, возмущение, настороженность, обида, несогласие, неаргументированное отрицание их в целом. Они, по мнению респондентов, нарушали многие устоявшиеся порядки в городе: «жили без прописки, иногда на вокзалах, везли с собою болезни, плохо относились к русским женщинам, ухудшали криминальную обстановку, отбирали у русских рабочие места и т.д.» (111, с. 21). Негативные качества, присущие иногда отдельным лицам другой национальности, переносились, как правило, на всех представителей данного этноса. В то же время исследования русско-армянского межкультурного взаимодействия в Москве в начале 2003 г. характеризовалось как терпимое «с признаками психологической напряженности» с обеих сторон» (111; 164, с. 22).

В то же время сравнительный анализ этнических стереотипов русских мужчин и женщин, представленных в самооценках и оценках русских и представителей этнических меньшинств показал доброжелательный настрой мигрантов к принимающему этносу. Раздражение, вызванное другой стороной, было результатом не столько незнанием исторического прошлого и отличий в образе жизни, сколько разницей в вероисповедании. Межэтнический дискомфорт каждой из этих групп объяснялся разными психологическими моментами: русские москвичи воспринимали Москву как свою национально-историческую ценность, инокультурные мигранты воспринимали ее только как новое место своей жизни и работы. Исследователями отмечалось, что к началу 2000-х гг. русские в Москве еще не проявляли стремления к этнополитической мобилизации и интеграции (142).

Однако проблема инокультурных мигрантов в российской столице (как и во многих мегаполисах мира) не решалась, а усугублялась. Для разрешения про-

блем их адаптации и налаживания межкультурного диалога стало необходимым привлечь этнологов и этнопсихологов, связанных с изучением формирования установок на конфликтность или толерантность в межэтнических отношениях. Важна в такой ситуации также деятельность школ и городских СМИ, способных прививать позитивные установки по отношению к представителям разных этносов, показывать сходство и объяснять различия между разными народами (111).

О том, ждут или не ждут инокультурных мигрантов в российской столице дают представление, в частности, материалы московских СМИ, являющихся в значительной степени рупором московских органов управления. Влияя на массовое сознание москвичей, они формируют этнопсихологическую ситуацию, в которой приходится существовать прибывшим в Москву людям, оказывающимся здесь в положении национальных меньшинств (115, 201).

Другие регионы России

Усиление социальной стратификации населения стало одним из наиболее значимых результатов реформ. Особую актуальность этот феномен приобрел в полиэтничных регионах, где усиление социального расслоения и его трансформация стали зачастую восприниматься местным населением сквозь призму межэтнических взаимоотношений, серьезно усложняя последние и провоцируя перерастание социальной напряженности в межэтническую. Наибольшую сложность процессы подобного рода приобретают тогда, когда в качестве одной из сторон выступают представители этнического большинства населения государства. Роль этнического фактора в социальной стратификации, понимаемой как разделение на социально-профессиональные группы, исследована в полиэтничной сельской местности **Закавказья, Сибири и Урала** (107).

Экономические реформы начала 1990-х гг. ознаменовались «своего рода необратимой инверсией в относительном положении и в реальном благосостоянии ряда социально-профессиональных групп сельского населения. ...в полиэтничных районах именно среди русских была относительно выше доля лиц, чья ...работа оказалась в новых условиях низко- и нерегулярно оплачиваемой, либо вовсе ненужной» (107, с. 18). Автор резюмировал, что отмеченное в ряде районов Приуралья и Бурятии низкое участие русских в организации фермерских хозяйств «может привести к формированию социального противостояния фермеров с другими сельскими жителями, которое способно приобрести черты межэтнических трений» (107, с. 18).

Своеобразие межэтнических отношений в **Краснодарском крае** обусловлено рядом факторов, среди которых относительно высокая плотность населения, влекущая дефицит ресурсов, а, с другой стороны, – относительная трудоизбыточность региона, высокая (по сравнению с другими регионами РФ) этническая мозаичность населения, значительный объем сезонных и временных миграций (в частности, обусловленный наличием курортной зоны), близость политически не-

стабильных регионов (Закавказье), оседание на территории края значительных групп переселенцев и беженцев из республик Закавказья и Средней Азии (17А).

Негативная реакция общественного сознания на появление беженцев в 1990-е гг., создавала угрозу конфликтов и нарушений общественного порядка, развивалась и проявлялась в опасном русле противопоставления т.н. «коренного» и «некоренного» населения, особенно когда это касалось признания приоритета интересов и прав первых. В Краснодарском крае это вылилось в движение за возрождение казачества и предоставление ему особого статуса. Прямые или косвенные выступления представителей власти в поддержку тезиса о «приоритете интересов коренных национальностей», демонстративное отношение к беженцам как к потенциально криминогенной прослойке, прямое или косвенное объяснение социальных трудностей присутствием беженцев, косвенное поощрение «народного волеизъявления» в пользу репрессивных действий против мигрантов – все это многократно увеличивало возможность возникновения конфликтов. С другой стороны, своевременная разъяснительная работа среди населения, направленная на разрушение сложившихся стереотипов, способствовала снятию напряжения (17А).

Многонациональная **Калмыкия** оставалась одним из немногих южных регионов, где межнациональные отношения воспринимались и разрешались в категориях мирного времени. Республиканская пресса и публицистика целенаправленно, достаточно настойчиво и небезуспешно воздействовала на общественное сознание, формируя образ Калмыкии как относительно благополучного, с точки зрения национального вопроса, региона в мире нестабильности. Руководство республики и интеллектуальная элита предпринимали шаги для ликвидации не только очагов, но самих поводов для напряженности. При Верховном Совете была создана Постоянная комиссия по национальной политике, межнациональным отношениям и свободе совести. В качестве принципа государственной политики была реализована идея, что субъектом, равно как и объектом государственной региональной, в т.ч. и национальной, политики является не только и не столько калмыцкий народ, сколько народы Калмыкии, составляющие жизнеспособный организм. Однако возрастание роли национального фактора на фоне коренной ломки социально-экономических и политических отношений неизмеримо усложняли процесс регулирования сверху (34А).

На межнациональные отношения в полиэтничных регионах России активно влияла деятельность национальных организаций (движений, партий). Суть их действий в конечном итоге сводилась к стремлению перераспределить в свою пользу властные полномочия, реально влиявшие на жизнь людей, с целью более «полного» или «справедливого» удовлетворения «национальных интересов» соответствующих этнических групп. В обследованных районах **Пермской области**, в частности, заметное влияние имел Татаро-Башкирский общественный центр [ТБОЦ], одновременно выполнявший функции политического национального движения и национально-культурного общества (81).

Исследование факторов формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных р-нов Пермской области в середине 1990-х гг. показало, что в многонациональных районах необходимо постоянно иметь в виду, что урегулировать межэтнический конфликт неизмеримо сложнее, чем социальный. Межэтнический конфликт намного легче и быстрее приводит к прямым столкновениям и насилию, а вероятность перерастания социальных противоречий в межэтнические тем ниже, чем меньше совпадений между этническими и социально-профессиональными и прочими подобными размежеваниями в полиэтническом обществе (81).

При всей противоречивости ситуации в отношениях между русскими, татарами и башкирами, в **Республике Башкортостан [РБ]** к началу 2000-х гг. сохранялась достаточно высокая степень межэтнического взаимодействия. Реальными формами проявления толерантности были межэтнические браки, распространение двуязычия, в ряде случаев – двойной самоидентификации, взаимопроникновение отдельных черт культур (в пище, в праздниках, обрядах гостеприимства и т.д.). Однако и в Башкортостане существовал и определенный конфликтогенный потенциал. Ряд факторов, преимущественно этнополитического характера, способствовал развитию интолерантности в межэтническом общении. Языковой фактор проявлялся в повсеместном внедрении башкирского языка без учета специфики этнического состава республики, в существовании т.н. «проблемы северо-западных башкир», которая, по сути, искусственно разделяет башкирский этнос и способствует обострению татаро-башкирских противоречий. Еще один конфликтогенный фактор заключался в некоторых тенденциях этносоциальной сферы: приоритет, «отдаваемый при приеме в вузы лицам титульной национальности, вытеснение с административных должностей небашкир» и т.д. Опасность развития интолерантных настроений крылась и «в весьма существенной ‘башкиризации’ политической элиты, развитии клановых и территориально-земляческих связей. Незнание культур своего и соседних народов усугубляло тенденцию интолерантности» (153, с. 23).

Кризисная ситуация во всех сферах общественной жизни и рост национального самосознания в стране повлияли на развитие межнациональных отношений в **Чукотском автономном округе [ЧАО]**. Взаимоотношения между приезжим и коренным населением всегда были благоприятными, и все-таки некоторая напряженность в межнациональных отношениях появилась и здесь. В основном это происходит на бытовом уровне и вызывается невысоким уровнем культуры приезжего населения, его этнографической безграмотностью. Кроме того, оно подпитывалось численным преобладанием приезжих, непродуманной кадровой политикой. Однако большое число смешанных браков свидетельствует о том, что между коренным и некоренным населением не существует психологических барьеров, что было особенно характерно для урбанизированных центров.

По мнению исследователя, создание особых местных органов, представлявших интересы коренных жителей, а также деятельность отделений национальных ассоциаций, которые занимались бы развитием национальной культуры, традиционных промыслов и вопросами экологии, могло бы помочь разрешить эту проблему (16А).

СНГ

В Средней Азии и Казахстане этнический фактор в трудовой сфере имел конфликтогенные черты еще в советский период, а «проблема русских» носила латентный характер. Местное население традиционно занималось сельским хозяйством, кроме того, оно освоило сферы управления, просвещения и здравоохранения, законодательства, а в постперестроечное время – и торгово-коммерческую сферу, легкую промышленность и сервис. Русские же к 1990-м гг. составляли бóльшую часть работников тяжелой промышленности и производственно-технической интеллигенции. Несмотря на интенсивные межэтнические контакты и высокий уровень языковой русификации, в этом регионе русское и титульное население сохраняли между собой значительную культурную дистанцию и в целом представляли достаточно изолированные друг от друга сообщества. Смешанные браки между русскими и представителями титульных национальностей оставались редким явлением. Усиление в ряде государств Средней Азии ислама, в т.ч. в сфере воспитания, бытовой культуры, искусстве, еще более осложнило жизнь и деятельность русской творческой интеллигенции. Проблема трудовой занятости русской молодежи, ее образовательной и профессиональной подготовки стала неразрешимой.

Бурный рост национализма в среде представителей титульных групп населения осложнялся внутренними кланово-региональными противоречиями. Общей чертой общественного климата стала проекция прошлых несправедливостей, исходивших из Центра, на русских. А после обретения государственной независимости ухудшающаяся экономическая ситуация и политическая нестабильность чаще всего связывались с наследием тоталитарного прошлого и нынешними действиями России, что продолжало питать антирусские настроения (51).

Напряженность в межнациональных отношениях, сложившаяся в **Уральской области Казахстана** к началу 1990-х гг., основывалась на недовольстве русского населения некоторыми статьями закона о языках Казахской ССР (1989 г.), а также непропорциональным представительством русских и казахов в органах государственного управления. Усугубляли эту напряженность: 1) предполагаемый выход Казахстана из состава СССР, который ассоциировался с будущим суверенитетом республики; 2) лозунги и программы некоторых общественных движений в среднеазиатском регионе, подчеркивавшие доминирование интересов «коренной» нации; 3) массовые миграции русского населения из республик Средней Азии из-за межнациональных конфликтов; 4) отсутствие надежных

механизмов защиты в случае будущего конфликта; 5) недостаточное развитие процессов демократизации в республике (11А).

Однако факторы социально-экономического порядка (относительная стабильность экономики города, сравнительно высокая обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами, отсутствие безработицы и др.), а также традиции дружбы и уважения, исторически сложившиеся между народами области, стремление сохранить дружеские отношения, решать свои проблемы мирным путем, характерные для общественного настроения и поведения подавляющего большинства людей, помогли предотвратить эскалацию конфликта (11А).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в **Узбекистане** также образовался своеобразный социальный «водораздел» между узбеками и «некоренным» (главным образом русскоязычным) населением. Это отчуждение было обусловлено и объективными различиями в культуре, религии, языках, и сформировавшимися отличиями в социальных характеристиках. На состояние национальных отношений в городах Узбекистана в немалой степени влияло то обстоятельство, что значительная часть русскоязычного населения – сравнительно недавние мигранты. Социальные процессы в среде «некоренного» населения и межнациональные отношения во многом зависели от политики, проводимой властями республики (20А).

Наиболее заметными составляющими процесса «узбекизации» стали: расширение сферы применения узбекского языка, религиозное возрождение, массовое изучение арабского алфавита и арабского языка, постепенное вытеснение неузбеков из престижных и доходных сфер занятости и управления. С октября 1989 г. продолжалось быстрое претворение в жизнь закона о государственном языке. Основными «поставщиками националистических идей» были представители т.н. «национальной интеллигенции», а также управленческих структур разного уровня. Русскоязычное население, не включенное в общинно-родственные традиционные структуры, ощущало свою социальную незащищенность и относилось к переменам достаточно болезненно (20А).

В период с 1988 до конца 1990 г. межэтнические отношения в республике отличались большой напряженностью, националистические идеи высказывались вполне открыто. В отдельные периоды настроение «европейского» населения некоторых городов характеризовалось как паническое, особенно во время Ферганских событий лета 1989 г. и после беспорядков в Андижане 2 мая 1990 г., сопровождавшихся погромом еврейского и армянского населения. После ноября 1990 г. ситуация во многом изменилась. Руководство Узбекистана продемонстрировало свою готовность проявить заботу о русскоязычном населении, в частности, о защите его прав. С другой стороны, мероприятия руководства в экономике привели к снижению социальной напряженности и общественно-политической активности населения, что благоприятно сказалось на состоянии межэтнических отношений (20А).

Зарубежная Европа

Анализ межэтнических отношений невозможен без изучения этнических стереотипов. Каждый этнос в процессе своей жизнедеятельности на определенной территории в конкретных социально-экономических и исторических условиях вырабатывает свой, присущий только ему, стереотип поведения. В разных этнических культурах одним и тем же действиям может придаваться различное содержание, и наоборот, – одно и то же содержание может выражаться по-разному. Одновременно представление о другой этнической группе складывается исторически в процессе реальных взаимоотношений между двумя этносами. Стереотипные представления формируются при попытке интерпретировать поведение представителя другого этноса. И то и другое обычно обусловлено особенностями культур взаимодействующих персон (164, 206).

Так, например, в самовосприятии **поляков** и восприятии их русскими постепенно проявляется сближение, тенденция ухода от традиционного и исторического противопоставления в восприятии «себя» и «других». Исследование показало, что поляки оценивали себя более критично и беспристрастно, между тем как русские были более склонны находить в них хорошие черты и преодолевать отрицательные стереотипы. По мнению автора, эти две модели восприятия не подразумевают их равнозначность и не противоречат более традиционным – конфронтационным образцам. Просматривалась тенденция к сближению этих двух моделей восприятия в целом, которая проявлялась главным образом в интеллектуальных кругах (206, с. 27).

Процесс глобализации привел в действие два механизма: центристский (объединяющий людей, делающий их похожими) и центробежный (разъединяющий людей, приводящий к противопоставлению). К сожалению, «центробежный процесс начал преобладать и в российской школе» (172, с. 3). Именно это обстоятельство предопределило потребность в развитии межкультурного образования как наиболее эффективной на сегодняшний день возможности осознания общечеловеческих ценностей. Поликультурное образование «несет в себе большую воспитательную функцию, в частности, влияет на формирование типа этнической идентичности, которая не является врожденной, а складывается у ребенка в ходе социализации» (172, с. 6). В нем большое внимание уделяется адаптации этнически и культурно отличающихся мигрантов и их детей, решаются проблемы мультикультурного образования, ориентированного на язык, культуру и этническую идентичность, и направленного на гармонизацию межнациональных отношений. Воспитание детей в этом духе требует участия не только школы, но и всего общества (172, с. 5).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

В СССР со второй половины 1980-х гг. в результате этнополитической мобилизации заметным социально-политическим явлением стали национальные движения (национально-культурные, национально-политические, религиозные). Заметно усилилось влияние в общественной жизни идеологий национализма, традиционализма, религиозного фундаментализма, сепаратизма и т.п., что привело местами к возникновению локальных межэтнических конфликтов.

Вследствие интенсификации модернизационных и урбанизационных процессов и связанным с этим ростом образовательно-культурного уровня граждан возросла и их политическая активность. У большей части населения появились новые потребности в области культуры, в т.ч. связанные с их этнонациональными основами. Сформировалось множество разновидностей национальных движений, в т.ч. возрождения нации, сепаратизма, ирредентизма (политика или движение по объединению этноса в рамках единого государства), фундаментализма и т.п.

Резкому росту гражданской активности на этнической или религиозной почве в конце XX в. способствовали усиление миграционных процессов и формирование крупных групп меньшинств в прежде мононациональных регионах, и либерализация международной правовой практики (различные трактовки прав человека и положения этнических, культурных и других меньшинств, обязанность правительств оказывать им всемерное содействие). Таким образом, национальные движения можно трактовать как одну из форм социального бытия с присущими только ей определенными функциями.

Регионы России

Финно-угорская проблема. Многие зарубежные аналитические центры в ходе исследований этнополитических процессов в России все чаще стали обращать свое внимание на финно-угорские народы. Финно-угорское движение, зародившееся как забота о сохранении языков, к началу 1990-х гг. заявило о себе как достаточно организованное национальное движение с чертами ирредентизма. Венгерский ученый А. Барта в лекции, прочитанной в летнем университете «Хунгарология», отметил, что «К идее финно-угорского первородства пока более привержена интеллигенция, нам же необходимо духом соплеменности зарядить и народы»¹¹¹.

Со временем острота националистической направляющей этого движения в России несколько притупилась, оно вошло в цивилизованные рамки этнического возрождения народов этой группы. Работает Консультативный комитет, исполняющий решения Всемирных конгрессов финно-угорских народов, проводятся финно-угорские художественные и фольклорные фестивали, организуются детские лагеря, летние университеты и школы, создается единое информационное пространство между финно-угорскими регионами России и финно-угорскими госу-

дарствами, продолжается тесное сотрудничество со странами финно-угорского мира. Однако «финно-угорская карта» (проблема якобы «насильственной ассимиляции» и «русификации» финно-угорских народов) остается важным средством внешнеполитического давления Совета Европы на Россию. Х. Хаутала, будучи председателем подкомитета по правам человека в Европарламенте неоднократно подвергала жесткой критике правительство РФ и власти финно-угорских регионов, не заботящиеся, по ее мнению, о сохранении коренных этносов уральской языковой семьи¹¹².

Однако существуют внешние силы, которые пытаются вмешиваться в проводимую в РФ федеральную и региональную этнонациональную политику. Одной из таких попыток стало стремление политических кругов ряда европейских стран и Парламентской ассамблеи Совета Европы [ПАСЕ] оказать прямое воздействие на политическое руководство Российской Федерации под предлогом защиты прав финно-угорских народов с целью поддержания негативного образа России в отношении ее политики, связанной с этническими меньшинствами (196, с. 3).

Критический анализ доклада специального представителя Совета Европы Катрин Сакс, подготовленный в рамках мониторинга ситуации с **финно-угорскими меньшинствами** в России, раскрыл политизированную антирусскую основу конструирования т.н. «финно-угорской проблемы». Инициирован этот вопрос был политиками из Эстонии, Венгрии и Финляндии вместе с националистическими общественными деятелями из российских республик. Критики российской политики манипулировали устаревшими и антидемократическими подходами к самой проблеме культурного разнообразия и искаженными данными о демографическом, социальном и политическом положении финно-угорского населения страны. Основной тезис о «вымирании» этих народов и их культур игнорирует позитивные изменения постсоветского периода. Все это дало основание авторам ответа назвать отчет Сакс частью политики, а не науки (196, с. 23).

Наоборот, «опыт России по части сохранения, развития и изучения финно-угорских языков и культур во многом мог бы быть примером для остального мира» (196, с. 24). Он демонстрирует способность государства и общества признавать и уважать этническое многообразие, а представителям разных культур – сохранять свою идентичность и быть частью единого государственного сообщества под названием «российский народ» (196).

Разумеется, что в развитии финно-угорских народов России остаются еще нерешенные проблемы. Наиболее актуальная из них – сохранение этничности, культурной специфики. Но эти проблемы актуальны и для финно-угорских меньшинств во многих европейских странах. В Латвии – это ливы, в Эстонии – сету, которые заявляют о том, что они являются особой культурной общностью, и что власти страны не идут навстречу их требованиям. (В программу переписи населения 2000 г. даже не был внесен этноним «сету», хотя по переписи 1934 г. их

было зафиксировано более 14 тыс.) В Финляндии и Швеции это – проблема кве-нов, которые считают, что их статус не создает им условий для сохранения своей культурной специфики, и требуют, чтобы их уравнили в правах с саамами. Саамы в Швеции, Норвегии и Финляндии, несмотря на то, что имеют довольно четкий статус и особые права, регулярно выдвигают претензии в адрес центральных властей. Не все эти претензии оправданы, но совершенно очевидно, что во всех названных странах не достигнут полный консенсус между интересами большинства и меньшинств. Для сохранения этничности меньшинств нужны специальные меры поддержки, но они должны быть такими, чтобы не нарушить принципа культурной свободы и политического равенства. Здесь вряд ли возможны универсальные рецепты, а потому более эффективной и научно обоснованной должна стать не только государственная этнонациональная политика в целом, но и региональная. «Для выработки такой политики и ее совершенствования необходимо критически обобщать и использовать весь опыт взаимодействия государств и этнических сообществ, который накоплен в мире» (183, с. 53).

Ценностная система, присущая национальным движениям России, включает национальную идентичность, которая в свою очередь тесно связана с проблемой национально-культурного возрождения. На начало 1990-х гг. идея возрождения национальной культуры (и в первую очередь – национального языка) как условия укрепления или возрождения национальной идентичности была характерна для большинства народов РФ¹³. Национально-культурное возрождение может стать и базовой предпосылкой национализма – идеологии, имеющей целью создание и укрепление национального государства как средства сохранения народа и его культуры, и этнонационализма, крайними формами которого являются шовинизм и ксенофобия, идеи о превосходстве одной национальности над остальными. Иногда стремление к созданию национальной государственности на территории исторического проживания проявляется у т.н. «коренных» народов.

При помощи контент-анализа газетных публикаций за 1995 г. изучалось влияние СМИ на формирование этнических, республиканских и общероссийской идентичностей в новых социально-политических условиях в четырех республиках России: **Татарстане, Саха (Якутии), Туве и Северной Осетии**. Поборники суверенизации интенсивно формировали в среде титульных этносов республик идеи о различных аспектах процесса «возрождения» с целью создания новых идентичностей и отношений в области межнациональных отношений у населения республик. Идеологи стремились актуализировать и сакрализировать в массовом сознании такие общественные ценности, как «наш суверенитет», «наша государственность», «наша новая республиканская конституция», «наше законодательство», «наши символы» и др. Неясные и разноречивые интерпретации местными идеологами самого понятия «суверенитет» подогревали чувство «национально-республиканского недовольства» против

России. Национальное возрождение в то время понималось национально-республиканскими элитами прежде всего, как «нейтрализация федерального и русского влияния на республиканскую жизнь путем определенного социально-экономического и культурного сдерживания...» (103, с. 15). Для достижения этих целей использовались новые этнические авто-(гетеро-) стереотипы и мифы, созданные в каждой из исследованных республик, а также новые общенациональные идеи и цели, направленные на сохранение и возрождение соответствующих титульных этносов (103).

Рост национального самосознания среди **сибирских татар** приобрел характер национального движения с целью их возрождения. Однако нерешенность проблем их этногенеза и различные подходы в определении их будущего затрудняли развитие движения. В данном случае этнокультурные и политические проблемы возрождения народа высвечивают и роль научной элиты в развитии этнической идентичности. Так, часть ученых считала сибирских татар ветвью единого татарского этноса, не отличая от поволжских и других групп российский татар, другие – самостоятельным этносом. В дискуссиях на эту тему активизировалось общественное мнение, политические силы, актуализировалось национальное самосознание (92).

Северный Кавказ. Другой тип национального движения был характерен для некоторых регионов Северного Кавказа. Сепаратизм – политика и практика обособления, отделения части территории государства с целью создания нового независимого государства или получения статуса широкой автономии. Сепаратизм ведет к нарушению суверенитета, единства и территориальной целостности государства, принципа нерушимости границ и может стать источником межгосударственных и межнациональных конфликтов. Очень часто причины сепаратизма связаны с нарушением прав человека и народов, национальных, расовых и религиозных меньшинств. Среди всех социальных и национальных конфликтов сепаратизм, несомненно, занимает особое место. И не столько общим деструктивным характером конечных результатов, к которым он приводит (распад государства, разрыв традиционных, зачастую естественно возникших экономических, политических, культурных и иных связей, и как результат – обвал этих сфер жизни, долгая духовная, нравственная деградация населения, криминализация жизни и др.). Для настоящего времени весьма важен исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе (135, 146).

На рубеже XIX–XX вв. часть Северного Кавказа продолжала оставаться зоной межконфессиональных трений, с ослабленным, но традиционным тяготением к Востоку. Вместе с тем, он превратился в составную часть российского геополитического пространства. Эта интеграция охватила значительную часть населения, но не была завершена. Ряд горских сообществ, по мнению автора исследования, по-прежнему сохранял предрасположенность к сепаратизму, и иногда,

при отсутствии продуманных мер властей, намечалась тенденция расширения границ этого явления. Для сепаратизма, который наблюдался в прошлом, были характерны этническая чистка некоторых территорий и террористические методы достижения изоляции (146, 147).

Особенности чеченского сепаратизма были основаны на том, что в период своего зарождения у него не было базы в виде развитой националистической традиции, не были сформулированы ни идеологическая платформа, ни программа деятельности. Национализм как идеология насаждался в Чечне искусственно – он не имел корней в духовной жизни предшествующих десятилетий. Лидеры чеченского сепаратизма и их идеологические программы не были связаны с культурными традициями чеченского народа. Идея 400-летнего конфликта между Чечней и Россией, выдвинутая сторонниками Дудаева, не имела оснований, это была обычная пропагандистская конструкция (135).

Другие характерные особенности чеченского сепаратизма в том, что он находился под сильным влиянием лидеров сепаратистов и обрел социальную почву. Высокий уровень безработицы и распад СССР отняли все источники к существованию у абсолютного большинства населения Чечни и стали мощным фактором изоляционизма и сепаратизма в республике (135).

Страны Балтии

На основе конкретных мероприятий рассмотрен опыт возрождения почти исчезнувшего народа Латвии – **ливов**, небольшой финно-угорской этнической группы. По официальной статистике в Латвии числится всего 189 ливов, по неофициальной – около 1000 чел., имеющих ливские корни. С X в. н.э. ливы населяли центральную и северную части Видземе и Курземе на севере Латвии, их культура сочетала в себе черты финно-угорских и балтийских традиций. В 1988 г. был реконструирован «Ливский союз» – первая организация ливов, которая существовала с 1923 до 1940 гг. В 1991 г. была создана культурная и историческая территория, особо охраняемая государством, – «Ливский берег». В 1994 г. было создано «Ливское культурное общество». Создание ливами фольклорных коллективов стало важной частью возрождения народа. В настоящее время существуют языковые курсы, регулярно проводятся народные гуляния, издаются журналы и газеты на ливском языке. Некоторые известные поэты и художники Латвии приняли участие в движении по возрождению культуры ливов (143).

Крым (Украина)

Исследование крымско-татарского национального движения в 1991–1993 гг. показало, что процесс репатриации крымских татар из стран СНГ к этому времени уже завершился, и центр тяжести в деятельности движения переместился с проблем возвращения народа на проблемы его обустройства, социальной адаптации, культурного возрождения и обеспечения гражданских прав на историче-

ской родине. Среди этих прав важнейшим они считали «право на самоопределение», на «свою» национальную государственность, на политическое представительство в местных органах власти. Однако конечная цель – не совершенствование нынешней «территориальной автономии», а ее демонтаж и формирование крымскотатарской государственности. Это новое государство должно стать «национальным» крымскотатарским государством – с татарским государственным языком, с лидирующей ролью крымских татар во всех сферах власти, политической деятельности и культуры. Планировалось возвращение в Крым не только всех крымских татар – изгнанников 1944 г. и их потомков, но и наследников прежних волн вынужденных крымскотатарских эмигрантов в Турцию (57).

К концу 1990-х гг. социальная база национального движения, его стратегия, тактика и расстановка сил сильно изменились. В тактике произошел переход от конфронтации к конструктивному диалогу с новыми властями Украины и Автономной республики Крым. Руководство движения отказалось от идей выступать в качестве представителя всей многомиллионной зарубежной диаспоры и настаивать на возвращении в Крым всех потомков крымских татар. Но главные изменения произошли в самом Крыму в связи с социальным расслоением крымско-татарского населения (101).

В 1997 г. крымско-татарское национальное движение оказалось под угрозой раскола. Основой конфликта стали борьба за власть и разногласия по вопросам тактики и стратегии. Политический курс председателя Меджлиса М. Джемилева был направлен на социальную и политическую интеграцию крымско-татарских репатриантов в гражданское общество Украины, на конструктивный диалог с официальным Киевом, легализацию и легитимацию национального движения, финансово-хозяйственное обеспечение политических требований, восстановление и защиту своих прав. Стремление оппозиции к уничтожению одного из инструментов национального движения – банка «Имдат» означало возвращение движения в положение диссидента, лишало его собственной финансовой базы. Столкновение различных подходов и острая политическая борьба, в которую были вовлечены все крымско-татарские партии, мусульманские общины, национальная пресса и большая часть населения, на данном этапе было завершено поражением оппозиции (113).

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Этническим конфликтом называется любая форма гражданского противостояния, при котором одна из конфликтующих сторон мобилизуется по этническим признакам или от имени какой-либо этнической общности, т.е. межэтнический конфликт это – специфическое проявление социального в национальном. Этнические конфликты чаще всего вспыхивают, когда в стране резко ухудшается социально-экономическое положение или наступает политическая нестабильность.

Как и большая часть прикладных проблем, изучение межэтнических конфликтов носит междисциплинарный характер. Задачи прикладной этноконфликтологии – изучение конкретных проявлений этнического противостояния с целью прогнозирования ситуации и предупреждения конфликтов, выработки механизмов и технологии их урегулирования.

Исследования этого феномена предполагают, прежде всего, изучение их предпосылок и сущности, причин возникновения (политических, исторических, экономических, идеологических), временной и географической динамики, целей (реальных, декларативных или мифических). Кроме того, выявляются типы, стадии и фазы развития межэтнических конфликтов, роль в них национальной элиты, обращается внимание на специфические особенности и действующие силы каждого конкретного конфликта. Типы межэтнических конфликтов выделяются по содержанию решаемых проблем: этносоциальных, этнополитических, собственно этнических.

Подвергаются анализу социально-экономические факторы и социальное самочувствие общества, стратегия поведения самих этнических обществ и их лидеров. Исследования вскрывают субъективные (иррациональное проявление групповой психики, идеологию национал-экстремизма, политическую деятельность) и объективные (социально-экономические, культурно-языковые, миграционные процессы, исторические счеты и территориальные претензии, экологические, конфессиональные, информационные и статусные) основы возникновения межэтнического конфликта, а также «внутреннее» и «внешнее» управление им.

Перспективной методологической основой в изучении межнациональных конфликтов является социокультурный подход. Суть процесса становления национального самосознания, прогнозирование возможного роста национального экстремизма, связаны с социокультурной спецификой, степенью модернизации сообщества, уровнем развития в нем политической культуры. Поэтому для анализа условий, средств и целей, выбираемых национальным движением, необходимо учитывать вышеизложенные факторы. Это позволяет также предвидеть возможные степени его конфликтности, понять насколько реалистичны его цели. Все это необходимо для разработки долговременных стратегий в преодолении этнических конфликтов. Для большей эффективности национальной политики ее разработка должна быть более дифференцирована и детализирована, что предполагает тщательный анализ многочисленных параметров изучаемой этнонациональной группы (85).

В 1990-е гг. этнические проблемы сводились в основном к этническим конфликтам, т.е. конфликт изначально рассматривался как взаимодействие определенных социальных единиц, выделяемых или формирующихся по этническому признаку. Часто термины «конфликтность» или «конфликт» заменялись близкими по значению словами, такими как «напряженность», «противоречия» или про-

сто «межэтнические отношения». Появление в дискуссионном поле иных, помимо собственно конфликтных, тем (федеративное и административное устройство, защита аборигенов) обычно обосновывалось и оправдывалось задачей «предотвращения конфликтов» или «улучшения межнациональных отношений». Другие аспекты – этническая дискриминация и ее предотвращение, преступления по мотивам этнической ненависти, защита меньшинств, проблема стереотипизации этнических групп в средствах массовой информации, этническое/культурное измерение социального неравенства – рассматриваются недостаточно (155).

Обращено внимание на межэтнический конфликт как на средство манипулирования социальной напряженностью. Однако этнический конфликт «должен рассматриваться как процесс и продукт социального конструирования» (155, с. 5). Нет «чистого» конфликта, который был бы чем-то внешним и объективно данным для людей, которые в нем участвуют. Политическое манипулирование – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание их воли. Кризис в Чеченской Республике показал, как можно использовать людей для целей, о которых им самим ничего не известно вследствие крайних форм идеологического воздействия на народные массы с момента прихода к власти генерала Д. Дудаева (155, 219).

Северный Кавказ

176-й специальный выпуск серии содержит статьи признанных специалистов по конфликтам на Кавказе (В. Пастухов, В. Тишков, Дж. Рассел, Т. Хопманн, С. Шенфилд). Суть дискуссии заключалась в оценке ситуации в Чечне после трагедии в Беслане. Были даны различные точки зрения на возможные пути борьбы с терроризмом и поддержания стабильности в регионе (176).

В октябре 1991 г. Чеченская Республика объявила о своей независимости и фактически вышла из-под политического контроля Москвы. С каждым днем ситуация в республике все больше осложнялась. И через два года, в 1994 г., на ее территории началась военная операция. Боевые действия продолжались до 1996 г., однако с их прекращением ситуация не стабилизировалась ни в республике, ни вокруг нее (193).

Комментарий В.А. Тишкова содержит подробный анализ взаимоотношений Запада и России по поводу конфликта в Чечне, где уже начался трудный процесс ревитализации. В республике была принята новая конституция, написанная чеченскими политиками, дважды прошли выборы президентов Чечни, была восстановлена система местных органов власти (176).

Отказ западных экспертов и политиков от участия в мониторинге последних двух выборов в Чечне означал лишь нежелание признавать окончание войны и установление легитимной власти в этом регионе. Запад «желал, чтобы в Чечне был избран и правил политик, которого не поддерживает Москва» (176, с. 25).

Эта позиция давняя и последовательная. Отказ зарубежных государств и международных организаций оказать реальную помощь населению Чечни был продиктован той же самой позицией – не допустить стабилизации и восстановления разрушенного войной региона. За этим стояли разные мотивы, в т.ч. нежелание признавать провал проекта дезинтеграции России через сецессию Чечни и стремление препятствовать России добиваться позитивных результатов во внутренней и внешней политике. Фактически все западное экспертное сообщество и политический истеблишмент желало и активно поддерживало вариант полной независимости Чечни. Исключение составлял только самый высокий официальный уровень, на котором заявления в пользу независимости не позволяли международно-правовые нормы (176).

Особую роль в чеченской трагедии сыграли зарубежные и отечественные масс-медиа. Чтобы поддерживать аргумент о геноциде чеченского народа, западная телевизионная картинка показывала исключительно разрушенный Грозный, поддерживался образ тотального разрушения и насилия, а комментаторы и политики использовали лживые сведения о потерях населения в ходе войны. Однако западные эксперты «не заметили» данные переписи населения России 2002 г., в т.ч. в Чечне. Число чеченцев в России после 1989 г. выросло на 151% (176, с. 28). Несмотря на большие жертвы и страдания представителей этой национальности в ходе конфликта, фактических оснований для обвинения в «уничтожении народа» не было. Покинувшие Чечню чеченцы предпочли уехать не в Грузию, Азербайджан, Украину или Турцию, куда путь был для них открыт, а в другие регионы своей собственной страны, включая прежде всего столицу (176).

Современное право населения Чечни на самоопределение было реализовано при образовании Российской Федерации, в состав которой входит и Чеченская Республика. Этнические чеченцы представлены в федеральных органах власти. Чеченская Республика, как и другие российские республики, имеет высокий статус внутреннего самоопределения и, согласно Конституции страны, считается суверенной республикой (государством) со всеми институтами и атрибутами государственности. Другого варианта самоопределения российская Конституция не предусматривает (176).

В период войн и конфликтов происходит глубокая ломка традиций, коренным образом меняются взгляды на жизнь и базовые ценности, как отдельного человека, так и целого народа. Так, исследование трансформации гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта показало, что роль женщин в чеченском обществе коренным образом изменилась. Их положение значительно усложнилось, т.к. увеличилась психологическая, экономическая, социальная нагрузка. Они переносили тяготы вооруженных конфликтов большей частью уже будучи беженцами и внутренними переселенцами. Наряду с физической незащищенностью им приходилось решать текущие семейные и экономические

проблемы. Женщины часто становились жертвами преднамеренных и непреднамеренных столкновений. Однако и в таких условиях было необходимо не только поддерживать идеальный образ, соответствующий традиционным представлениям о чеченском мужчине, но и помогать ему в опасных ситуациях, причем делать это нужно было незаметно для него, как это диктовали обычаи (193).

Подтвердилась особая уязвимость молодых женщин и девушек, в связи с разрушением традиций, отсутствием защиты со стороны своего рода, ослаблением родовых связей. Участились случаи кражи невест без «вынуждающих» обстоятельств, соответствующих традициям, и случаи разводов, но уже в соответствии с традициями (дети остаются с отцом, мнение матери не учитывается). Усилилась составляющая «кровной мести» в числе причин исчезновения людей.

Представители мужской части чеченского общества, независимо от возраста, относятся негативно к изменениям в положении и роли женщин и желают возвращения к традиционным истокам. Ограничение прав женщин происходит, как со стороны традиций, так и со стороны радикально настроенного духовенства. И хотя ислам занимает значительное место в жизни чеченцев и очень велико влияние радикальных исламских течений на молодых мужчин, однако на положение женщин в большей степени влияют традиции (193).

Другие регионы РФ

Элементом конструирования этнической конфликтности становится иногда процесс формирования идеологии «миграционной политики», который мешает адаптации иммигрантов и их включению в локальную социальную среду. Это происходило, например, в 1990-е гг. на юге России (***Краснодарский и Ставропольский края***) по отношению к туркам-месхетинцам и чеченцам при помощи органов местного самоуправления. Для создания негативного отношения к миграции использовались СМИ, а также «некоторые правовые аспекты борьбы с миграционной политикой» (155, с. 27).

В Российской Федерации, переживавшей процесс сложных социально-экономических и политических трансформаций, не удалось избежать столкновений интересов различных этнических и религиозных общин на местном уровне. Однако в основе таких столкновений чаще всего лежали конкуренция (за рынки сбыта, ресурсы, землю, социальный статус) и политическая мобилизация (завоевание голосов избирателей, удержание власти, оправдание неэффективного правления), а не конфликты между народами. Тем не менее, такие конфликты могли носить серьезный характер, вплоть до проявлений массового насилия, и оказывать дестабилизирующее воздействие на общество.

Астраханская область издавна была многонациональной, т.к. через Астрахань идут пути, соединяющие Запад и Восток, Закавказье и Кавказ со Средней Азией и Казахстаном. Национальный состав области к началу 1980-х гг. включал представителей 62 национальностей. До конца 1980-х гг. здесь не было

межнациональных столкновений между населяющими край народами. К 1989 г. наметилось резкое изменение структуры национального состава по количественным и качественным параметрам. Миграция привела к нарушению национально-социального баланса, исторически сложившегося благодаря разделению труда и сфер деятельности между представителями разных этносов. При этом переход к новым экономическим отношениям, как и по России в целом, сопровождался не только спадом производства, но и целым рядом факторов, включая криминализацию общества. Начались столкновения интересов исторически проживавшего там населения и представителей миграционных потоков, особенно в сфере торговли и частного предпринимательства. Так как причина не была устранена, конфликт разрастался, охватив и криминальную сферу. В конце июня – начале июля 1993 г. на улицах и рынках г. Астрахани произошли массовые беспорядки и погромы с применением оружия. Главным направлением в разработке системы мер по стабилизации конфликтной ситуации в Астраханской области стало управление выходом из конфликта, включившим создание смешанного государственно-общественного механизма, который должен был обеспечить реализацию совместной программы партий и общественных движений (86).

Среди основных причин межнациональных конфликтов в РФ в 1990-е гг. названы следующие: 1) последствия административно-территориального устройства СССР по национальному признаку, в самой своей основе заключавшие источники будущих противоречий, ибо установило жесткие национальные границы хозяйственно-экономическому и социальному развитию. Возрастание социальной мобильности на рубеже XX–XXI столетий способствовало росту национального самосознания. Стремлению включиться в политический процесс препятствовала паспортная система, в обязательном порядке фиксировавшая национальную принадлежность. Результат – стремление к национальному самоутверждению, партикулярно-националистические установки, отрицающие интеграционные возможности и, наконец, этнонационализм. Самое опасное для жизни общества – это: 1) признание приоритета групповых интересов (например, этнических) над общегражданскими; 2) катастрофические последствия переселения целых народов по политическим мотивам. (Отрыв людей от своих корней влечет, как правило, социальный кризис.); 3) невысокий культурный уровень большинства лидеров современных националистических движений и безответственность средств массовой информации, которые высказывают и распространяют суждения об «исконных территориях», «исторических правах» и т.п., провоцируя людей на выступления, в основе своей бесперспективные и тупиковые. Отсутствие культуры межличностных отношений, в т.ч. и межэтнических, которая должна прививаться с детства (82).

«Национальная идея», если она не отрицает прав других народов, может служить консолидации. Однако на этом пути есть и отрицательные тенденции, при-

нимающие подчас националистическую и даже экстремистскую окраску. Националистические лозунги легко ложатся на благодатную почву социальных и экономических проблем. Люди перестают различать значимость общих и частных вопросов, утрачивают объективные критерии оценки своего и общего положения (44).

СНГ

Национализм титульных этнонаций, сепаратизм радикальных сил, борьба элит, деструктивные внешние влияния были главными причинами вооруженных конфликтов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на пространстве бывшего СССР. Одним из таких регионов стали республики **Средней Азии**, с ее событиями в Ферганской долине (1989 г. – Фергана и Коканд – Узбекистан, 1990 г. – Ош и Узген – Киргизия) и Душанбе (Таджикистан – 1990 г.). В регионе существовали как скрытые, так и «горячие» зоны самых различных по своей природе конфликтных отношений. Они переходили из скрытой в открытую форму с постепенным ростом их масштабов и политизацией. По мере дальнейшего ухудшения экономической, экологической и демографической ситуации напряженность росла и проявилась в форме открытого вооруженного противостояния между таджиками и другими группами населения под политическими и идеологическими лозунгами. Примером, когда годами тянувшиеся споры из-за земли и воды вдруг стали поводом серьезнейших политических разногласий между двумя соседними республиками, стал конфликт между таджиками Исфаринского р-на Ленинабадской области Таджикской ССР и киргизами Баткенского р-на Ошской области Киргизской Республики. Меры, в срочном порядке предпринятые руководством Исфаринского р-на после событий 1989 г. по раздаче земель из фонда совхозов и колхозов в округе г. Исфары не смогли решить проблемы. Переговоры, прошедшие между руководством Исфаринского и Баткенского р-нов с начала 1990 г. о возможности перераспределения территорий районов в пользу таджиков встретили сильное противодействие населения Баткенского р-на. Данную ситуацию можно рассматривать как еще одно подтверждение ошибочности проведенного в свое время в Средней Азии национально-государственного размежевания (9, 24А).

Чрезвычайный характер ситуации в регионе должен был решаться чрезвычайными же мерами. Еще в 1990 г. были предложены способы преодоления конфликтной. Среди них: 1) отказ от культуры хлопчатника в том объеме, который практиковался, а освободившиеся площади предлагалось занять под технические культуры; 2) прекращение строительства на немногочисленных равнинных местах, которые до недавнего времени были хлебными житницами Таджикистана; 3) вовлечение в производство незанятой рабочей силы, рост численности которой принимал характер национальной катастрофы; 4) разработка долгосрочных культурных (духовных, культурно-воспитательных, культурно-просветительных и др.) программ; 5) срочнейшее принятие мер по снижению рождаемости в среднеазиатском регионе (9, с. 6–7).

Июньские события 1990 г. в Ошской обл. Киргизии также показали, что неравенство в социальных условиях «старожилов» и «новоселов», приобретшее национальную окраску, не могло не вызвать у киргизов недовольства и желания «уравнять в правах» представителей «коренной» национальности, которые, по их представлениям, должны обладать некими неотъемлемыми преимуществами перед другими народами. С другой стороны, в результате политики «коренизации», проводившейся особенно интенсивно в 1960–70-е гг., на многих постах государственных и партийных органов в этих городах оказались люди киргизской национальности, что, в свою очередь, вызвало определенные трения между наделенной властью киргизской общиной и более многочисленной – узбекской, в каждой из которых значительную роль играли традиционные родственно-земляческие связи. Находясь в противостоянии, и та, и другая группы населения вряд ли признали бы себя слабейшей стороной (как это получилось с турками-месхетинцами, покинувшими после погромов Фергану), имея за собой поддержку своих республик. Закономерно, что после узбекских погромов, произошедших в этих городах, последовал ответный шаг: узбеки изгнали киргизов из Узгена на несколько дней, о чем сообщалось в прессе. Решение конфликта силовыми методами было совершенно бесперспективным (10).

В случае ослабления режима чрезвычайного положения могли начаться новые военные действия, поскольку на границе Андижанской области концентрировались воинственно настроенные узбеки, а жители Ферганской области были готовы поддержать в случае столкновений своих «собратьев» в Киргизии. Некоторую надежду на мирный исход противостояния вселял тот факт, что большая часть населения Ошской области не была охвачена конфликтом и во многих районах узбеки и киргизы продолжали мирно сосуществовать, что в конце концов и послужило основой для снятия напряженности в тот период (10).

Балканы

Современная конфликтология показывает, что цивилизационно-культурные противоречия часто становятся главным источником межнационального противостояния, а большая часть конфликтных ситуаций в мире происходят под этноконфессиональными лозунгами (177).

Балканский регион в 1990-е гг. стал ареной жесткой радикализации этнонациональных процессов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств. Межгосударственные отношения между странами Юго-Восточной Европы приобрели форму межэтнических конфликтов в силу чрезвычайно смешанного расселения этносов по всему региону: экономические и другие внутренние трудности каждой страны пытались объяснять межэтническими противоречиями, во многих случаях провоцируя тем самым возникновение этих противоречий (128, 204). Чрезвычайно сложная обстановка, сложившаяся в регионе, – это про-

явление комплекса тех глубинных разногласий политического, социального, экономического и национального характера, которые десятилетиями накапливались в югославском обществе (84).

В числе причин, предопределивших распад прежней югославской федерации – СФРЮ, наряду с такими, как большие экономические трудности, кризис политической системы (сползание федерации к конфедерации, рост сепаратистских тенденций в большинстве республик, развал СКЮ и переход власти к оппозиционным партиям и движениям), важнейшим обстоятельством стало возрождение межнациональных конфликтов, обострение отношений между бывшими югославскими республиками, которые вылились в военные столкновения. Большую роль в Югославском кризисе сыграли внешние факторы: деятельность ООН и ее миротворческих сил, Европейского сообщества, НАТО, США, Германии и ряда других стран. Со стороны Запада было вполне ощутимо стремление укрепить свои позиции в регионе, заполнить образовавшийся здесь политический вакуум, использовать активизацию «исламского фактора», вытеснить Россию из этой зоны ее «традиционных интересов и влияния» (84, с. 17; 128).

В 1991 г. Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония объявили себя суверенными государствами. События в Словении в свое время вызвали большую тревогу в Европе, но лишь потому, что это оказалось «первым звонком». Более опасным и кровопролитным стал конфликт в Хорватии, потребовавший введения миротворческих сил ООН для обеспечения перемирия. Гражданская война в Боснии и Герцеговине вызвала многочисленные жертвы и разрушения, привела к расширению иностранного присутствия в этой республике, введению жестких экономических и политических санкций против Сербии и Черногории и, наконец, к военным ударам воздушных сил НАТО по боснийским сербам. Македония также давно являлась яблоком раздора на Балканском полуострове. В случае возникновения военных действий в этой республике, конфликт тоже неизбежно интернационализировался и повлек бы крах Македонии (84, 128).

После жесткого вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.) пришла очередь Автономного края Косово и Метохи, в котором албанцы составляли подавляющее большинство населения. Косовский кризис предельно обострил конфликтную ситуацию и вызвал резкий всплеск национализма. В него были вовлечены некоторые соседние государства, имевшие здесь свои интересы (84, 124, 128).

Массовое бегство албанского населения из края было вызвано не только карательными действиями сербской стороны, но и постоянными массированными ракетно-бомбовыми ударами НАТО по территории Косова и его центру Приштине. Столкнулись две крайние силы: шовинистическая политика сербского руководства и сепаратистские устремления косовских националистов. В марте 1999 г.

в конфликт вмешались международные силы под руководством НАТО (128). Признание независимости Косово объективно создало прецедент для почти двух сотен регионов мира, пытающихся добиться независимости от тех государств, куда они входят (124, 128, 204).

Обзор ситуации в современном Косово показал, что одним из результатов конфликта на всей территории бывшей Югославии стала перегруппировка населения по этническому принципу, значительная изолированность этнических групп друг от друга. Этнический фактор в постсоциалистический период оказался исключительно значимым не только для Балкан, но и для всего мира. На первый план выдвинулась дилемма: признание права на независимость этнических сообществ внутри государства и одновременно – право на нерушимость границ этого государства, признанного мировым сообществом. Это противоречие стало питательной средой для расцвета националистических идей, спровоцировавших использование этнических принципов в политической борьбе и в общественной жизни. Роль этнической идентичности, как правило, всегда возрастает в эпоху перемен и общественных кризисов, а также при возникновении угрозы нарушения установленных границ. Поэтому и на Балканах в последние десятилетия XX в. этническое самоопределение стало наиболее релевантным, этническая идентичность утратила прежнюю амбивалентность и приобрела четкие границы (204).

Ближний Восток

Процесс «национализации масс» – сложный и многоступенчатый. Его неотъемлемой частью является привитие им тех или иных стереотипных представлений о краеугольных событиях в истории нации. В то же время формирование у нации истинного или ложного представления о своей истории является неотделимой частью процесса построения этой нации. Крепкая связь между историей и памятью народа особенно заметна в системе образования, которая отвечает за передачу знаний и ценностей новому поколению. В обществе иммигрантов эта задача становится еще более масштабной, т.к. в процессе формирования нового национального сознания идеологической индоктринации подвергаются и вполне совершеннолетние граждане. На примере арабо-израильского конфликта доказывается, что «ни один народ и ни одно государство не может ни от кого ничего требовать, пока они сами остаются безучастными к трагедиям других народов, в особенности тех, которые живут бок о бок с ними. Если бы израильтяне и палестинцы смогли попробовать подготовить и издать хотя бы общий учебник истории, это стало бы значительным шагом в сторону мирного урегулирования. Так и только так можно надеяться на то, что ‘вечный’ палестино-израильский конфликт перестанет быть таковым» (214, с. 34).

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Социальная адаптация – это относительно устойчивый процесс приспособления человека к новым требованиям, усвоения и использования им новых норм поведения, новых жизненных ценностей и ориентиров на фоне меняющегося социального контекста, проходящий во времени с разной степенью интенсивности (175). Хотя адаптация и носит непрерывный характер, особенно активно она происходит при смене социального окружения и/или видов деятельности.

Распад Советского Союза, ликвидация социалистической системы хозяйствования, создание новых суверенных государств, развитие демократии и рыночные преобразования – это те глобальные изменения общественной системы, сопровождавшиеся социальным и экономическим кризисами и потрясениями, которые затронули интересы нации в целом и каждой личности в отдельности. Они изменили образ жизни, моральные нормы, нравственные ценности общества, заставляя его использовать механизм адаптации на всех уровнях жизнедеятельности.

Социально-экономические и политические реформы, проводимые в современной России, также затронули все социальные слои общества, привели к существенным трансформациям в жизни людей, и в той или иной степени изменили ситуацию во всех регионах страны. В каждом из них наряду с общими имели место и специфические процессы и явления. Смягчение сложностей адаптационного периода возможно путем более эффективного вмешательства со стороны региональных и местных органов власти, которые при решении социальных проблем, должны учитывать особенности территории и этническую специфику проживающего здесь населения, поскольку для любого этнического сообщества процесс перехода к рыночной экономике и адаптация к нему сопряжен с определенными трудностями. В этой связи очевидна необходимость изучения наряду с региональными этносоциальными моделями адаптации населения (165, 191).

Формирование новых идентичностей, их суть и взаимосвязи с такими явлениями, как мобильность и мобилизация, толерантность и нетерпимость, солидарность и т.п. требуют своего изучения для того, чтобы понять адаптационно-мобилизационные возможности различных этносоциальных групп в новейший период в РФ. Примером такого рода является исследование по проекту «Электрокардиограмма [ЭКГ] социальных трансформаций», который проводился в двух республиках **Приволжского федерального округа**. Основными методологическими подходами исследования стали, во-первых, осмысление многокультурности, как многоуровневого явления – от личности до целого народа; во-вторых, учет взаимовлияния различных факторов социальной мобильности и политической мобилизации граждан; в-третьих, понимание постоянно меняющегося баланса этнической лояльности, с которым неизбежно взаимодействуют другие идентичности человека – гендерная, гражданская, семейная, профессиональная, религиозная, региональная и т.п. Как пишет в предисловии к этой работе В.А. Тиш-

ков: «Без анализа всех этих факторов вряд ли возможно адекватное понимание современных этносоциальных процессов в регионах России и эффективное ими управление» (150, с. 4).

Европейская часть России

Анализ политических, экономических и этносоциальных процессов в **Удмуртии**, показал рост социальной дифференциации, суть которой состояла в изменении пропорций и соотношений между различными группами и слоями населения (154). Исследования охватили различные группы населения, выделенные по семейному положению, степени трудовой занятости и экономическому состоянию семей, национальной принадлежности и др. В процессе опроса выяснялось мнение информантов о переходе к рыночной экономике, о положении дел в стране, о последствиях демократических реформ, о том, как улучшить состояние дел в экономике, а также отношение к коллективным и частным сельскохозяйственным предприятиям, к собственности на землю, иностранным вложениям в экономику, к бизнесменам и богатым и т.п. Были рассмотрены и реформистские, и консервативные тенденции в мнениях граждан, охарактеризованы социальные и психологические проблемы, связанные с освобождением населения от государственного патернализма, а также выявлено отношение населения Удмуртии к основным направлениям внутренней политики. Анализ представлений нового слоя населения Удмуртии, осознавшего, что улучшение материального благополучия и социального самочувствия зависит сегодня больше от самих себя, чем от государства, сумевшего «понять угрозы и риски лично для себя и для России», дает основание автору сделать вывод о том, что «процессы трансформации, инициированные сверху, получили поддержку снизу» (156, с. 42).

Материалы исследования показали также, что удмуртам несколько труднее, чем русским и национальным меньшинствам, далась адаптация к экономическим реформам, но они чуть-чуть обогнали другие национальности в отношении освобождения от чувства иждивенчества, распространенного в советский период. Другая отличительная черта, обозначившая культурный сдвиг по линии межэтнических различий, проявилась в том, что удмурты несколько больше и чаще, чем русские и другие национальности, возлагали свои надежды на улучшение жизни не на федеральные, а на местные органы власти, в т.ч. местное самоуправление, на начальство по месту работы, на правительство и лично на президента Удмуртской Республики (157).

Изучение процессов урбанизации с позиций культурного отличия и разнообразия было проведено в небольшом провинциальном городе Давлеканово, одном из районных центров в **Республике Башкортостан**. Его результаты показали, что жители небольшого российского города столкнулись в 1990-е гг. со множеством проблем экономического, социально-экономического и культурного характера: развал производства, безработица, неразвитость инфраструктуры и досуговой сфе-

ры и пр. И все же восприятие города его жителями среднего и пожилого возрастов достаточно уравновешенное, – спокойная констатация современных проблем или сожаление о былых «лучших временах». Отношение молодежи более эмоциональное. Отсутствие перспектив вызывает у нее желание уехать из города после окончания школы. Автор делает вывод, что Давлеканово – это типичный российский провинциальный город с характерными для этих городов проблемами (216).

Анализ демографических данных и материалы о социально-экономической и этнокультурной ситуации в **Кизеловском р-не Пермской обл.**, одном из уголедобывающих районов Урала, показал, что основные причины уменьшения численности населения в районе с 1991 г. – высокая смертность, низкая рождаемость и эмиграция. Межнациональные отношения в районе оставались стабильными, социально-экономическая и этнокультурная ситуации – это частный случай общего положения в хозяйственном механизме всей страны. На это указывают такие явления, как отсутствие финансовых средств на строительство и ремонт жилья, задержка на несколько месяцев зарплаты шахтерам, невозможность обеспечить прожиточный минимум населению даже при выплате всех задолженностей и прочие свидетельства кризиса в экономике. И все это при том, что в Кизеловском р-не в тот период все еще существовал высокий промышленный потенциал: высоко специализированное производство (комплекс уголедобывающих производств) и достаточное число предприятий разного профиля как тяжелой, так и легкой и пищевой промышленности. Таким образом авторы делают вывод, что депопуляция Кизеловского р-на была тесно связана с ситуацией в государстве в целом. Наиболее значимыми ее причинами стали политическая нестабильность в обществе, экономический кризис, резкое ухудшение экологической обстановки (87).

Исследование систем поддержания жизни у различных этнических групп, проживающих в зоне радиационного загрязнения, показало что этническое поведение людей в такой ситуации, следует рассматривать как один из важнейших факторов процесса социально-экологической адаптации. Было проведено этносоциологическое исследование адаптации населения к экстремальным условиям жизни вследствие повышенной радиоактивности в бассейне р. Теча на **Южном Урале**, с 1949 г. являющимся местом сброса отходов ПО «Маяк». Оно показало, что условия жизни людей в зоне не только не улучшились, но даже ухудшились. Наряду с оттоком населения осуществлялась и входящая миграция, целенаправленно стимулированная федеральным законом «О социальной защите пострадавших от аварии на Южном Урале». Миграции способствовали структурной деформации населения по полу, возрасту, социальному и семейному статусу и т.д. Отмечено, что страх перед радиационной опасностью у людей притупился, одновременно возросла роль религии, особенно ислама. Мусульмане стали еще более активно придерживаться религиозных традиций и практик, обеспечивающих, по их мнению, защиту от болезней (122).

Крайний Север

Чрезвычайно актуальными стали проблемы адаптации к новым социально-экономическим условиям коренных малочисленных народов Российского Севера [КМНС], чей образ жизни (а значит, и этническое своеобразие) к началу 1990-х гг. уже был существенно подорван индустриализацией региона. Аборигенное сообщество сегодня разнообразно и на локальном, и на региональном уровнях. Некоторые представители коренных малочисленных народов Севера стремятся сохранить традиционный образ жизни, рассматривают следование культурным традициям как условие воспитания подрастающего поколения и важный фактор комфортности своего существования. Другие активно включаются в рыночные отношения, чтобы достичь более высокого уровня благосостояния, и при этом выдвигают определенные требования в сфере занятости и управления возобновляемыми природными ресурсами в местах их проживания. Поэтому все более растет осознание необходимости тщательной проработки проектов, которые затрагивают интересы коренного населения, могут нанести какой-либо ущерб хозяйству и культуре народов, чья жизнь и сегодня во многом зависит от возобновляемых ресурсов. В исследованиях этого направления предложены рекомендации по оптимизации принимаемых административных решений, правовых актов, обычно-правового регулирования традиционного природопользования и современного социально-экономического развития в местах расселения коренных малочисленных народов.

Проведенное исследование социально-экономической и этнокультурной динамики коренных малочисленных **народов Обского Севера** с целью выявления их адаптационных стратегий в современных условиях показало, что в начале 2000-х гг. численность КМНС на Обском Севере увеличивалась в абсолютном и в относительном выражении. Среди «факторов роста» был выделен активный процесс смены этнических предпочтений в пользу коренных народов, который характерен и для других северных регионов. Несмотря на увеличение численности, доля аборигенных народов Обского Севера в общем составе населения округов оставалась очень незначительной (181).

Ханты – один из крупнейших «малых народов», численность которых составляет немногим более 200 000. Большинство хантов живут семьями на традиционных охотничьих территориях вдоль берегов и притоков рек Обь и Иртыш. Сегодня Западная Сибирь, Ханты-Мансийский а.о., в частности, это – территория интенсивных нефтегазразработок, которые начались еще в конце 1960-х гг. К концу 1990-х гг. практически не осталось хантов, ведущих традиционный образ жизни на реках Нижний Вах, Аган, Салым и Вас-Юган, хотя все эти районы, богатые ресурсами с точки зрения традиционной экономики, еще совсем недавно были заселены ими. Другие территории речных систем Пим и Тром-Аган подверглись сильному воздействию промышленного освоения, а ханты, проживающие там, –

маргинализации. Только семьи хантов, расселившиеся по берегам рек Ламин и Юган были минимально затронуты процессами индустриализации. Эти, т.н. юганские, ханты – последняя крупная восточно-хантыйская группа, чьи традиционная культура и экономика изменились незначительно (118, с. 9).

Современное состояние традиционного природопользования коренного населения таежной зоны Нижнего Приобья отражает общую экономическую ситуацию в отраслях северного хозяйства. Остро встала проблема вхождения традиционных его отраслей в рыночную экономику. Поскольку образ жизни и менталитет северных народов ориентированы на самообеспечение, а не на прибыль, многие считают это невозможным. Кроме того, традиционное хозяйство народов Севера по своей сути всегда было мелкотоварным. И даже в крупных оленеводческих хозяйствах реализация излишков не в состоянии обеспечить нормальный уровень жизни. Коммерциализация промысловых отраслей ведет к уничтожению запасов рыбы, зверя, ягод, орехов и сопровождается вытеснением КМНС пришедшим населением с наиболее доходных мест. С угасанием традиционных отраслей производства продолжится процесс утраты этнических культур и языков северных народов. Выход из существующего положения следует искать не в бесконечных дотациях и субсидиях по этническому принципу, а в организации системы: производство–переработка–сбыт (130, 181).

Наряду с двумя социокультурными группами – ориентированными на традиционный, либо на модернизированный образ жизни – в составе коренных народов Севера существует довольно заметная прослойка населения, состоящая из люмпенизированных безработных, которые представляют собой пример дезадаптации части коренного населения к современной действительности (181).

Ориентация на занятость в традиционных сферах хозяйственной деятельности не является доминирующей в профессиональных предпочтениях местной молодежи. Так, чтобы продолжать образ жизни оленевода, необходимо быть хорошо подготовленными к особенностям кочевого быта. Это – тяжелый физический труд, отсутствие бытовых удобств, узкий круг общения и пр. Для большинства юношей и девушек, закончивших школу в поселке и приобщившихся к «благам цивилизации», такие условия неприемлемы. Поэтому будущее этой отрасли автор видит в распространении «кочевых династий» (181, с. 22).

Остаются актуальными экологические проблемы, связанные с усиленным антропогенным воздействием на северные экосистемы. Необходимо уделять серьезное внимание сохранению природных ландшафтов и биологического разнообразия регионов. Ключевое значение в решении этой проблемы имеет рационально организованная охрана природной среды, основанная на создании особо охраняемых территорий. Для сохранения уникальной культуры хантов и части Западно-Сибирской тайги, которой угрожает развитие нефтедобывающей отрасли, Госкомсевером в мае 1996 г. было предложено создать биосферный заповедник

на Югане в соответствии с международными стандартами. По плану в биосферном заповеднике юганских хантов должны сочетаться зоны ограниченного землепользования. Несколько положительных факторов способствуют созданию такого рефугиума, – существование Юганского природного заповедника и большая территория компактного проживания хантов. Это, по мысли авторов исследования, делает Юган «оптимальной базой для реализации модели биосферного резервата» (118, с. 15; 130).

Способы решения задач возрождения традиционной экономики КМНС должны быть адекватны существующим условиям, их нельзя решать унифицированными способами. То, что может быть приемлемо для одного региона, вовсе не означает возможности эффективного применения в других. Поэтому при выборе направления экономического развития нужно учитывать конкретную социально-экономическую ситуацию среди той или иной группы коренного населения (130).

В условиях утраты исконной культуры и «растворения» северных аборигенов в окружающем социокультурном пространстве, все большее значение в их среде стали приобретать различные формы этнической мобилизации. Их также можно рассматривать как своеобразный механизм адаптации КМНС к современным социально-экономическим условиям (181).

Общей закономерностью для всех групп **удэгейцев** стало нарушение нормального развития традиционного хозяйства. В связи с укрупнением и специализацией производственных образований перестала учитываться лабильность (гибкость) их традиционного хозяйства. В результате деятельности некоторых СП по вырубке и переработке древесины возникли экологические проблемы. В некоторых районах были уничтожены промысловые угодья, вследствие чего отдельным группам удэгейцев пришлось покинуть родные места. Однако большей их части все же удавалось сохранять свои традиционные хозяйственные навыки. С середины 1990-х гг. в связи с ростом национального самосознания наблюдался своего рода «культурный ренессанс», стремление к восстановлению культурных традиций. Резервирование обширных земель в качестве «территорий традиционного природопользования» стало последней возможностью сохранить природно-ресурсную базу традиционного сектора экономики и культуры связанного с ним коренного населения (43).

Селькупы севера Томской области при утрате родного языка и традиционной культуры все еще обладали этническим самосознанием. Национальное общество томских селькупов стало инициатором создания общин в местах компактного проживания этого народа. Концепция этнокультурной и языковой стабилизации у селькупов включила в себя семь направлений: 1) создание национально-политических и хозяйственных структур в местах исторического расселения коренных народностей Томского Севера; 2) ревитализация языков и диалектов коренного населения; 3) меры по оживлению традиционной материальной и

духовной культуры. (В рамках этого направления было предусмотрено предоставление территориям национальных сельских общин статуса этнических заповедников (этнопарков), а их жителям права приоритетного природопользования на этой территории.); 4) возрождение национальной школы, которое включало бы этнологическое образование, трудовое обучение традиционным навыкам хозяйствования, физическую подготовку, адекватную природным условиям Севера, обучение родному языку, нравственное и эстетическое воспитание, основы исторического краеведения; 5) развитие органов здравоохранения; 6) организация в каждой национальной общине культурных центров; 7) сохранение историко-культурного наследия (54).

По Положению о «территориях традиционного природопользования» [ТТП] в **Хабаровском крае** (закон был принят 24.12.1999), они были определены как земли, переданные «общинам» или «представительным органам» малочисленных народов Севера в «вечное пользование» для ведения традиционной хозяйственной деятельности. Практическое применение положения о ТТП в Хабаровском крае привело к тому, что на практике сложилось два класса субъектов, использующих ТТП – «родовые» и «семейные» общины малочисленных народов Севера и предприятия – частные, кооперативные, государственные и коллективные. В соответствии с этим в рамках ТТП выделилось два класса земель: «земли традиционной хозяйственной деятельности» малочисленных народов Севера и остальные ТТП. Однако это Положение недостаточно регламентировало права и обязанности государственных служб охраны природы по мониторингу состояния возобновляемых природных ресурсов на ТТП (96).

Законодательное решение земельного вопроса малочисленных народов Севера в **Якутии** отличалось от такового в других северных субъектах Российской Федерации. Если, например, в Магаданской, Камчатской областях, Приморском и Хабаровском краях за основу временных законов и положений был взят территориальный принцип, выделение территорий традиционного природопользования, то в РС(Я) в основу законодательства был положен принцип социальных объединений (т.н. «родовых общин») народов Севера не столько даже по этническому признаку, сколько исходя из специфики хозяйственных занятий и образа жизни. Главным критерием создания «родовых общин» стало фактическое ведение «традиционного хозяйства» на «исконных землях» коллективом людей, причем социальный и этнический состав играл гораздо меньшую роль (126).

Закон «О кочевой родовой, родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 1992 г. с изменениями и дополнениями 1996 г. оформил это движение в правовом плане. Процесс дробления государственных хозяйств постепенно прекратился в связи с восстановлением практики государственной поддержки традиционных отраслей и начался обратный процесс воссоединения, который стимулируется властями республики.

«Родовые общины» или их союзы оказались в основном хозяйственными, реже – социально-экономическими объединениями.

Основу существования **эвенков и селькупов** Туруханского р-на Красноярского края всегда составлял охотничий промысел и оленеводство. Изменившаяся экономическая ситуация сделала недоступной часть элементов жизнеобеспечения промышленного происхождения, что весьма болезненно отразилось на всей системе жизнеобеспечения, поскольку полное возрождение прежней экологической культуры стало уже невозможным. Архаичные формы хозяйствования и предметы материальной культуры на данной стадии аккультурации вряд ли способны окончательно заменить промышленную составляющую промыслового хозяйства. Вынужденные попытки такой замены влекут за собой кризисные последствия. Ослабление связей с индустриальным обществом вновь усилило зависимость аборигенных групп от природных условий и способов традиционного жизнеобеспечения, что привело к значительной степени натурализации экономики и восстановлению некоторых традиционных способов адаптации. Однако процессы аккультурации и ассимиляции зашли слишком далеко и многие адаптивные навыки утеряны безвозвратно. В результате, все системы жизнеобеспечения эвенков и селькупов изучаемой территории оказались в кризисной ситуации (140).

После распада Советского Союза **эвенки Северного Прибайкалья** также испытали процессы демодернизации, сопровождавшиеся высоким уровнем безработицы и повышенной зависимостью от натурального хозяйства. Автор предупреждает, что сооружение нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» представило для эвенков угрозу их исконной среде обитания и образу жизни. Сооружение нефтепровода без переговорного процесса, определения компенсационных мер по возмещению ущерба при проведении строительных работ и последующей эксплуатации объекта станет последним фактором стресса для коренного и местного населения, которое уже имеет неудовлетворительный уровень здоровья, высокий уровень алкоголизации и смертности, и приведет к исчезновению самобытной этнической группы эвенков северного Прибайкалья (186).

Анализ рынка труда и занятости коренных малочисленных народов Севера России на примере Ханты-Мансийского а.о. и Сахалинской обл. позволил представить общие тенденции решения одной из важнейших проблем развития коренных малочисленных народов Севера. Конструктивным представляется взгляд на эту проблему с точки зрения соотношения ответственности государства и личности. В постсоветской России развитие коренных народов Севера, поднятие их жизненного уровня через обеспечение занятости и соуправление ресурсами стало скорее перспективной стратегией, чем решенной задачей. В субъектах федерации вырабатывались разные сценарии развития ситуации. Прошло еще слишком мало времени с момента создания «общин», аборигенных предприятий, мини-цехов, чтобы делать окончательные выводы о том, что выход найден. Вероятно, должен

быть найден и баланс между государственной поддержкой этого развития и самоуправлением коренных народов (187).

В связи с принятием в 2009 г. правительством Российской Федерации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера ученые ИЭА РАН предложили свой вариант системы показателей качества жизни народов Севера для целей мониторинга, а также для сопоставления со среднероссийскими показателями. Индикаторы качества жизни – это сочетание объективных и субъективных показателей, характеризующих благосостояние представителей коренных малочисленных народов, а также инструментарий для анализа положения этих народов на основании официальной статистики, опросов и экспертных интервью. Индикаторы дают представление не только об уровне благосостояния этих народов, но и включают в себя их собственные оценки и представления о качестве жизни на индивидуальном и коллективном уровне. Система таких показателей разработана на примере Сахалинской обл. Эти индикаторы можно использовать при проведении государственного мониторинга положения коренных малочисленных народов Севера в сочетании с социологическими и антропологическими исследованиями. Часть данных по показателям качества жизни может формироваться при непосредственном участии самих аборигенов, а также использоваться ими для достижения своих социально-экономических и культурных целей. Система индикаторов расширяет информационную базу для проведения этнологической экспертизы состояния исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Подобные исследования будут способствовать более активному участию коренного населения в процессе принятия решений, их институциональному строительству, развитию форм гражданского общества (217).

Аналитическое исследование известного российского этнолога Ю.Б. Симченко содержит анализ политики государства по отношению к населению северных регионов, а также мирового опыта в решении подобных проблем. С его точки зрения, принципиальной ошибкой государственных, общественных и прочих участников дискуссии по вопросу о дальнейшем национальном развитии коренного населения Крайнего Севера стали попытки решить их проблемы на этническом базисе. Основным направлением государственной политики в этих вопросах должна быть деэтнизация каждого акта законодательства. Применительно к народам Севера России было бы неправильным выделять любые общности на основе этнических признаков или более дробных подразделений, таких как племя, род и т.п. Распределение территорий признаку «укорененности» пагубно хотя бы потому, что в настоящее время нет народов, проживающих на местах изначального формирования этноса. Должны быть приняты такие законы, которые будут способствовать развитию сельского хозяйства и других отраслей экономики на северных территориях, в т.ч. традиционных северных отраслей – оленеводства,

охоты и рыболовства. Отдельным комплексом необходимо выделить все проблемы, связанные с культурной эволюцией северян. Необходимо отказаться от планирования единых мероприятий и подходов ко всем народам Крайнего Севера, как к некоей общей целостности (112).

Одной из целей такого законодательства должно стать освобождение государства от неэффективных и безвозвратных инвестиций в Север. Наиболее рациональным способом решения этой проблемы автор видит в создании на основе некоторых аборигенных объединений крупномасштабного рыболовства и морских транспортных предприятий, которые пользовались бы поддержкой государства в сфере налогообложения и администрирования. Для Северо-Сибирского ареала необходимо найти другой путь – вовлечение коренного населения в экологическую службу и работы по ревитализации пострадавших от промышленной эксплуатации территорий за счет отчисления прибылей от добывающей индустрии. «Именно отказ от политики, основанной на этнических приоритетах, может обеспечить устойчивое национальное развитие всех северных народов и этнических групп» (112, с. 20).

Анализ экологических, социально-экономических и этнокультурных проблем коренного населения Арктики был проведен в рамках научно-исследовательского проекта «Российский национальный план действий по защите морской среды от антропогенного загрязнения в Арктическом регионе Российской Федерации» [НПД «Арктика»]. Концепция устойчивого развития в нем рассматривалась как в отношении к Русской Арктике в целом, так и к районам проживания коренных народов, ведущих традиционную хозяйственную деятельность. Особое внимание было уделено оценке традиционного использования ресурсов природы, в т.ч. экологические и экономические аспекты природопользования в современных условиях. Было рассмотрено также со-управление природными ресурсами как ключевой элемент стратегии перехода к устойчивому развитию русской Арктики в целом, и народов, живущих там, в частности (141).

В исследовании подчеркивалось, что устойчивое развитие в своей основе должно иметь этнокультурные корни, и унификация здесь недопустима. Глубокому пониманию традиционных культур представителями доминирующего общества препятствуют в первую очередь этно- и антропоцентрические установки их собственной культуры. Этнокультурный аспект устойчивого развития связан с необходимостью обеспечить в ходе социокультурной модернизации населения сохранение его культурного и этнического разнообразия. Современное кризисное состояние многих районов Севера принято связывать с политико-экономической ситуацией в стране, однако корни его не только в этом, но и в предшествовавших изменениях культуры. Сохранение элементов традиционной этнической культуры дает шанс к преодолению современных трудностей. Очевидно, что «основы устойчивого развития должны находиться внутри самого общества и тем самым

дать народу возможность определить свой собственный путь между прошлым и будущим» (141, с. 20).

Южная Сибирь

Народы Южной Сибири, несмотря на относительно небольшую численность приспособившихся к новым социально-экономическим условиям, все же продемонстрировали, с одной стороны, позитивный настрой на адаптацию, с другой – неоднозначное отношение к некоторым аспектам преобразовательных процессов. Материалы исследования демонстрируют, что адаптационные процессы в **Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия** существенно не отличаются. Выявленные расхождения обусловлены скорее особенностями и спецификой уровня социально-экономического развития самих республик (191).

В числе основных факторов, способствующих более успешному приспособлению к новым реалиям жизни, следует назвать в целом благоприятное отношение со стороны населения к трансформационным процессам как таковым. Оптимизации адаптационных процессов может способствовать и отмечаемая в этих регионах межэтническая толерантность, и степень удовлетворенности населения отдельными аспектами жизни (положение в обществе, работа, уровень образования и др.). К факторам, так или иначе препятствовавшим адаптационным процессам, прежде всего, были отнесены низкий уровень жизни значительной части населения, в особенности представителей титульной национальности, проживающих главным образом в сельской местности, и, в какой-то мере, некомфортные условия жизни в некоторых населенных пунктах (191).

На темпы и масштабы адаптационных процессов в определенной степени влияли и особенности национального характера того или иного народа. В данном случае местные жители по своей ментальности, в связи с традиционным кочевническим укладом жизни, очень спокойные, бесконфликтные, неспешные в своих начинаниях, не склонны к радикальным переменам жизни, что иногда препятствовало «процессам более быстрого и активного восприятия новых реалий» (191, с. 20).

Горожане проявляли большую активность и мобильность в попытках приспособиться и выжить в сложившихся обстоятельствах. Они полагались, прежде всего, на самих себя, на свои силы и способности. Вместе с тем в обществе наряду с адаптационными получили значительное распространение дезадаптационные процессы. Важным фактором, осложнявшим процесс адаптации, стало усиление социальной стратификации, кризисные условия существования, безработица, бедность и нищета. Как следствие в Хакасии имели место такие явления, как плохое социальное самочувствие, распространение дезадаптивных проявлений (алкоголизм, наркомания, суициды). Что касается влияния этнических различий на адаптационное поведение и жизненные ориентации населения, в целом они не столь

велики, хотя в отдельных случаях их присутствие было заметно. Выявленные различия в адаптации хакасов и русских были основаны, главным образом, на различиях, существовавших в социальном положении этих групп в прошлом. Гораздо большее значение имели различия регионального характера, обусловленные особенностями социально-экономического развития региона, нежели различия, которые были связаны с этническими особенностями (165).

Северный Кавказ

При изучении духовных ценностей и проблем формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа выявлены основные черты идеологического кризиса и намечены пути его преодоления. Одной из ключевых причин такого кризиса стали новые экономические условия, в которых оказалась страна в начале 1990-х гг. Становление основ российской государственности в 1990-е гг. повлекло необходимость создания нового мировоззрения. Анализ процесса выработки новых ценностей в горских обществах республик Адыгеи и Карачаево-Черкесии показал, что местные и республиканские власти всячески стремились поддерживать, пропагандировать и возрождать национальные традиции, надеясь на этом фундаменте построить новое общество. В то же время религиозная свобода позволила народам Северного Кавказа возродить свою традиционную религию – ислам, который, однако, не смог стать моральным фундаментом общества (208).

СНГ

Средняя Азия и Казахстан. Исследование влияния «капиталистических преобразований» на казахстанское животноводство и социальных последствий такого переустройства показало, что к концу XX в. состояние животноводства в **Западно-Казахстанской области** было очень нестабильным. Отсутствие государственной поддержки при диспропорции цен на мясо и горючее привело к глубокому кризису в животноводстве, к сокращению поголовья скота в несколько раз. Одновременно практиковались постоянные преобразования животноводческих хозяйств, существовала большая нестыковка сырьевой базы с перерабатывающими предприятиями. Как результат – большинство сельского населения не смогло найти новый способ существования и оказалось не готово к радикальным переменам. Однако постепенно начал формироваться новый класс товаропроизводителей животноводческой продукции. Специалисты считают, что дальнейшее развитие животноводства в Западном Казахстане должно пойти по пути укрепления средних и крупных фермерских хозяйств, которые дадут работу части сельских жителей. Очевидно, что возврат к кочевому скотоводству вряд ли произойдет, поскольку оно перестало быть «деятельностью, формирующей образ жизни казахов, превратившись в одно из многих других хозяйственных занятий сельского населения» (171, с. 21).

К концу XX в. в процессе приспособления к новым социально-экономическим и политическим реалиям в **Таджикистане** общество осталось по преимуществу «аграрным», поскольку промышленность не только не развивалась, но, напротив, – многие ее отрасли фактически были ликвидированы. Структура сельского хозяйства упростилась и стала направленной на обеспечение минимума жизненного уровня; при этом сохранилась монополия хлопка, который стал экспортной культурой. В промышленности остались лишь несколько ключевых отраслей – энергетика, основанная на дешёвой себестоимости гидроэлектроэнергии, и производство алюминия, также ориентированное на экспорт. Изменились этнодемографические характеристики: сформировалось однородно-национальное таджикское общество с большой общиной узбеков. Урбанизация приостановилась, а выезд «некоренного» населения «законсервировал» аграрный характер экономики. Усилился миграционный потенциал, прежде всего в форме «трудовой миграции». Таджикское общество все больше определялось такими чертами: 1) постоянно тлеющий конфликт и нестабильность в межнациональных отношениях; 2) большая роль криминала (торговля наркотиками и оружием, сращивание уголовной среды с политикой и экономикой); 3) сильное влияние разного рода посреднических зарубежных организаций, экономика поддерживалась во многом за счет помощи со стороны; 4) механизмы перераспределения стали более важными, чем механизмы производства; 5) социальная и политическая, структуры общества начали приспосабливаться к перераспределению, а не производству благ; 6) общественное сознание начали занимать не вопросы конкуренции в сфере производства, а борьба за рычаги власти; 7) насилие сделалось способом борьбы за власть. Главный вывод – Таджикистан (и не только он) вступил в конце XX в. в полосу постоянной нестабильности, то возрастающего, то затухающего экономического и политического кризиса (120).

Закавказье. Выявлены и проанализованы этнокультурные изменения, которые произошли в разных сферах бытовой культуры сельских **армян** – в их хозяйстве, материальной культуре, в структуре семьи, в семейных обрядах, в духовной культуре. Показано, каким образом на фоне резко обострившегося в Армении с конца 1980-х – начала 1990-х гг. политического и социально-экономического кризиса происходил процесс адаптации, главным образом сельских жителей, к новым жизненным обстоятельствам. Наступившие в обществе коренные перемены и трудности адаптации к ним вызвали огромный отток трудовых мигрантов, главным образом в Россию. В свою очередь, интенсивная миграция, а также масштабная безработица и значительное падение жизненного уровня населения произвели негативные изменения в таких важных социально-демографических институтах, как семья и брак (снизился уровень рождаемости и увеличилось число разводов). Существенные изменения произошли в структуре семей (шло сокращение их численности, увеличилась доля хозяйств пожилых одиночек и од-

нопоколенных семей, состоящих из пожилых супругов, одиноких женщин с детьми и других семей нетипичного состава). Заметное социальное расслоение общества оказало влияние на материальную сферу бытовой культуры и на духовную традицию (обряды жизненного цикла). Одновременно отмечено, что с постепенным преодолением кризиса, во многом с помощью армянской диаспоры, жизнь в селах Армении стала налаживаться (211).

Республика Молдова. Анализ этнических особенностей адаптации населения Молдавии к новым условиям существования показал наличие общих черт в адаптивных стратегиях представителей разных этнических общностей страны, в процессе их приспособления и выживания в сложнейших условиях социально-экономического кризиса, безработицы, нищеты и социального расслоения общества. Но вместе с тем в адаптивном поведении молдаван и русских выявлены отличия, основанные на разном социально-экономическом и культурно-языковом статусе титульной нации республики, являвшейся одновременно этническим большинством, и русского национального меньшинства, испытывавшего на себе дополнительные тяготы дискриминационной политики государства (175).

Страны Балтии

Гражданское общество стало одним из центральных понятий современности. При всем разнообразии социологических концепций гражданского общества под ним, как правило, понимают наличие сети добровольных и независимых гражданских организаций и ассоциаций, которые обеспечивают стабильность и эффективность демократических государств (166).

Развитие гражданского общества в **Латвийской Республике** в 1990-х – начале 2000-х гг. имело тенденции, характерные и для других стран Балтии – Эстонии и Литвы. В современной Латвийской Республике существуют весьма глубокие исторические традиции самоорганизации среди латышей. Эти традиции идут от первых просветительских, культурных, благотворительных и других обществ, возникших на волне национального возрождения второй половины XIX в. и получивших свое дальнейшее развитие в годы первой Латвийской Республики (1918–1940 гг.). В период советской власти также существовало множество общественных организаций, объединявших группы людей по интересам, хотя характер самоорганизации в то время имел свои особенности и во многом определялся сверху. Именно развитые традиции самоорганизации у латышей, как и у эстонцев и литовцев, способствовали быстрой национальной мобилизации во время борьбы за национальную независимость в конце 1980-х – начале 1990-х гг. После восстановления государственности в Латвии наблюдался определенный кризис самоорганизации, связанный с рядом конкретных политических и социальных причин (166).

Со второй половины 1990-х гг. началась активизация гражданских инициатив в Латвии: число неправительственных организаций [НПО] и их влияние в

обществе неуклонно росло, сферы их деятельности становились все более разнообразными, в них вовлекались все новые этнические и социальные слои населения Латвии. НПО нового типа заняли активную позицию по отношению к соблюдению прав человека в Латвии и по-своему влияют на этнополитический процесс. Они представляют различные этносоциальные слои латвийского общества, их возникновение и функционирование является признаком формирования гражданского общества в Латвийской Республике (166).

Зарубежный Север

Основу жизнеобеспечения большей части коренных народов Арктики, в т.ч. ***саамов Кольского полуострова и инуитов Нунавута (Канада)***, до сих пор составляет добыча возобновляемых ресурсов, которая выполняет также не менее важные социальные и культурные функции, являясь мировоззренческим стержнем целых народов. Одновременно в период массированного иноэтнического влияния и угрозы ассимиляции усиливается национальная самоидентификация через традиционное хозяйство и тесно связанную с ним сложную социально-культурную систему. Северная традиционная экономика крайне ранима перед промышленным освоением и экологическими угрозами. Однако традиционное хозяйство имеет мощный адаптационный потенциал. «При условии детально поработанной и функционирующей законодательной базы добыча возобновляемых ресурсов и оленеводство могут стать экономически прибыльной и социально устойчивой хозяйственной деятельностью» (220, с. 3).

При всей цивилизованности зарубежного подхода к проблемам коренных народов, основной целью этнической политики многих стран стало стремление включить коренной народ в современные рыночные модели. Сохраняя традиционные знания и поддерживая культуру таких народов, государство «зачастую превращало решение их проблем в эффективный маркетинговый ход, в финансово выгодное мероприятие» (220, с. 58). А дилемма – существование на грани исчезновения, но с личным осознанием ценности своей культуры или навязанная этничность ассимилированной народности – оставалась нерешенной.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Несмотря на глобальные процессы международной интеграции, урбанизации, унификации массовой культуры и т.д., поликультурное разнообразие во всем мире увеличивается. Россия не выглядит на этом фоне исключением. Проблемы актуализации религиозности населения, конфессионального самоопределения, возрождения или дальнейшего развития традиционных и создание новых национально-религиозных ценностей проявились в ней в постсоветский период в рамках провозглашенной Конституцией свободы совести и вероисповедания и в связи с окончанием эпохи государственной поддержки атеизма.

Глобализация в России характеризуется также многосторонним влиянием религии и других духовных практик на жизнь населения страны, в т.ч. на особенности поведения личности в частной жизни и в экономической сфере и на характеристики социокультурного окружения. Поэтому анализ проблем практического обеспечения свободы религиозных убеждений, включая отношение властных структур и общества к вопросам религии, изучение религиозных практик служителей культов и простых людей, становится жизненно необходимым для выявления корней и форм межконфессиональной напряженности, религиозной нетерпимости и насилия в политических целях.

Религиозный ренессанс в России

Религиозная ситуация в **Сибири и на Крайнем Севере** отражает общие тенденции, свойственные всему «постсоветскому пространству», в частности, рост «воцерковленных» россиян в начале 1990-х гг. Фактически шло два параллельных процесса: с одной стороны, истинно верующие получили возможность открыто заявлять о своих религиозных пристрастиях и соблюдать соответствующие каноны, а с другой – в результате окончания эпохи «навязанного» атеизма, среди «верующих» оказалось множество случайных людей, которые с исчезновением моды на религию снова могут причислить себя к неверующим. Из исследования религиозного фактора в современной жизни коренных народов Севера и Сибири следует, что для посттрансформационных процессов стали характерными особое внимание к традиционным верованиям и культам, ревитализация древних ритуалов и обрядов, а также феномен «возрождения» шаманизма. С общим национально-культурным возрождением тесно связаны идеи о поддержке и развитии «национальных» религий. Как и во всей стране, в регионах Сибири развивается сектантское движение, резко усилился интерес к феноменам парапсихологии и экстрасенсорики, к «школам» возникшим на этой основе, которыми руководят новые харизматические лидеры. Большую роль в этих процессах играет местная интеллектуальная элита (167).

Анализ с позиций цивилизационного подхода проблем межкультурного сотрудничества между православным христианством и исламом в **Республике Мордовия** выявил зависимость межконфессионального диалога от этнокультурных особенностей отдельных народов, религий и этнопедагогических традиций. Автором отмечено также, что межконфессиональные взаимоотношения нельзя ни рассматривать, ни строить «в отрыве от задач преодоления стереотипов тоталитарного сознания и различного рода фундаментализма, рецидивов социальной и национальной нетерпимости...» (177, с. 29).

Ревитализация буддизма в **Бурятии** стала составной частью процесса национально-культурного возрождения. В 1991 г. народ Бурятии отметил 250-летие официального признания буддизма в России (буряты, калмыки, тувинцы и др.). Его восстановление оказало заметное влияние на общественную жизнь респуб-

лики в 1990-е гг. Оно проявилось в строительстве новых и реставрации старых буддийских храмов (дацанов), открытии буддийской академии, создании Ассоциации буддистов-мирян, в публикациях большого количества буддийской и буддологической литературы, расширении международных связей с буддийскими общинами Востока и Запада, установлении тесных контактов с Далай-ламой XIV, возвращении из забвения имен деятелей бурятского буддизма и лидеров национального возрождения с начала XX в. Вклад в ревитализацию буддизма в России внес Далай-лама XIV, прислав необходимые священные тексты и высокообразованных лам-воспитателей в новые, недавно открывшиеся монастыри (56, 104).

Одной из характерных черт буддизма в постперестроечное время стало участие лам нового поколения в политическом процессе на республиканском и на всероссийском уровне, что находится в противоречии с основными принципами учения. Такая политическая активность способствовала частым изменениям в руководстве Центрального духовного управления буддистов и расколам в буддистском обществе. В результате буддийская община Бурятии долго не могла завоевать должного духовного авторитета у верующих. Процесс осложнялся наличием у бурятского буддизма сильного конкурента – шаманизма, также традиционной религии, не менее активной, чем буддизм, и также находившейся в процессе ренессанса (104).

Наряду с возвращением буддизма в республике отмечено бурное возрождение традиционных народных религий и верований малых народов. Однако этнические интересы живущих здесь народов были достаточно сбалансированы и поэтому процессы возрождения национальных культур и связанных с ними религиозных верований развивались спокойно и постепенно (56).

Ислам

Активизация ислама в России сопровождалась некоторыми негативными явлениями, среди которых наиболее серьезными были многократные внутренние конфликты. По своим отрицательным последствиям для целостности исламского сообщества страны этнические предпосылки таких столкновений уступали только социальным. Их результатом часто было образование немалого числа новых духовных управлений, часто их учреждение мотивировалось этническими причинами. Такие минирасколы, накладываясь на уже существовавшие межнациональные противоречия, преобразовывались в этноконфессиональные и становились более продолжительными и сложными для урегулирования. Однако со временем этническая сторона противоречий внутри исламского сообщества России стала постепенно угасать, замещаясь политическими и чисто религиозными аспектами. Однако она «все еще остается серьезным фактором межконфессиональной и межэтнической стабилизации при появлении определенных условий или социального заказа» (149, с. 20).

Из работ, посвященных *Северному Кавказу*, складывается комплексная картина развития ислама в этом регионе в целом и различных его направле-

ний, в частности, ваххабизма. Были прослежены периоды активизации религиозного фактора и формы его трансформации, его влияния на общественную жизнь, цели и задачи, которые реализовывались с помощью ислама. Особое внимание было уделено Чеченской республике 1990-х гг. (159).

Ислам в Чеченской Республике при всем своем внутреннем разнообразии составляет единое вероучение. За последние 100 лет он характеризуется как «традиционалистский», основанный на местной норме этносоциокультурной среды чеченцев. Чеченцы-сунниты в основном – мусульмане шафиитского толка. В последние десятилетия в «традиционный» ислам проникли идеи ваххабизма. Политизация религиозного компонента ослабила интегрирующую функцию ислама. «Высокий уровень религиозности на бытовом уровне, отсутствие в обрядовом исламе суфийского концептуализма способствовали формированию ортодоксальным духовенством и вирдовыми братствами республики института ‘параллельного ислама’, в котором часть традиционалистов взаимодействует с представителями арабского мира и выступает за ‘чистоту ислама’» (159, с. 28).

Изучение некоторых черт суфизма и ваххабизма на Северном Кавказе и исторические условия, при которых появились эти ответвления ислама, а также духовная и политическая роль, которую играли и играют суфизм и ваххабизм в контексте исламского возрождения показало, что различия между ними на уровне теории и религиозной практики вызывают конфликты между последователями этих двух направлений ислама (127).

Ваххабизм, заявивший о себе особенно активно в Дагестане и Чечне, на кавказской почве стал по существу оружием в руках националистических и сепаратистских движений, явился мощным дестабилизирующим фактором. Будучи на деле сектантской доктриной, он характеризуется крайней политизацией и религиозной нетерпимостью, становясь первым шагом на пути политического экстремизма. В России он распространился в основном в среде молодежи, и стал серьезным и долгосрочным фактором дестабилизации на почве социальной напряженности и религиозной нетерпимости. Экстремистские проявления среди мусульман зачастую имеют корни в недовольстве населения процветающей коррупцией в местных структурах власти. Проблема ваххабизма достаточно сложная и требует ответственного подхода. Необходим целый ряд юридических и образовательных мер для улучшения ситуации на Северном Кавказе и в России в целом. Опора только на силовые методы ее решения может привести к противоположным результатам (134, 163).

Анализ событий, в которых религиозный фактор активизировался на разных этапах развития чеченского общества, дает основания полагать, что даже «...относительно самостоятельный он может аккумулировать силы этнические, политические и даже военные» (159, с. 28). Известно, что распространение религии на новые территории происходит тем успешнее, чем глубже она проникает в

национальные культуры, обычаи, традиции народов. Бедственное, поистине нищенское положение, безысходность, а также утрата социальных ориентиров в результате массированного манипулирования СМИ привели к формированию социальной ситуации, которая благоприятствовала распространению ваххабитской идеологии. Однако ни ислам как религия, ни мусульмане как верующие не должны нести ответственности за ваххабитский терроризм. За идеей столкновения христианства и ислама стоят силы, заинтересованные в развале России (163).

Распространение фундаментализма, ваххабизма, как и любого другого активного религиозно-политического движения, использующего религию для достижения своекорыстных целей, происходило во многом благодаря идеологической и особенно финансовой помощи извне. Эти движения поддерживались для дестабилизации обстановки в странах, занимавших нелояльные позиции по вопросам международной политики, для изменения их внешнеполитического курса и переориентации его в заданном направлении. С начала 1990-х гг. на Северном Кавказе была распространена идея о том, что «дорога к национальному согласию пролегает через шариат. Однако ваххабитский правопорядок и неудача шариатского судопроизводства в Чечне принесли глубокое разочарование» (163, с. 23).

Ситуация на Северном Кавказе с ваххабизмом остается сложной и неоднозначной. Умеренное крыло ваххабитского движения призывает следовать букве закона, регулирующего религиозную жизнь. Между тем установление шариата, которое умеренные ваххабиты оптимистично откладывают на будущее, скорее всего не будет реализовано, поскольку специфика региона не позволяет говорить о сколько-нибудь серьезных перспективах введения здесь его норм (134).

«Исламский ренессанс» на постсоветском пространстве происходил повсеместно по очень схожему сценарию: появились очаги исламского просветительства, началась критика верхушки конформистского официального духовенства, повлекшая его смещение, возникло исламское политическое движение, образовались исламские партии. Однако в **Узбекистане** существовала своя специфика этого процесса. Традиционалистский ислам здесь и прежде имел сильные позиции, но оставался как бы в подполье. Особенно это было характерно для Ферганы – центра религиозной жизни Узбекистана. Все советские годы не прерывалась традиция религиозной грамотности: муллы частным образом обучали детей, и потому здесь всегда находились люди, способные читать религиозную литературу. Несмотря на борьбу советских и партийных органов с культом святых, особенно ярко проявившуюся в разрушении старинных построек на горе Сулейман-таг (г. Ош), почитание многочисленных святынь все еще сохраняло свою силу.

На рубеже 1989–90 гг. произошли особенно очевидные изменения: был организован хадж; в толстых популярных журналах был опубликован перевод Корана и хадисов; одна за другой открывались мечети фактически в каждом квартале города или кишлака, а их количество приблизилось к уровню Коканд-

ского ханства. Было выпущено немало религиозной литературы. Особенно интенсивно эти процессы шли в сельской местности. В городе ситуация была несколько иная. Так, в Шахимардане экономическое и социокультурное положение отличалось от близлежащих поселков Ферганского р-на – Вуадьяля и Чимиона – более «спокойных», с ярко выраженной системой традиционализма. Хотя факторы, определяющие степень религиозности и соответствующего поведения мусульман различны, тенденций к ослаблению религиозного мировоззрения узбеков не намечается, а религиозные ориентиры продолжают доминировать над атеистическими (31А).

Неорелигиозные движения

Идея религиозного возрождения привела к тому, что в Российской Федерации стали широко распространяться не только традиционные для нашего населения мировые религии, но и неорелигиозные движения [НРД] или течения [НРТ]: на основе традиционных языческих культов начали формироваться и активно развиваться неоязычество и неошаманизм (в т.ч. городской шаманизм), магико-мистические и оккультные учения. Между этими движениями и направлениями много общего, включая веру в целительские возможности их практик. Множество современных образованных людей пропагандируют религиозные и мистические убеждения и взгляды, самоорганизуются в группы на основе идей (само)излечения и духовного поиска и психических трансформаций. По мнению исследователя, последствия практик, подобных НРД/НРТ или шаманизма/целительства не однозначны. Для одних попытки саморазвития в направлении «расширения сознания» – губительны, а для других – целительны (207).

Религиозные движения, связанные с национально-культурным возрождением, существуют во всем мире. И это неслучайно, поскольку и религиозность, и этничность – это способы выражения идентичности. С конца XX в. подобные движения активизировались и в Восточной Европе (Польше, Венгрии), и на постсоветском пространстве (136).

Неоязычество, называемое его адептами «национальной религией», состоит из фрагментов древних локальных верований и обрядов, искусственно привязанных к общей концепции, созданной городской интеллигенцией с целью «возрождения национальной духовности». Фактически это не «возрождение», а конструирование идеологической основы для новой социально-политической общности, причем религия нередко понимается как идеология. Предполагалось, что сплоченность национальной общности будет тем прочнее, чем больше она будет основываться на общенациональной идеологии, апеллирующей к «заветам предков» и к «самобытности». Своим становлением и распространением на постсоветском пространстве неоязычество было обязано прежде всего росту местных националистических настроений, направленных на защиту традиционных культур от нивелирующего эффекта модернизации. Позитивными элементами неязы-

чества стали его экологические ориентации, борьба за охрану и восстановление естественной окружающей среды, спасение природы от разрушительного воздействия современной индустрии (136).

Некоторые неоязыческие течения и организации, наряду со становлением национального самосознания (от появления отдельных мифологем до формирования теорий национализма), краеведческими и фольклористическими движениями, вылились в движения национально-культурного возрождения. Однако такие случаи встречались нечасто. Гораздо чаще неоязыческое движение проявлялось в виде ангажированной политической активности (114, 136).

Это движение охватило в основном христианские регионы и было тесно связано с ростом этнонационализма. С его помощью этнонационализм стремился достичь своих целей в политической, социальной и культурной областях. При модернизации и деэтнизации материальной среды происходил «этнический сдвиг» в интеллектуальной и духовной сферах. В поисках своей идентичности национализм создавал свою собственную идеологию, причем конструирование ее – результат деятельности урбанизированных и секуляризованных интеллектуалов (136). Эта среда во многих регионах Восточной Европы способствовала созданию неоязычества. В 1970-е гг. подобные движения начали возникать не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, в Закавказье, на Северном Кавказе, где они значительно отличаются от европейских и прибалтийских аналогов.

Диевтуриба **Латвии** возникла еще в 1920-е гг., Ромува Литвы окончательно сформировалась в конце 1960-х. Первоначально Диевтуриба была направлена на реконструкцию латвийской античной мифологии, религии, и в целом – на формирование новой религиозной системы. Современная ситуация в движении Диевтуриба характеризуется тем, что не существует идеологического консенсуса среди членов этого движения. Диевтуриба как идея гораздо шире и глубже, нежели это может показаться на первый взгляд. Неслучайно, что и в довоенной Латвии, и теперь, ее идеи в той или иной степени исповедовали и исповедуют люди с разным образованием и социальным статусом (121).

В **Литве** духовный аспект этнического религиозного движения Ромува больше идентифицируется с местными традициями, древним балтским наследием, которое сохраняется в традиционной народной культуре. Однако в нем используются и некоторые элементы из христианской и восточной (индийской) религий (136).

Православная церковь на Украине

В 1990-е гг. произошли значительные изменения в конфессиональной жизни Украины. Вместе с либерализацией политической системы началось естественное регулирование конфессиональных приоритетов, существенно изменившее конфессиональные отношения, которые были искусственно установлены государством в советский период. В результате к концу 1996 г. ситуация стала стабилизироваться. Начала формироваться система церковных структур централь-

ного и локального уровней, существенно снизился темп роста числа религиозных общин, закончился этап деления и передела зон влияния основных конфессиональных групп (за исключением деятельности Украинской автокефальной православной церкви [УАПЦ]). Эта ситуация свидетельствовала о формировании на Украине системы конфессиональных приоритетов, которая и стала определять межконфессиональную, политико-конфессиональную и конфессионально-трансформационную ситуацию в государстве (110).

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Переписи населения

Для сравнения и обобщения мировых и локальных процессов и тенденций и прикладные, и фундаментальные исследования в социально-культурной антропологии/этнологии должны строиться с использованием данных переписей населения – важнейшего источника сведений о состоянии общества и государства. В публикациях нашей серии, посвященных переписям населения, были обсуждены теоретические, методологические и практические проблемы Всероссийской переписи населения 2002 г., подверглись критике традиционные методы определения этнического состава населения страны и ее языковых особенностей, а также были предложены меры для обеспечения получения более надежных данных. После критической оценки проекта перечня национальностей для этой переписи, представленного Роскомстатом, Институт этнологии и антропологии РАН составил свой список. Попутно были обсуждены концепции этничности и этнических категорий (132, 145). Историко-антропологический анализ переписи 2002 г. показал, что в России снова переписывались «народы», а не «идентичности» в рамках одного российского народа, тем самым, по мнению В.А. Тишкова, она не выполнила свою основную миссию – «создать народ для государства» (161, с. 38).

Демографическая ситуация в России

На материалах переписей населения 1959–1989 гг. был основан анализ демографической ситуации в столицах союзных и автономных республик РСФСР. В столицах бывших союзных и автономных республик в наиболее острой форме сталкивались интересы различных национальных групп населения. В первую очередь, это были языковые интересы титульных национальностей и русских, что во многом стало питательной средой для национал-экстремизма. Последовательное увеличение доли титульного населения в городах и, особенно, в столицах различного уровня республик, расширяло демографическую базу для роста национального самосознания, укрепляло социальную иерархию, наращивало претензии в управленческой и распределительной сферах. С другой стороны, политика по отношению к нетитульному населению, особенно в авто-

номиях, состояла в замалчивании их проблем и полном игнорировании их интересов (32А, 33А).

Исследование этнодемографических и гендерных проблем в городах Подмосковья в 1990-е гг. показало, что территориальная близость к Москве обуславливала вовлечение населения региона в хозяйственно-экономическую и культурную жизнь мегаполиса, воздействовала на весь уклад жизни населения Подмосковья. В результате анализа динамики популяций, особенностей естественного прироста и миграций, формирования и стабильности семьи, влияния миграции населения на межэтнические браки, отношения молодых людей к браку и семье и т.п., был сделан вывод, что социально-экономические перемены окажут заметное влияние на структуру населения Московской области. В частности, усиление экономической и социальной дифференциации, увеличение количества личного транспорта, планируемое перенесение ряда предприятий и учреждений из Москвы в область не смогут не отразиться на численности, составе и расселении жителей Московской области (138).

Различные типы демографических данных по абхазским долгожительским селениям 1970–80-х гг. и начала 2000-х гг. были подвергнуты сравнительному анализу, который показал, что там произошло значительное снижение показателей не только по продолжительности жизни населения, но и общего числа жителей Абхазии, снижение рождаемости в сельской местности и процента детей в семьях, и доли домашних хозяйств с трудоспособными супругами и детьми. Одновременно произошло увеличение доли пожилых людей и семей с пожилыми членами семей, а также одиночек. Основными причинами негативных изменений, по мнению авторов, стали урбанизация и эмиграция, особенно молодежи, увеличение смертности представителей старшего поколения в результате стрессовой военной и послевоенной обстановки. Однако в целом абхазская традиционная система жизнеобеспечения, отличающаяся сложным механизмом функциональной устойчивости, включающей преодоление стрессовых ситуаций, помогла существенно уменьшить потери в исследуемый период (184).

Этнические миграции из-за рубежа

Помимо этнодемографических процессов в российских регионах, особое внимание было уделено проблемам этнических миграций. Базисный анализ этнической структуры населения во всех национальных образованиях СССР и за рубежом, естественного движения населения, а также миграционных и ассимиляционных процессов по данным переписей 1959, 1979 и 1989 гг. показал начальный этап изменения структуры населения страны в связи с этническими конфликтами, рост миграционных процессов (15А). Автор уделил особое внимание возможному влиянию закона о гражданстве РФ (2002 г.) на миграцию русских из стран ближнего зарубежья, в частности из Средней Азии (160).

Специальное исследование было посвящено новой для российской демографии проблеме гастарбайтерства. Были изучены проблемы и основные цели экономически мотивированной трудовой миграции гагаузов из южных районов Молдавии, проанализированы причины и направления миграций, профессии, доходы и расходы гастарбайтеров. Синхронный и диахронический аспекты трудовой миграции показали положительные и отрицательные последствия ее воздействия на личность, семью, этнос и общество исходного региона (174).

Характеристики миграции гагаузского населения практически не отличались от таковых международной трудовой миграции, а самой притягательной страной для них оставалась Россия. Если в начале 1990-х гг. преобладали причины миграций, связанные с ухудшением межнациональных отношений, законами, ущемлявшими права национальных меньшинств, сужавшие сферы использования русского языка, то к концу 1990-х гг. стали преобладать экономические. Был отмечен центробежный характер миграций. Однако миграционная стратегия не только помогала выжить гагаузским семьям, но и создавала угрозу социальной и культурной маргинализации, деградации личности, распада семей и самой этнической общности. В условиях демографического кризиса в России, возрасставшей потребности страны в миграционном притоке населения существовала опасность «распыления» гагаузского этноса (180).

Россия, по мнению многих памирцев, и не только трудовых мигрантов, – наиболее благоприятная страна для проживания вынужденных мигрантов-исмаилитов, прибывших в Россию из Горно-Бадахшанской области Таджикистана. Как полагает автор исследования, они, с разрешения российских федеральных и региональных властей, вполне могли бы создать свои анклав в ряде областей и краев, где есть заброшенные территории (178).

Несмотря на положительные стороны закона «О гражданстве в РФ» 1992 г. и принятых в 2002 г. поправок к нему, все еще оставались отрицательные моменты, негативно влиявшие на миграцию в Россию из ближнего зарубежья, в т.ч. и русскую (160).

Этнические миграции за рубежом

При осмыслении различных ситуаций и проблем, связанных с массовой миграцией в Российскую Федерацию в постсоветский период и особенно в последние годы, весьма полезным становится обращение к опыту других государств, столкнувшихся с тем же явлением, но гораздо раньше. Так, **Франция** имеет длительную историю иммиграции, **Испания**, наоборот, – более короткую, зато более концентрированную и стремительную. Рассмотрены ситуации, сложившиеся в результате массовых трудовых иммиграций во Францию и Испанию в конце XX – начале XXI вв., и те способы, которыми правительства этих стран пытались решить возникшие проблемы (210, 212).

Иностранцы стали неотъемлемой частью рабочей силы Франции. С прекращением наплыва новых иммигрантов началась стабилизация иностранной общины с высоким уровнем рождаемости. Эволюция североафриканской иммиграции протекала, с одной стороны, под воздействием ассимиляции через межэтнические браки и натурализацию, а с другой – интеграции. Во втором поколении иммигрантов-североафриканцев образовалась новая субкультура, которая представляет собой сплав традиций Востока и Европы. Иммиграция оказала и оказывает влияние на все стороны общественной жизни современной Франции – экономическую, юридическую, политическую, культурную и религиозную. Невысокий образовательный уровень большинства иммигрантов ведет к их «маргинализации» (210).

В **Афганистане** трудовая миграция имеет большое значение в жизни общества, выполняя исключительно важную, стабилизирующую роль. Она позволила определенной части населения Афганистана избежать голода, массовой безработицы, разрухи. Мигрантские денежные переводы поддерживают торговлю и опосредованно – сферу занятости в Афганистане. Существуют серьезные проблемы, связанные с трудовой миграцией. Так, например, «хавала» – неформальный финансовый институт стал организацией финансирования терроризма и наркобизнеса и одновременно – кровеносной системой питающей экономику Афганистана. Другая острая проблема – развитие работорговли. Сети торговли людьми становятся все более обширными и разветвленными, а борьба с ними практически безрезультатной. Можно предположить, что на фоне массовых репатриаций беженцев и значительных потоков внутренних перемещенных лиц Афганистан и в будущем останется страной-экспортером рабочей силы (182).

Интересен опыт **Латвийской Республики**, где эмиграция приняла также огромные масштабы, но влияет на ситуацию внутри страны совершенно противоположным образом. Вступление Латвийской Республики в Европейский Союз поставило перед государством и обществом новые задачи, в т.ч. в сфере миграции. Открытость границ Латвии в ЕС привела к существенным по своей значимости миграционным процессам, прежде всего, трудоспособного населения из республики в «старые» страны-члены ЕС. С другой стороны, возник дефицит трудовых ресурсов в самой Латвии, что стало одним из факторов иммиграции в эту страну. Автор отметил целый ряд серьезных проблем, связанных с этим явлением, которые предстоит решать Латвийскому государству и обществу в соответствии, как с общеевропейскими, так и с собственными национальными интересами (195).

ЭТНОС И ПРАВО

Прикладное направление в юридической антропологии, так же как и сама дисциплина, использует междисциплинарный подход, объединяющий этнологию

ческие и юридические источники, методы и приемы. Работы этого направления раскрывают основные положения и этнокультурную специфику обычного права у различных народов, выявляют и анализируют отражение этнической проблематики в государственных правовых актах и в международной правовой практике. Прикладные аспекты юридической антропологии включают в себя «права народов», «права этнических меньшинств», «права коренных народов» и «права человека».

Особое внимание уделялось взаимоотношениям между национальным законодательством и обычным правом, соотношению обычного и статусного права в государстве, использованию традиционных правовых норм и институтов в современном мире (131, 133, 169). Проанализирована степень реальной социальной значимости традиционных норм права, в особенности кровной мести, на **Сардинии** (169).

Сточек зрения правового плюрализма и монизма исследованы правовые системы **Северного Кавказа**, который имел плюралистическую правовую систему. Здесь институты обычного права и шариата часто использовались жителями вне зависимости от их вероисповедания для разрешения локальных конфликтов. После распада Советского Союза в этом регионе произошло возрождение некоторых институтов и практик адата и шариата, которые считались разрушенными реформами 1920–30-х гг., таких как посредничество, изгнание убийцы из родной деревни, а также кровной мести. Более того, в начале 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа, наряду с постепенным отказом от советских норм и правовых институтов, происходила инкорпорация в местные кодексы некоторых норм адата и шариата. Были отвергнуты взгляды на северокавказский адат и шариат как на «искусственное обычное право», созданное русскими колониальными властями, и как на «пережиток первобытного общества», коренящийся в архаичной социальной структуре кавказского крестьянства. Автором была применена концепция правового плюрализма к правовому полю современных сельских поселений на Кавказе (131). В то же время Северная Осетия была единственной республикой Северного Кавказа, где государством была создана монистическая правовая система с ограничением норм обычного права. Одна из причин этого в том, что в течение многих веков осетины были объектом православного влияния. В результате – большая часть современного осетинского общества исповедует христианство и только несколько тысяч осетин – мусульмане, которые проживают в основном в сельской местности (133).

В 1990-е гг. особое значение приобрели проблемы природных ресурсов в жизни коренных народов России, определения и правового регулирования традиционного природопользования. Конституционные основы защиты прав коренных малочисленных народов РФ реализуются в проведении этнологической экспертизы в суде, судебной защите прав коренных народов и прецедентах судебных разбирательств по правам коренных народов. В частности, рассмотрены

антрополого-правовые аспекты судебной защиты прав на традиционное природопользование в **Иркутской области и Эвенкии**. Судопроизводство представлено в соответствии с эволюцией законодательства и практики, проанализированы разбирательство и решение суда с юридической и антропологической точек зрения. На основе реальных судебных документов такого процесса доказывалась необходимость проведения этнологической экспертизы в рамках судебного разбирательства для правовых оснований судебных решений (189).

Проблемы представительства коренных народов в органах власти и управления, самоуправления и их правового статуса изучались на основе опыта США в отношении коренного населения **Аляски**. По своим политическим и социальным функциям общины коренных жителей США в корне отличается от традиционных общин, являясь совершенно новым социально-политическим образованием. Взаимоотношения туземцев Аляски с правительством США включают четыре специфических подхода в их реализации: 1) защита туземных земель и ресурсов; 2) развитие системы социальной защиты; 3) защита средств жизнеобеспечения; 4) содействие туземному самоуправлению. Автономный статус аборигенов обеспечил их некоторыми привилегиями, например, регулирование собственного членства в общинах. Интересы коренного населения Аляски представляет огромное количество институтов. На первый план выдвинулась проблема защиты культурной самобытности туземных общин путем активизации политической власти органов самоуправления. Однако нечеткость критериев, по которым различаются эти формы самоуправления ведет к тому, что общины подпадают под двойное управление (53).

ДИАСПОРЫ И ЭТНОСОСЛОВНЫЕ ГРУППЫ

Диаспора – часть этноса, проживающая вне территории своего происхождения или традиционного расселения, образующая сплоченную и устойчивую этническую общность в новом месте проживания, поддерживающая свою идентичность и элементы традиционной этнической культуры. Подробно рассмотрена проблема формирования диаспор в СССР и диаспор народов СССР за рубежом, приведен подробный их перечень на территории СССР (15А). Период перестройки и последовавший за ним распад СССР, в обстановке стремительного изменения социально-политических условий жизни и всплеска национального самосознания у представителей практически всех народов, населявших бывшую державу, особенно в тяжелом положении оказались национальные или этнические меньшинства, в т.ч. и диаспоральные, не имевшие на территории СССР, а некоторые и вне его, какой-либо формы государственности (93).

Русские диаспоры

События начала 1990-х гг. привели к тому, что 145 млн. русских, считавших себя гражданами единого государства, имевших одинаковые права, свободно

перемещавшихся в пределах страны, вдруг оказались жителями 15 независимых государств, разделенными государственными границами. С середины 1990-х гг. особое внимание вызывали проблемы русского населения в бывших союзных республиках. Это – государства Средней Азии и Казахстан (51, 94, 190) Украина (36, 190), Прибалтика (36, 52), Молдавия (98, 190), Закавказье (107). Мощные этнонациональные движения конца 1980-х – середины 1990-х гг. и антирусская пропаганда в прессе, замешанные на развале экономик и смене социально-политических систем, привели к явному и скрытому вытеснению русскоговорящего населения из новых независимых государств.

Переход республик в новое качество – независимые государства, – активизировало процесс «национализации» (в смысле усиления национального фактора) этих стран, начавшийся еще в период перестройки. Местной пропагандой интенсивно использовались идеи возрождения своего народа, давшего название государству. Осуществление их на практике отрицательно повлияло не только на психологическое самочувствие русского населения, но и на экономическую, политическую, культурную, дипломатическую и другие стороны жизни этих государств (36).

Существенно возрос миграционный отток русских из бывших союзных республик. Для того, чтобы остаться в республике нужно было либо приспособиться к предложенным условиям, либо отстаивать свои права в политической борьбе. Проблемы русских и русскоязычного населения, их взаимоотношения с титульным населением в бывших союзных республиках оказались в центре общественно-политической жизни этих стран, получили сильный международный резонанс, зачастую становились фактором межэтнической напряженности.

Вопрос о положении русских (как и других национальных меньшинств) в той или иной форме существовал в тот период в большинстве новых суверенных государств, но степень остроты его в них была различна, как и пути решения. При всей многовариантности этнокультурных ситуаций, сформировалось два основных подхода в решении национальных вопросов в этих странах. В первом случае многонациональность воспринималась руководством и титульной нацией как негативное явление, созданное советской системой, и власти законодательным путем, ограничивавшим гражданские права русскоязычных жителей, пытались вытеснить их из страны. Такая практика нарушала права человека, создавала обстановку нестабильности. Подобный подход использовали Молдавия, Латвия, Эстония, некоторые государства Закавказья и Средней Азии. Во втором случае проблемы национальной жизни решались более мягко, исходя из реальности. В этом случае морально-политический климат в стране был значительно спокойнее (например, Белоруссия), чем там, где использовался дискриминационный подход.

Значимым фактором, влияющим на социально-экономический статус русских, стало принятие законов о гражданстве. В некоторых странах ближнего зарубежья России он лишил гражданства, а, следовательно, и значительных по-

литических и экономических прав большую часть русскоязычного населения, проживавшего в них. Особенно резко представительство русских уменьшилось в органах государственного управления.

Состав русской диаспоры неоднороден по регионам, различия между русскими, проживающими в Грузии и Латвии, Эстонии и Узбекистане очень существенны. Эти особенности, а также длительность их проживания в данном регионе, перспективы на будущее, отношения с местным населением, потребность новых государств в рабочей силе – все это влияло на отношение к русскому меньшинству новых государственных структур и представителей титульной национальности (36).

Для русскоязычных газет стран **Балтии** основными темами в 1991–92 гг. были сложное гражданско-правовое положение русскоязычных; проблема вывода т.н. «оккупационной» армии; экономическая блокада стран Балтии со стороны России; территориальные претензии с их стороны к Российской Федерации (36). Так, в Латвии и Эстонии этнонационализм стал не просто средством политической мобилизации и доступа к власти, а прежде всего «средством терапии» от «исторической несправедливости», «которую испытали многие советские народы» (52, с.5). В результате стойкая приверженность доктрине этнонационализма оттеснила на второй план вопросы обеспечения прав человека и меньшинств, отдав приоритет национальному самоопределению. Неблагоприятные для титульного населения Эстонии демографические тенденции подпитывали рост этнического национализма (52).

В корне отличалось положение русских в **Белоруссии**. Этнокультурная близость их с титульной нацией позволяла с давних пор накапливаться положительному опыту межнациональных контактов, создавалась атмосфера национальной и конфессиональной толерантности, хотя порой и приходилось решать сложные вопросы взаимодействия православия и католичества, белорусов с русскими, поляками и др. Но всегда такие проблемы решались мирным путем.

Всплеск национального возрождения во второй половине 1980-х гг. коснулся не только белорусского народа, но других народов, населяющих Белоруссию, в т.ч. и русских. В области языка сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на развитие белорусского языка, многие белорусы предпочитали общаться на русском языке. По данным переписи 1989 г., 85% жителей Белоруссии были двуязычными, из них 79% назвали своим вторым языком – русский. К началу 1990-х гг. на территории Белоруссии основные общественные функции выполнял русский язык.

В основу государственной национальной политики независимой Республики Беларусь была положена концепция, согласно которой она представляет собой многонациональное государство, которое должно обеспечивать интересы всех народов, проживающих на ее территории. Таким образом, положение национальных групп было защищено законодательно. Важным гарантом устойчивости социального и политического положения русских в новом государстве стало пред-

ставительство русских в структурах власти, в общереспубликанских общественных и культурных движениях и организациях. Проблемы удовлетворения национально-культурных потребностей русское население решает в национально-культурных обществах (60).

Молдавию можно отнести к тем государствам нового зарубежья, политика которых в отношении своих жителей нетитульной национальности в первые годы государственной независимости была сравнительно жесткой. Согласно законам о языке, о государственной службе, замещение всех руководящих постов и должностей, связанных с общением, обуславливалось обязательным знанием государственного (молдавского) языка. Русское население Молдавии, как, впрочем, и других бывших союзных республик, отличалось высокой степенью урбанизированности. Если в конце 1970-х – начале и середине 80-х гг. миграционные связи России и Молдавии определялись отъездом из республики как русского, так и молдавского населения, то с конца 1980-х – начала 90-х гг. существенно возрос миграционный отток русского населения в Россию. Эти миграционные потери усугубились начавшейся с 1993 г. естественной убылью русских в результате превышения у них смертности над рождаемостью (98).

Самыми болезненными для русского населения Молдавии стали вопросы воссоединения ее с Румынией и отделения Приднестровья (36). Они создавали психологический дискомфорт и нестабильность в жизни русскоязычного населения. В период этносоциологического обследования (1993 г.) русские отмечали ухудшение в межнациональных отношениях в течение последних лет, причем русские Правобережья в два раза чаще, нежели жители Приднестровья (98).

Опрос 1996 г. уже показал, что в Молдавии наметились некоторые тенденции к изменению в межнациональных отношениях: доля пессимистично оценивающих будущность межнациональных отношений снизилась до 27%, а тех, кто надеялся на их улучшение, стало заметно больше – 20%. Однако при весьма сложной ситуации, сложившейся в трудовой сфере у русского населения Молдавии к середине 1990-х гг., здесь появились определенные шансы на более или менее успешную адаптацию в новых условиях жизни наиболее инициативных, хорошо профессионально подготовленных русских, а также части рабочих и специалистов индустриального профиля русской национальности (98).

В центре внимания русскоязычной прессы **Украины** стояли разногласия между Россией и Украиной, причем важнейшими среди них были экономические (36).

По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в новых государствах **Средней Азии и в Казахстане** проживало 9,5 млн. русских, которые составляли 19,3% от всего населения, в т.ч. в Киргизии – 21,5%, Таджикистане – 7,6%, Узбекистане – 8,4%, Казахстане – 37,8%, Туркменистане – 9,5%, в основном это – горожане (51). Большая часть русских этого региона относилась к старожильческому населению. При советской власти поток мигрантов из России возрос, по-

скольку индустриализация региона осуществлялась в основном силами приезжих специалистов. Прирост численности русских остановился лишь в 1970-е гг., и в последующие два десятилетия их абсолютная численность и доля в составе населения Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана стабильно сокращались. Это было связано прежде всего с высокой рождаемостью в среде титульного населения, усилившейся миграцией его в города из сельской местности, и постепенным оттоком русскоязычного населения за пределы Средней Азии (51).

В пропаганде новых независимых государств Средней Азии также ощущалось давление на русскоязычных, вытеснявшее их из этих стран. Русское население бывших республик Средней Азии и Казахстана отреагировало на изменение своего социально-культурного и политического статуса тем, что в политической сфере заняло позиции противоположные тем, которые занимало руководство республик их проживания и титульные нации. В этих государствах сложились движения гражданской и демократической направленности, выдвигавшие также национальную идею. Однако слабая политическая активность русских в Средней Азии, что во многом было следствием утраты ими надежды на благоприятные перспективы дальнейшего своего пребывания в этом регионе, обусловила преобладание в их среде эмигрантских настроений, за исключением большей части русских Казахстана (51).

К 2000-му г. произошла стабилизация обстановки, и начал развиваться новый феномен – адаптация русских предпринимателей в новом зарубежье. Процессы становления и развития предпринимательской деятельности русских в иноэтничной среде представляют интерес как сами по себе, так и с точки зрения выживания всего русского населения в резко изменившихся после суверенизации республик социально-экономических и этнополитических условиях. Переход в новый социальный слой в целом способствовал решению многих социально-экономических проблем русских, но не решал ни этнокультурных, ни этнополитических (190).

Касаясь положения русских в национальных республиках России (**Коми, Татарстан, Саха-Якутия, Тува**) в работах серии отмечалось, что они там к середине 1990-х гг. находились в обстановке скрытого межэтнического и, порой, межконфессионального идеологического противостояния и напряжения, нередко регулируемого и инициируемого местными идеологами. Республиканские идеологические структуры в значительной степени способствовали политике протекционизма титульным этносам в своих республиках. Цели и задачи русских общин в российских республиках зачастую были не сформулированы или носили весьма абстрактный характер, что вело к ослаблению у их членов национального самосознания. И если, с одной стороны, это в какой-то степени смягчало остроту этнических противоречий, то с другой, – свидетельствовало о том, что большая часть населения республик не всегда могла реализовать свой этнокультурный потенциал (95).

Этническая и гражданская идентичность русских в республике Коми также существенно отличалась от других этнических групп. По сравнению с представителями республики титульной национальности, русские были теснее связаны со своим этносом и их чувства этнической солидарности были достаточно сильными. И у русских, и у народа коми доминировал федералистский менталитет. Тесное этническое взаимодействие между ними проявлялось на уровне личных контактов. Несмотря на положительную в целом атмосферу, царившую в межнациональных отношениях, наблюдалось определенное противостояние между ними, которое выражалось, прежде всего, в общественных настроениях населения. Этнокультурные устремления русских характеризовались в целом как ориентированные на интернациональные, профессиональные и современные формы культуры (106).

Казачество

Движение казачества зародилось в годы перестройки. Объясняется это реакцией на поднимающийся в стране национал-экстремизм и этносепаратизм и возникшей необходимостью защиты собственных интересов. С принятием 26 апреля 1991 г. «Закона о реабилитации репрессированных народов» стало возможным говорить о наличии соответствующего явления в современной жизни страны (109). Были рассмотрены мифическая и реальная картина казачьего возрождения, его предпосылки и причины, процессы восстановления на исторических территориях казачьих войск, возникновения новых казачьих общин и организаций (58, 109).

Методологически важным стало определение казачества в социальной иерархии. Известно две точки зрения, определявшие казачество либо как сословную группу, либо – как этнографическую. Автор исследования предложил определять эту группу как этносословную, поскольку в ее формировании были задействованы наряду с этническими (включая сильное межкультурное взаимодействие) и социальные факторы, а также – исторические, политические, географические и др. (28А, с. 18).

Развитие политической ситуации на Северном Кавказе с начала 1990-х гг. – вытеснение России из сферы ее геополитических интересов, события в Чечне и вокруг нее, поставившие под вопрос территориальную целостность Российской Федерации, – все это способствовало развитию казачества как движения со своими идеологией и программой, взаимоотношениями с властью (58, 109).

С 1992 г. было принято множество юридических актов, касавшихся казачества, образованы государственные структуры, работавшие с казаками на федеральном и региональном уровнях. К концу 1997 г. на территории России было зарегистрировано 438 общественных объединений казаков в 75 из 89 субъектов федерации (109, с. 9).

В сложившейся социально-экономической и политической обстановке возрождение казачества пытались использовать в своих прагматичных интересах

разные политические силы. Наблюдалась борьба многообразных направлений и в самом казачьем движении (58, 109). Особую роль сыграло казачество в вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве. Однако вопреки заявленным позициям и ожиданиям, возрождающееся казачество не стало «оплотом русского выживания» (109, с.5). И все же в условиях кризиса системы и дезинтеграции страны стихийно растущее казачье движение обладало достаточной жизнеспособностью. К 2000-му г. была пройдена первая стадия возрождения казачества, определившая место казачьих организаций в политической и государственной структуре России (58).

Немцы

Одна из самых крупных диаспор в России – немцы, чья история переселения, численность и расселение представлены в анализируемых работах. Первые немецкие поселения появились в Поволжье в 60-е гг. XVII в. Для этнических процессов были характерны как консолидационные, так и ассимиляционные тенденции. С середины XX в. шел процесс отхода поволжских немцев от многих специфических элементов традиционной духовной культуры. Однако еще быстрее развивался процесс ассимиляции в области материальной культуры. К середине 1990-х гг. среди них были уже широко распространены национально-смешанные браки (88, 117).

До 1991 г. экономическое положение немецкого населения было вполне благоприятным. В районах их компактного расселения успешно развивалось сельское хозяйство, было немало передовых колхозов и совхозов. Уровень социального и экономического развития был выше, чем у живших рядом с ними народов (русских, украинцев, казахов, киргизов). Советские немцы были представлены в советах разных уровней, в т.ч. и Верховном Совете. Уже в этот период стала очевидной необходимость восстановления автономной республики немцев Поволжья. Не менее важным вопросом, чем национально-государственное строительство для немцев Поволжья, было национально-культурное развитие всех групп немецкого населения (2).

Усилившийся процесс ассимиляции и существенное изменение общей этнополитической ситуации стали основными причинами активизации национального немецкого движения и актуализации этнического самосознания. Активно развивавшееся движение за возрождение национальной культуры и языка оставалось неотъемлемой частью этнокультурной ситуации в конце 1980-х – начале 90-х гг. (88, 117). Однако планы восстановления немецкой автономии в Поволжье стали конфликтогенным фактором в этом регионе. Тем не менее начался процесс переселения немцев в Поволжье, желавших жить на территории будущего национального округа или района. Большинство из переселенцев – немцы-беженцы из стран бывшего СССР. Отношение местного населения к ним было в основном положительным (88). В тот же период увеличился поток эмиграции

советских немцев, среди них и потомков меннонитов, в ФРГ. Их эмиграция за рубеж приобрела настолько большие масштабы, что в условиях активной ассимиляции ставит под сомнение сам факт существования в будущем большинства групп российских немцев (19А, 117).

Меннониты России – это этноконфессиональная группа, складывавшаяся в условиях эмиграции. Будучи потомками одной из ветвей меннонитского движения, они оторвались от нидерландской основы, прижились на какое-то время в Польше, а затем, в 1789 г., появились в России (19А). В настоящее время потомки меннонитов приписывают себя к немцам, хотя отчетливо понимают, что они и немцы – не одно и то же. От немцев их отличают бытовой язык, брачная эндогамность, рамки которой в последнее время быстро размываются. С разрушением конфессиональных запретов у нынешних неверующих потомков меннонитов отсутствует тот комплекс ограничений, которого они придерживались прежде. Однако пока существует компактность проживания потомков меннонитов и брачная эндогамность, будут жить их язык, быт, культура и традиции, а, следовательно, и сама этническая общность. Сохранению ее способствуют также занятия сельским хозяйством и отсутствие конкуренции в профессиональной области (19А).

Евреи

В России самая большая еврейская диаспора находится в Москве. Этнокультурная ситуация среди евреев столицы в постсоветский период характеризовалась активизацией деятельности многочисленных еврейских структур в различных областях общественной жизни. В число еврейских организаций, функционировавших в городе, входили конфессиональные, светские, культурные, научные подразделения, школы, колледжи, а также синагоги различных направлений иудаизма. Проводились фестивали искусств, издавалась обширная литература на иудейские темы, появились еврейские газеты и журналы (в т.ч. и на русском языке) и пр. Тем не менее, оценки и прогнозы многих экспертов были довольно пессимистичны. Процессы аккультурации и ассимиляции рассматривались многими из них как «точка невозврата». Демографическая ситуация стала слишком отрицательной, а эмиграция в недавнем прошлом была слишком интенсивной (194).

При исследовании иудаизма как богословской, этической и юридической системы, основных этапов его истории и современных тенденций его развития в России неизбежно встает вопрос: каковы реальные перспективы у древней еврейской религии на российской земле? По социологическим опросам 1990-х гг., верующие евреи представляли собой лишь незначительную долю в современном русском еврействе, в то время как преобладающая часть его состояла из практически религиозно нейтральных людей. Тем не менее с конца 1980-х гг. в России неуклонно росло число реально действующих религиозных общин и функционирующих синагог.

Одной из причин иудейского ренессанса стала конфессиональная и национально-этническая политика новой России. Государство и общество продемонстрировало свое уважение к иудаизму и его институтам (как и к другим религиям). Религиозная ситуация среди московских евреев в 1990 г. разительно отличалась от существовавшей в советское время (125).

Однако число людей, реально участвовавших в жизни религиозных организаций, существенно превышало тот небольшой процент «верующих евреев-иудеев», представленный в социологических выкладках. Этот парадокс объяснялся и простым интересом к религии предков, и разнообразной благотворительной деятельностью религиозных учреждений. Таким образом, энергичные усилия, предпринимаемые еврейскими религиозными организациями и отдельными энтузиастами (как внутри страны, так и за рубежом), не привели к всплеску реальному возрождению иудаизма, в частности среди русских евреев Москвы (125, 137).

Образование играет важную роль в процессах консолидации любого народа, особенно интерпретация его истории. По сравнению с советскими временами и началом 1990-х гг. был достигнут определенный прогресс в преподавании истории российских и советских евреев: во многих новых учебниках истории так или иначе присутствуют еврейские сюжеты, но по-прежнему остается немало вопросов к авторам, которые обходят самые острые, болезненные темы современного российского общества, касающиеся т.н. «еврейского вопроса» и еврейской истории в целом (209).

В разные исторические периоды ситуации, подталкивавшие людей эмигрировать, и условия эмиграции менялись. Большое влияние на эмиграцию евреев в США из СССР до и после его распада оказывала американская иммиграционная политика, что предопределяло как мотивы эмиграции, так состав и размер потока эмигрантов. Включение евреев-эмигрантов в американскую жизнь в целом проходило успешно, они достаточно быстро становились финансово независимыми. Скорость и особенности процесса адаптации зависели от возраста, профессионального опыта, культурного прошлого и мотивационного настроя эмигрантов. Однако с конца XX в. общая ситуация в США изменилась, усилились антииммиграционные настроения. Началось сокращение части социальных программ, включая тех, которыми могут пользоваться иммигранты. Это отразилось тем или иным образом на размере и составе потока иммигрантов. В то же время «...представляется маловероятным, чтобы эмиграция из России прекратилась. Выталкивающие силы по-прежнему существуют...» (99, с. 20).

Поляки

Демографическая ситуация польского этнического компонента накануне распада СССР (1989 – 1126 тыс. чел.) имела в своей основе те же исторические реалии, которые сложились в XVIII в. в контактных зонах, очерченных восточными

границами Речи Посполитой вместе с Великим Литовским княжеством и Курляндией до их захвата Россией в 1772–1795 гг. Остальные польские анклавные территории на территории царской России возникли в основном в конце XIX и начале XX вв. вследствие массовых политических ссылок, стихийной и организованной миграций, вызванных капиталистическим развитием России, а также, в меньшей степени, колонизацией свободных земель крестьянским населением (Иркутская область и Алтайский край).

Польское население в СССР состояло в основном из ряда региональных этнических образований, представлявших собой этнические компоненты различных пространственно-временных этнокультурных комплексов, не имевших ни культурного единства, ни национального центра. Этническая самоидентификация в основном базировалась на осознании своей принадлежности к польскому народу, и в меньшей степени, – на отличительных чертах польской культуры или языка. Религия стала главным этническим признаком в польских автономных образованиях СССР раннего советского периода (27А).

Положение польского национального меньшинства в Литве, его взаимоотношения с нацией большинства представляло собой довольно серьезную проблему для межнационального согласия в республике. Причины этого кореньяты и в негативном историческом опыте взаимоотношений Польши и Литвы, и в непродуманных действиях «Саюдиса», а впоследствии и правительства, и в наличии различных политических ориентаций внутри польского национального движения, и в низком социальном статусе большинства поляков Литвы.

После прихода к власти саюдистское правительство начало проводить по отношению к польскому меньшинству политику жесткого давления. На фоне волны литовского национального возрождения польское меньшинство оказалось явно в ущемленном положении. В политических доктринах «Саюдиса» был изначально заложен приоритет нации большинства, что и повлекло за собой становление польского национально-культурного движения в Литве и политизацию последнего, тем более, что уровень «польскости» в Вильнюсском крае всегда был значительно выше, чем в других местах проживания российских поляков. Далее, по мнению автора, произошла почти полная переориентация польского национального движения на идейно-политические ценности «балтийского», а в конечном итоге – западноевропейского типа (22А).

Другие диаспоры в России

Диаспора **донских армян** образовалась в период Крымских войн в России в XVIII в., когда, в 1779 г., было организовано массовое переселение греков и армян из Крыма с целью заселения южнороссийских степей людьми, имевшими большой опыт в земледелии, торговле и ремеслах. Донские армяне стали однородной в этнографическом отношении локальной группой, которая сохранила

многие традиции, как характерные для всего армянского этноса, так и специфичные, присущие только им (диалект, фольклор, некоторые обычаи и обряды). Русское влияние проявлялось, главным образом, в широком распространении среди них русского языка, частично – в материальной культуре, в утрате патриархальных черт в семейно-бытовой сфере. Взаимоотношения русских и армян в начале 1990-х гг. характеризовались добрососедством, с устойчивыми дружественными, а нередко и родственными связями. Какой-либо национальной ущемленности армянами практически не ощущалось (6).

На территории Ставропольского края первые **туркмены** появились к 1653 г. с п-ова Мангышлак и прилегающих к нему степных районов. На 2002 г. их насчитывалось почти 14 тыс. чел. (202, с. 5). Относительно высокая рождаемость, их сплоченность и привязанность к месту своего проживания, сравнительно незначительный отток в города и другие районы обуславливали постоянное увеличение их доли в составе населения района. Для туркмен характерны групповая сплоченность, широкие родственные связи, которые подчас охватывают почти все население аула. Национальное самосознание ставропольских туркмен имеет сложную структуру, включающую несколько иерархически соподчиненных уровней самоидентификации. В туркменских аулах существует неформальный социальный институт – совет старейшин. Их основная деятельность – урегулирование конфликтов. Обычай особого уважительного отношения к старшим по возрасту выражался в соблюдении некоторых запретов. Современные тенденции развития народной обрядности туркмен ведут к ее значительному упрощению, укорочению сроков проведения торжеств, вымыванию традиционных элементов. На волнах борьбы с сепаратистскими движениями, зарождавшимися в республиках Северного Кавказа и зачастую идеологически связанными с исламским фундаментализмом, в практику руководящих органов Ставропольского края вошло «крайне настороженное отношение к любой активности этнических групп своего региона, традиционно исповедующих ислам» (202, с. 39).

Усилившиеся после развала СССР миграционные потоки, вызванные новой экономической ситуацией, а также общим беспокойным состоянием, неуверенностью в завтрашнем дне, да и просто порожденные беженством из регионов охваченных межнациональными конфликтами включили в себя многие этнические группы бывших советских граждан, формируя из них новые диаспоры на территории России.

Ассирийцы являются потомками древних семитских племен Ближнего Востока, сохранившими в живом общении один из диалектов арамейского языка. В настоящее время ассирийцы нигде не имеют ни государственности, ни территориальной автономии. По переписи 1989 г., в СССР проживало 26 130 ассирийцев (90, с. 3). Группы ассирийцев, переселившиеся в Краснодарский край из бывших республик советского Закавказья во второй половине 1980-х – начале

1990-х гг., обосновались преимущественно в самом Краснодаре. Из всех нынешних вынужденных переселенцев-ассирийцев лучше всего сохраняют свой язык и обычаи выходцы из Армении, поскольку в местах своего прежнего проживания они имели возможность жить компактно, давать детям начальное образование на родном языке. Ассирийцы из других регионов зачастую говорят по-русски даже дома. Из государств Закавказья их заставили уехать тяжелая экономическая ситуация и резкое обострение неприязни к ним с начала карабахского конфликта представителей титульных наций. Новоприбывшие ассирийцы, в отличие от укорененных, более трудолюбивы, предприимчивы, среди них значительно ниже процент безработных, их материальное положение выше. Они в значительной степени сохранили и соблюдают многие элементы традиционной ассирийской культуры: свадебную, праздничную обрядность, восточное гостеприимство и т.п. Среди них очень низок процент смешанных семей. С ростом антикавказских настроений в России отношение местного населения к представителям «южных» национальностей значительно ухудшилось. Однако антиассирийских настроений не наблюдалось, они никем не инспирировались в отличие от антитурецких, антиармянских и антикавказских вообще. Местные власти считали ассирийцев самой спокойной из всех переселенческих групп (93).

При активной включенности **греков Закавказья** в жизнь Грузии и всей страны в советский период, при их большой мобильности, сплошном владении русским языком сохранялись в очень высокой степени этнические особенности их культуры и самосознание. Этностабилизирующими факторами были компактное расселение, мононациональные браки, осознание своей общности и культурно-просветительская деятельность. Межэтнические отношения в Грузии конца 1980-х – начала 1990-х гг. определялись стремлением определенной части грузинского народа к самостоятельному государственному образованию и как следствие – к провозглашению грузинского языка государственным. Неустойчивое политическое положение в республике, чувство неполноправия, второсортности людей, которые живут, как «гости» на «чужой земле», формировали у греков установку на выезд из Грузии. Эмиграция греков в этот период, особенно в Грецию, приняла большие размеры. По мнению исследователя, только территориальная, административная автономия, причем на территории РФ, наряду с другими мероприятиями, могла остановить эту эмиграцию (8, 13А).

Важную роль в адаптации переселенческих инонациональных групп в постперестроечный период стали играть национально-культурные общества [НКО] и общественные объединения диаспор. Роль НКО в жизни общества сводится к ряду внешних и внутренних функций. К внутренним функциям относятся сохранение духовно-культурного потенциала, формирование национального самосознания, этническая социализация. Основная внешняя функция – «национальная консолидация и предотвращение межэтнических конфлик-

тов»¹¹⁴. НКО также оказывают правозащитную и иную поддержку землякам. Так, у **московских бурят** эта организация выполняет следующие функции: интеграционную, заключающуюся в помощи отдельным представителям землячества; адаптационную, которая способствует оптимальному вхождению новых представителей общины в московский социум; межкультурную – выработка оптимальной модели взаимодействия с представителями других НКО; представительскую – представление интересов общин во властных структурах; социализирующую – обеспечение выработки навыков коммуникации в полиэтничном столичном мегаполисе (199).

Национальные объединения **узбеков** в Санкт-Петербурге, Астрахани и Красноярске также оказывают реальную помощь своим соотечественникам в решении их повседневных проблем. Эти своего рода «диаспоры» служат медиаторами, посредниками между государственными органами, с одной стороны, и массой трудовых мигрантов, с другой (222).

Западная Европа

За исследуемый период (конец 1980-х – 10-е гг. XXI в.), как в отечественной, так и зарубежной литературе появилось немало исторических, этнографических и социологических работ, посвященных **российским финнам**. В России это было в известной мере обусловлено активно проявившимся в перестроечный и последующий периоды интересом к судьбам малых народов страны. Особое внимание уделялось тем из них, которые подверглись репрессиям и депортациям в сталинский период. К их числу принадлежали и российские финны, которые были реабилитированы лишь в 1993 г. В работах серии проанализированы проблемы адаптации этнических финнов-репатриантов из бывшего Советского Союза в Финляндию, включающие вопросы социальной поддержки и трудоустройства, их языковые проблемы и процессы интеграции в принимающее общество (168), и опыт Финляндии по адаптации традиционных меньшинств, издавна проживающих в этой стране (221).

Опыт поиска мирных решений проблем национальных меньшинств в странах Восточной Европы в 1990-е гг. показал, что общие принципы политики защиты меньшинств и концепции отдельных государств должны базироваться на выполнении определенных условий: 1) национальные меньшинства должны обладать теми же гражданскими, политическими, экономическими, культурными правами, которые имеет доминирующий этнос; 2) необходимо обеспечить условия, позволяющие им сохранять и развивать свои культурные особенности, язык, религию и т.д.; 3) в ряде случаев национальным меньшинствам нужно предоставить определенные льготы; 4) обязательно надо искать мирные пути демократического сосуществования различных групп в обществе, ориентироваться на диалог и не допускать этнических конфликтов и военного решения спорных вопросов (91).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня прикладные антропологи/этнологи – это практики, использующие в своих исследованиях кросс-культурный подход и методы своей науки. По образному выражению М. Баба, «прикладная антропология наводит своего рода мосты между культурными мирами. Она объединяет уважение к культурным различиям с пониманием общего в человеческом развитии»¹¹⁵. Они работают в сотрудничестве со специалистами из других направлений культурной антропологии и даже других отраслей знания. Такой подход помогает конструировать и реализовывать программы и планы, способствующие снятию напряжений в межгрупповых и межличностных контактах для достижения наиболее благоприятных результатов в политическом, социально-экономическом и этнокультурном развитии человеческих сообществ.

Будущее прикладной антропологии/этнологии, тесно связанной с проблемами, возникающими на стыке теории с практикой, прикладные антропологи видят «во все возрастающей роли этого методологического подхода в построении новой глобальной модели мира»¹¹⁶.

За рубежом антропологи-практики трудятся в бизнесе, управлении, здравоохранении, образовании, в сфере услуг, работают в исследовательских и консалтинговых фирмах, в региональных и локальных органах власти. Они не только консультируют, но и разрабатывают методы решения конкретных проблем человеческого сосуществования в новых социально-экономических условиях, в ситуации кросскультурного взаимодействия. Как правило, они – исследователи, но все чаще становятся администраторами, директорами программ и даже бизнесменами.

Сравнительный анализ тематики прикладных исследований в российской этнологии и англоязычной социальной/культурной антропологии показал, что сходство между российскими и зарубежными специалистами – во внимании к проблемам аборигенных народов, включая их права на землю и природные ресурсы, и миграции, в том числе положения мигрантов в новом культурном окружении.

Специфика отечественных прикладных работ состоит в изучении вопросов межконфессиональных отношений, и в явном преобладании этнополитических исследований (до 75%), тогда как за рубежом на них приходится не более 10% публикаций. Это, как говорилось выше, связано с особенностями социально-политического развития России с конца 1980-х гг. В то же время в англоязычной литературе намного выше доля исследований про-

блем демографии и медицины, образования и подготовки кадров, экономики домохозяйств, бедности и безработицы, социального развития и самоуправления¹¹⁷.

В постсоветской России резко обострились проблемы функционирования этнических общностей, которые включают дезинтеграцию связей и деструкцию механизмов этнокультурного воспроизводства. Произошли глубокие и стремительные изменения в социальной и этнической идентификации. Обострились проблемы «синдрома навязанной этничности», взаимоотношений «титულных» и «нетитулных» этносов. Эти глубокие структурные трансформации повлекли межэтнические конфликты, для решения которых потребовалось изучение новых проблем – этнополитики, конфликтологии, взаимосвязи гражданского и этнического, влияния глобализации на традиционные культуры.

Межнациональные отношения все еще остаются конфликтогенным фактором внутреннего развития в РФ. «В общем, куда ни кинь, всюду клин: ... внутри страны – террористическая война в Дагестане, мощные мусульманские общины в больших городах, сепаратизм на Дальнем Востоке, в Сибири и Поволжье и куча социальных, политических и экономических проблем»¹¹⁸.

Наряду со старыми проблемами, поднимаются новые, например, этноэкологические, связанные не только с загрязнением окружающей среды, но и с изменением климата. Последнее, несомненно, повлечет за собой такие катаклизмы, которые поставят под угрозу само существование части мелких этнокультурных групп, особенно тесно связанных с использованием возобновляемых ресурсов, и не только на Севере страны, но и на Юге. Недооценка этноэкологического фактора уже приводит не только население какого-либо региона, но этнокультурные общности в целом, на грань экологической катастрофы и к ошибкам в оценке уровней развития тех или иных человеческих сообществ. Другой конфликтогенный фактор – межконфессиональные отношения. По словам А. Левинсона, руководителя отдела социокультурных исследований Левада-Центр, «...пока что мир скатывается в конфронтацию. И Россия не исключение. Я вижу, что противостояние очень вероятно, но в нем мы вряд ли победим...»¹¹⁹. Одной из важных составляющих социального напряжения в России, переходящего в межнациональное, остается демографическая ситуация в целом по стране и по отдельным регионам, в частности (ее неравномерное развитие). Перспективными видятся, с точки зрения изучения исторического опыта мирного сосуществования разных этносов, фундаментально-прикладные исследования проблем пограничья¹²⁰, образования и функционирования новых диаспор, прежде не характерных для России (китайцы, вьетнамцы, афганцы и т.п.) и многие другие. Фактически, любая социальная, эко-

номическая, культурная проблема в нашей стране в условиях кризиса имеет тенденцию перерасти в межнациональную.

Российская Федерация является социальным государством, что предполагает проведение им политики, направленной на повышение уровня жизни населения. В современных условиях особую актуальность приобретает информационное обеспечение такой политики, выработка механизмов обратной связи между правительством, органами исполнительной власти субъектов федерации и гражданами. Прикладная этнология служит обеспечению лучшего понимания этнокультурного своеобразия населения России в целом и осуществлению административных решений, выработанных в соответствии с этнокультурными потребностями каждого человека. Сегодня этнологические знания востребованы в России в различных сферах политики, социальной практики, культуре и повседневности. Поэтому неслучайно именно сейчас российскими властями обращено пристальное внимание на проблемы межнациональных отношений в стране.

7 июня 2012 г. Президентом РФ был подписан Указ о создании Совета по межнациональным отношениям при Президенте России. Совет был создан «в целях совершенствования государственной политики в области межнациональных отношений (Выделено мной – Н.Л.)». Основными задачами Совета являются: «рассмотрение концептуальных основ, целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации, определение способов, форм и этапов ее реализации; обсуждение практики реализации государственной национальной политики Российской Федерации; обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам межнациональных отношений (Выделено мной – Н.Л.)»¹²¹.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия» говорится, что до ноября 2012 г. должен быть разработан комплекс мер, «направленных на совершенствование работы органов государственной власти Российской Федерации по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений (Выделено мной – Н.Л.), а также на активизацию работы по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма и пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу»¹²².

При современных процессах глобализации, когда убыстряются процессы взаимопроникновения разнообразных культур и даже их слияния, мир стано-

вится еще более сложным, чем когда-либо прежде. В такой ситуации прикладная антропология/этнология, более других дисциплин проникнутая идеями гуманизма и знаниями о способах проявления личностной индивидуальности во взаимосвязи с культурной самобытностью человеческих сообществ, не только помогает лучшему пониманию общего и особенного у разных народов мира, но и предлагает пути и способы смягчения или снятия конфликтных напряжений для достижения социального равновесия. Органы власти всех уровней не только могут, но и должны широко использовать прикладную этнологию для решения проблем и в гетерогенных, и в многонациональных регионах, применяя их опыт и знания о культурных различиях и потребностях людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / РАН. Институт этнологии и антропологии. М., 1996. № 100. С. 1.
- ² См.: Foster G. Applied Anthropology. Boston: Little, Brown and Company, 1969; Bastide R. Applied Anthropology. New York: Harper and Row, 1973; The Development of Applied Anthropology in America // Applied Anthropology in America / W. Partridge and E. Eddy, Eds. New York: Columbia University Press, 1978; Gardner K. and Lewis D. Anthropology, Development and the Post-Modern Challenge. London: Pluto Press, 1996; Bennett J. Applied and Action Anthropology // Current Anthropology. 1996. № 36. (Supplement). P. 23–53; Van Willigen J. Applied Anthropology: An Introduction. Westport, Conn: Bergin and Garvey, 2002; Ervin A.M. Applied Anthropology: Tools and Perspectives for Contemporary Practice. 2005; Hedican E. Applied Anthropology in Canada: Understanding Aboriginal Issues. 1995.
- ³ О соотношении терминов «философская антропология», «физическая антропология», «культурная» и «социальная» антропологии, а также «этнология» и «этнография» см.: Нукишенков А. А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 5–7.
- ⁴ См. подробнее: Bennett J. Appling/Applied Anthropology in the Real World // <http://makinganthropologypublic.wordpress.com/2008/04/17/>.
- ⁵ Ibid.; «Mission Statement» / D. Griffith, J.C. Johnson, J. Simonelli, B. Roberts and J. Wallace, Eds. / Society for Applied Anthropology, 2008. Retrieved on 3 February 2008 // <http://www.sfaa.net/>.
- ⁶ Bennett J. Appling/Applied Anthropology in the Real World; Bennett J. Applied and Action Anthropology. P. 28–32.
- ⁷ Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name «Applied Anthropology»? An Encounter with Global Practice // The Globalization of Anthropology. NAPA Bulletin № 25 / C.E. Hill and M.L. Baba, Eds. Washington, DC: American Anthropological Association, 2006. P. 176–207; Kuper A. Anthropology and Anthropologists: The Modern British School. London: Routledge and Kegan Paul, 1983. P. 100.
- ⁸ Ibid.; Gardner K. and Lewis D. Anthropology.
- ⁹ Bennett J. Appling/Applied Anthropology in the real world; Sillitoe P. The Search for Relevance: A brief History of Applied Anthropology // History and Anthropology. 2006. V. 17. № 1. P. 6.
- ¹⁰ Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: Тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5.
- ¹¹ Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
- ¹² См. подробнее: The Dynamics of Applied Anthropology in the Twentieth Century: The Malinowski Award Papers / T. Weaver, Ed. and Contributor of Introductory / Materials Society for Applied Anthropology. Oklahoma City, 2002. P. 1–33.
- ¹³ Kuper A. Anthropology and Anthropologists. P. 116.
- ¹⁴ Mills D. British Anthropology at the End of Empire: The Rise and Fall of the Colonial Social Science Research Council, 1944–1962 // Revue d'Histoire des Sciences Humaines. 2002. № 6. P. 161–188; Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
- ¹⁵ Mills D. British Anthropology at the End of Empire.
- ¹⁶ См.: Pels P. and Salemink O. Introduction: Locating the Colonial Subjects of Anthropology // Colonial Subjects: Essays on the Practical History of Anthropology / P. Pels. and O. Salemink,

- Eds. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999.
17. См.: *Pels P. and Salemink O.* Introduction: Locating the Colonial Subjects of Anthropology // *Colonial Subjects: Essays on the Practical History of Anthropology* / P. Pels. and O. Salemink, Eds. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999.
 18. *Foster G.* Applied Anthropology.
 19. *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?
 20. The Development of Applied Anthropology in America.
 21. *Mills D.* British Anthropology at the End of Empire; *Pels P. and Salemink O.* Introduction: Locating the Colonial Subjects of Anthropology.
 22. *Mills D.* British Anthropology at the End of Empire.
 23. *Ibid.* P. 171.
 24. *Gardner K. and Lewis D.* Anthropology.
 25. См.: *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53; *Kuper A.* Culture: The Anthropologists Account. Cambridge, MA: Harvard, 1999; *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?; *Arensberg C.* Prospect and Retrospect // *Applied Anthropology*. 1947. № 6. P. 1.
 26. *Chambers E.* Applied Anthropology in the Post-Vietnam Era: Anticipations and Ironies // *Annual Review of Anthropology*. 1987. V. 66. P. 309–337; *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53.
 27. *Никишенков А.А.* Эволюция прикладных исследований в культурной/социальной антропологии // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999 г. Тезисы докладов. Москва, 1999. С. 93–94.
 28. Там же.
 29. *Пименов В.В.* Прикладные аспекты этнографии.
 30. *Fiske Sh.J. and Chambers E.* Status and Trends: Practice and Anthropology in the United States // *The Global Practice of Anthropology* / M.L. Baba and C.E. Hill, Eds. / *Studies in Third World Societies*. № 58. Williamsburg: VA: College of William and Mary Press, 1997. P. 283; *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53; *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?
 31. *Пименов В.В.* Прикладные аспекты этнографии.
 32. *Escobar A.* Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
 33. *Peet R.* Theories of Development. New York: The Guilford Press, 1998; *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?
 34. *Александренков Э.Г.* Прикладная этнография // *Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы*. М., «Наука», 1988. С. 67.
 35. *Holmberg A.* Values in Action: A Symposium // *Human Organization*. 1958. V. 17. № 1. P. 2–26; *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53.
 36. *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?
 37. *Bennett J.* Applying/Applied Anthropology in the Real World.
 38. См.: *Ortner Sh.* Theory in Anthropology since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. V. 26. № 1. P. 126–166; *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?
 39. *Bennett J.* Applying/Applied Anthropology in the Real World; *Sillitoe P.* The Search for Relevance. P. 8.
 40. См.: *Holmberg A. and Dobyns H.* Community and Regional Development, the Joint Cornell-Peru Experiment: The Process of Accelerating Community Change // *Human Organization*. 1962. V. 21. P. 107–109; *Tax S.* Action Anthropology // *Current Anthropology*. 1975. № 16. P. 171–177; *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53.
 41. См. напр., *Thompson L.* An Appropriate Role for Postcolonial Applied Anthropologists // *Human Organization*. 1976. V. 35. P. 1–7; *Bennett J.* Applied and Action Anthropology. P. 23–53; *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name 'Applied Anthropology'?

42. См.: Bennett J. Applied and Action Anthropology. P. 23–53; Hill C.E. Challenging Assumptions of Human Diversity: The Teaching Imagination in Anthropology // The Social Worlds of Higher Education / B.A. Pescosolido and R. Aminzade, Eds. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1999. P. 271–279; Hill C.E. Strategic Issues for Rebuilding a Theory and Practice Synthesis // The Unity of Theory and Practice in Anthropology: Rebuilding a Fractured Synthesis / C.E. Hill and M.L. Baba, Eds. / NAPA Bull. 18. Wash., D.C.: American Anthropological Association, 2000. P.1–16.
43. Cavanagh G.F. American Business Values. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1990; Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
44. Baba M.L. Anthropological Practice in Business and Industry // Applied Anthropology: Domains of Application / S. Kedia and J. Van Willigen, Eds. Westport, Connecticut: Praeger, 2005. P. 221–261.
45. Bennett J. Applied and Action Anthropology. P. 24; Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
46. См.: Van Willigen J. Applied Anthropology; Hill C.E. Professional Organizations and the Future Practice of Anthropology // Practicing Anthropology. 1994. V. 16. P. 23–24.
47. The Development of Applied Anthropology in America.
48. Цит. по: Baba M.L. The Fifth Subdiscipline: Anthropological Practice and the Future of Anthropology // Human Organization. 1994. V. 53. N 2. P. 174–186; Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
49. A Survey of the Contemporary Indians of Canada / H.B. Hawthorn, Ed.. V. I and II. Ottawa, Indian Affairs Branch, 1966–1967.
50. Ervin A.M. Applied Anthropology.
51. Robeiro G. Practicing Anthropology in Brazil: A Retrospective Look at Two Time Periods / Practicing Anthropology. 2004. V. 26. № 3. P. 6–10.
52. Ibidem.
53. Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
54. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, SAGE, 1992; Globalization: Critical Issues / A. Chun, Ed. New York: Berghahn Books, 2004.
55. Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
56. Angrosino M. The Evolution of the New Applied Anthropology // Do Applied Anthropologists Apply Anthropology? / M. Angrosino, Ed. Athens, University of Georgia Press, 1976.
57. Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
58. Chambers E. Applied Anthropology in the Post-Vietnam Era. P. 309.
59. Bennett J. Applied and Action Anthropology. P. 25.
60. Van Willigen J. Applied Anthropology.
61. Stocking G.W. Delimiting Anthropology: Occasional Inquiries and Reflections. Madison: Wisconsin univ. press, 2001; см. также: Гончарова Н.В. Институционализация интегративного знания о культуре в западных и российских образовательных практиках: Автореф. ... канд. культурологии. Кемерово, 2012. С. 13–14.
62. Тетт Дж. Антропологи приходят в офис // Ведомости. 01.06.2005. № 98 (1379).
63. Цит. по: Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?
64. Van Willigen J. Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice. Boulder: Westview Press, 1991; Cernea M. and Adams A. Sociology, Anthropology and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications, 1975–93. Washington: The World Bank, 1994.
65. Ямсков А.Н. Сравнительный анализ тематики прикладных исследований в отечественной этнологии и в англоязычной культурной антропологии // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999. С. 94; он же. Ситуация с прикладными этноэколо-

- гическими исследованиями в зарубежной этнологии // Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999.
66. *Ervin A.M. Applied Anthropology.*
67. *Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'?*
68. *Ibidem.*
69. *Ervin A.M. Applied Anthropology.*
70. *Темм Дж.* Антропологи приходят в офис.
71. *American Anthropological Association. Guide, 2003–2004. Arlington, 2004 // www.aaanet.org.*
72. *Гончарова Н.В.* Институционализация интегративного знания о культуре. С. 12–14.
73. *Резник Ю.М.* Прикладная социальная антропология организаций: научный статус и специфика // Социологические исследования. № 6. 1999. С. 127.
74. *Харузин Н.Н.* Этнография. СПб.: Государственная типография, 1901–1905. С. 5–6.
75. *Yamskov A.N. Practicing Ethnology in Contemporary Russia // The Globalization of Anthropology. NAPA Bulletin No 25 / Eds.: C.E. Hill, M.L. Baba. Berkeley (CA): University of California Press, 2006. P. 82–103.*
76. См. также: *Антропова В.В.* Роль этнографов в осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19–27; *Yamskov A.N. Practicing Ethnology in Contemporary Russia. С. 88.*
77. Положение о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК // Северная Азия, 1925, № 1. С. 138–139; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о местных комитетах содействия народностям северных окраин/ Северная Азия, 1925, № 3. С. 103.
78. *Куриков В.М.* Стратегия развития северных этносов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск, 1999. С. 85.
79. Северная Азия. 1925. № 1. С. 137–138.
80. См. также: *Yamskov A.N. Practicing Ethnology in Contemporary Russia. P. 88.*
81. См., напр.: Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960; Новая жизнь народов Севера. М., 1967; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1970; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987 и др.
82. *Чешко С.В.* Советские этнографы о «национальной политике» в СССР: комментарий к документам // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 145.
83. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 гг. М., 2004; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. 410 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2006. 379 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. 319 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007. 316 с.
84. *Yamskov A.N. Practicing Ethnology in Contemporary Russia. P. 88.*
85. Там же.
86. См. подробнее: Там же. Р. 93.
87. *Степанов В.В.* Этнологическая экспертиза, 2009 // <http://eco.sursa.org/?q=node/19>
88. *Лельхова Ф.М.* Результаты научных исследований – в практику (Из опыта работы Обско-угорского института прикладных исследований и разработок) // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 72–74.
89. *Степанов В.В.* Этнологическая экспертиза, 2009 // <http://eco.sursa.org/?q=node/19>
90. См.: *Никишенков А.А.* Обычное право народов России. Библиографический указатель 1890–1998 гг. М.: ИЭА РАН, 1998.

- ⁹¹ См. серии: Федерализм в сотрудничестве. 1997–98; Местное самоуправление в России. 1998. Вып. 1–4; Совместное управление природными ресурсами и др.; Степанов В.В. Этнологическая экспертиза, 2009 // <http://esco.sursa.org/?q=node/19>
- ⁹² Вот некоторые из таких работ: Карлов В.В. Народности Севера Сибири: особенности воспроизводства и альтернатива развития // Советская этнография. 1991. № 5; Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этнографическое обозрение. 1994. № 5; Обсуждение проекта закона РФ «Основы правового статуса коренных народов Севера» // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, 3, 6; 1996. № 1, 2; Соколова З.П., Новикова Н.И., Скорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение, 1995. № 1; Ткаченко А.А., Корюхина А.В. К проблеме ратификации Российской Федерацией конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Этнографическое обозрение. 1995. № 3; Шабалев Ю.П. Коми-пермяки: проблемы выживания // Этнографическое обозрение. 1994. № 4; Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995; Мурашко О.А. Этно-экологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.
- ⁹³ См., напр.: Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Этнический аспект проблемы строительства Катунской ГЭС // Этнографическое обозрение. 1992. № 2; Осипов А.Г. Влияние государственной идеологии на самосознание и активность меньшинств (на примере месхетинских турок) // Этнографическое обозрение. 1994. № 2; Строганова Е.А. Национально-культурное возрождение в Бурятии: взгляд изнутри села // Этнографическое обозрение. 1997. № 1.
- ⁹⁴ Степанов В.В. Этноэкологическая экспертиза для изучения проблем межнациональных отношений // Этнические факторы в жизни общества. М.: ИЭА АН СССР, 1991.
- ⁹⁵ См., напр.: Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010.
- ⁹⁶ См.: eawarn.tower.ras.ru/most
- ⁹⁷ Новикова Н.И. // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 67–75.
- ⁹⁸ См., напр.: Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: Информагротех, 2010.
- ⁹⁹ См. напр.: Пути мира на Сев. Кавказе. М., 1999; Мир и порядок на Сев. Кавказе. М., 2004; Положение финно-угорских народов Российской Федерации. М., 2005; Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформ-агротех», 2010 (авторский коллектив: В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, Л.Л. Хопёрская)
- ¹⁰⁰ Чешко С.В. Задачи, принципы и направления прикладной этнологии (вместо предисловия) // Этнология общества: Прикладные исследования в этнологии / Отв. ред. Чешко С.В. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 8.
- ¹⁰¹ Baba M.L. and Hill C.E. What's in the Name 'Applied Anthropology'? An Encounter with Global Practice // The Globalization of Anthropology. NAPA Bulletin № 25 / C.E. Hill and M.L. Baba, Eds. Washington, DC: American Anthropological Association, 2006. P. 176–207.
- ¹⁰² Антропологический форум. 2010. № 13. С. 7–144.
- ¹⁰³ Там же. С. 95.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 86.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 43.

- ^{106.} Там же. С. 126.
- ^{107.} *Авдулов А.И., Кулькин А.М.* Парадигма современного научно-технического развития. М.: РАН ИНИОН, 2010. С. 237–238.
- ^{108.} См., напр.: *Богословская Л., Слугин И., Загребин И. Крупник И.* Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.; Анадырь, 2007.
- ^{109.} *Лопуленко Н.А., Уварова Т.Б.* Этнополитические процессы в субъектах РФ со статусом национальной государственности // *Россия и ее соседи: Проблемы интеграции и федерализма в странах СНГ.* М.: ИНИОН, 1998. С. 28–62.
- ^{110.} См. также: *Лопуленко Н.А., Уварова Т.Б.* Народы Сибири и Крайнего Севера в период преобразования общественно-экономических отношений: Обзор по материалам серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» // *Этнографическое обозрение.* М., 1997. № 6. С. 131–138; *Лопуленко Н.А., Уварова Т.Б.* Русские в постсоветской России и новом зарубежье // *Этнографическое обозрение.* М., 1998. № 1. С. 142–149.
- ^{111.} *Финно-угорский вестник.* № 3. Йошкар-Ола. 1999. С. 23.
- ^{112.} <http://mariuver.wordpress.com/2011/06/21/zasch-fu/>
- ^{113.} *Перепелкин Л.* Национальные движения в системе гражданских отношений // <http://www.balkaria.info/oip/perepelkin/dvijenija.htm>
- ^{114.} *Головачева О.С.* Национально-культурные объединения как институт гражданского общества // *Вестник Ставропольского государственного университета.* 2009. Т. 64. С. 139.
- ^{115.} *Baba M.L. and Hill C.E.* What's in the Name «Applied Anthropology»? An Encounter with Global Practice // *The Globalization of Anthropology.* NAPA Bulletin № 25 / C.E. Hill and M.L. Baba, Eds. Washington, DC: American Anthropological Association, 2006. P. 176–207.
- ^{116.} *Hill C.E. and Baba M.* The Unity of Theory and Practice in Anthropology: Rebuilding a Fractured Synthesis. NAPA Bulletin 18. Washington, D.C.: American Anthropological Association, 2000.
- ^{117.} *Ямсков А.Н.* Сравнительный анализ тематики прикладных исследований в отечественной этнологии и в англоязычной культурной антропологии // *III Конгресс этнографов и антропологов России.* 8–11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999. С. 94.
- ^{118.} *Серова Н.* Глобальный «черный ящик» рванет на всю Россию // *УТРО.Ru.* 15 мая. 2012 / <http://www.facebook.com/utro.ru>
- ^{119.} http://www.ria-most.ru/v_rossii_zreet_religioznaj_voina.html
- ^{120.} См., напр.: *Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья* / Ред.-сост. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2012.
- ^{121.} <http://kremlin.ru/news/15577>
- ^{122.} <http://kremlin.ru/news/15240>

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 Брук С.И. Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 Иванова Ю.В. Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 Бушков В.И. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 Брусина О.И. О некоторых причинах межэтнического конфликта в Омской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 Сагаева С.К. Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 Иванова Ю.И. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И. О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 Брук С.И. Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 Гурвич И.С., Батьянова Е.П. Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.

- №17 Осипов А.Г. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май-июнь 1990 г.).
- №19 Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Мennonиты Оренбургской области.
- №20 Брусина О.И., Осипов А.Г. К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 Григорьева Р.А. Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 Емельянов В.М. Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 Абашин С.Н., Бушков В.И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 Молчанов М.А. Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 Крюков М.В. Политика национальной автономии в Китае.
- №3 Стельмах В.Г. Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 Кожановский А.Н. Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.

- №28 Сагаева С.К. Российское казачество.
- №29 Островидова Е.Ю. Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 Тер-Саркисянц А.Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 Сатвалдыев А.Н. К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 Гузенкова Т.С. Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 Праздускас А.А. Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 Соколова И.В. Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 Малькова В.К. Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 Москаленко Н.П. Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 Бутанаев В.Я. Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 Батьянова Е.П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 Малькова В.К. Пресса о современности

- менной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 Бухаев С.С. Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 Бабич И.Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 Кыдырова В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 Лопуленко Н.А. Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 Таболина Т.В. Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.

- №61 Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 Шаров В.Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 Бирин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 Шабеев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 Аккиева С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 Хаджибиев Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 Куликов К.И., Христолюбова Л.С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресьев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 Гостинова Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.

- №80 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 Ильин В.И. Республика Коми: этнос и политика.
- №84 Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 Рубан Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 Смольникова Н.В. Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 Михайлов С.С. Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / Брусина О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.

- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
 №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
 №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
 №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
 №99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
 №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
 №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
 №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
 №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
 №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
 №106 *Шабает Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
 №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтнических районах Закавказья, Сибири и Урала.
 №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
 №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
 №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
 №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
 №113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
 №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
 №115 *Малькова В.К.* Москва много-

национальная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.

- №116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
 №117 *Смоляникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
 №118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
 №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
 №120 *Абашии С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
 №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
 №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
 №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
 №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
 №126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
 №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
 №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
 №129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
 №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.

№132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.

- №133 *Бабич И.Л.* Правовой минимизм в Северной Осетии: История и современность.
 №134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
 №135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
 №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
 №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
 №138 Города Подмоскovie: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
 №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия звеньев в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
 №141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
 №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
 №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
 №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
 №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
 №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
 №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
 №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского общества России.

- №150 Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация.
- №151 Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
- №152 Сирина А.А. Народы Севера Иркутской области.
- №153 Юраков А.В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 Смирнова С.К. Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 Смирнова С.К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 Смирнова С.К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 Димаева Ф.В. Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 Ситнянский Г.Ю. Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 Миссонова Л.И. Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 Заурбекова Г.В. Ваххабизм в Чечне.
- №164 Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 Анайбан З.В. Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 Харитонов В.И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.

- №168 Шлыгина Н.В. Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 Фаис О.Д. Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 Лопуленко Н.А. Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 Наумова О.Б. Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 Найденова Е.А. Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 Ториев Б.Х. Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 Субботина И.А. Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующего общества.

2005 г.

- №176 Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Холман Д., Шенфилд С. После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 Каландаров Т.С. Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 Питерская Е. Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 Субботина И.А. Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 Олимова С., Олимов М. Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.

- №185 Мартынова М.Ю. Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 Сирина А.А., Фонда Г.А. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 Новикова Н.И. Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 Александренков Э.Г. Индигенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 Новикова Н.И., Якель Ю.Я. Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 Остапенко Л.В. Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 Анайбан З.В. Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 Рыжакова С.И. Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 Череватенко В.И. Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 Козлов С.Я. Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI в.).
- №195 Устинова М.Я. Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: Новые вызовы.
- №196 Тишков В.А., Шабеев Ю.П. Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 Александренков Э.А. Аборигены Колумбии и государство.
- №198 Ситнянский Г. Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 Банаева М.Г. Бурятская община г. Москвы.

2008 г.

- №200 Тишков В.А. 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 Малькова В.К. Образы многонационального города в современной столичной прессе.

- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: Опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неоязычество, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени

- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 Европейская языковая Хартия и Россия.
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шльгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.

- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* "Черкесский вопрос": современные интерпретации и реалии эпохи.
- №227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

- №228 *Популенко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»: Аналитический обзор неперiodического издания.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:

119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.

Институт этнологии и антропологии РАН

тел. (8-495) 938-00-19

E-mail: INFO@IEA.RAS.RU

fax: (8-495) 938-06-00

<http://www.iea.ras.ru/>

Подписано к печати 18.06.2012 Тир. 100 экз. Печ. л. 10,7 Заказ № 59

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.



Лопуленко Наталина Андреевна

Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. С 1990 г. – научный и технический администратор проекта «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Специалист по этнологии малочисленных народов Севера. Область научных интересов: межэтнические отношения и этничность; социально-экономические факторы этничности; направленные социокультурные изменения; этноэкология народов Севера; влияние модернизации на культуру народов Севера, этноэкология и фольклор. Автор множества научных публикаций в т. ч. монографий и брошюр: «Эскимосы США и Канады. Очерки социально-культурного развития». М., «Старый Сад», 1998. 218 с.; «Народы Крайнего Севера России во 2-й пол. 90-х гг. XX в.: экономика, культура политика (по материалам региональной прессы)». М., «Старый Сад», 2000. 342 с.; «В мире жить – с миром жить»: Хрестоматия. М.: Изд-во РУДН, 2002. 364 с. (в соавт.). В серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» опубликованы брошюры: «Правовой статус и самоуправление у коренного населения Аляски». 1993. № 53; «Американский опыт урегулирования проблем коренного населения». 1996. № 97; «Нунавут – опыт автономии в Канадской Арктике». 2004. № 170 и др.

Lopulenko Natalina A.

Ph.D., the leading scientific research of Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences. Scientific and administrative secretary of the Project «Studies in applied and urgent Ethnology» (from 1990). The expert in ethnology of the small people of the North. Area of scientific interests: interethnic relations and ethnicity; socio-economical factors of ethnicity; directed socio-cultural changes among small ethnic group; ethno-ecology of peoples of the North, influence of modernization on culture of the people of the North. The author of numerous of scientific publications including monographs and brochures: «Eskimos of the USA and Canada. Essays of socio-cultural development». M., 1998; «The Peoples of the Russian North in 1990: Economy, Culture, Policy» (on the date of the regional press). M., 2000; «In the world to live - to live in peace»: Chrestomathy (co-author.). M. 2002. In a series of «Studies in applied and urgent Ethnology» are published: «Low Status and Self-government among the Alaskan Natives». 1993. № 53; «American Experience of Settlement of Problems of Indigenous Population». 1996. № 97; «Nunavut – the Experience of an Autonomy in the Canadian Arctic Regions». 2004. № 170.

ISBN 978-5-4211-0058-4



9 785421 100584